Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Сайфутдинова Венера Максутовна

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ПРАВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Близнец Иван Анатольевич

Москва — 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……..……3

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности…..…….……..18

§ 1. Основные теоретические подходы к определению принципа добросовестности в праве…….……18

§ 2. Добросовестность и пределы осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей в праве интеллектуальной собственности…….....36

§ 3. Определение функций принципа добросовестности с учетом специфики права интеллектуальной собственности …….....49

Глава 2. Осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей на основе принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности…….73

§ 1. Согласие автора (правообладателя) при определении добросовестности поведения…….....73

§ 2. Свободное использование при реализации принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности……...96

§ 3. Добросовестность действий участников правоотношений в сфере права интеллектуальной собственности при приобретении и использовании исключительного права на товарные знаки..……...111

Заключение...……..130

Список использованных источников.…….....136

Приложение. Проект федерального закона «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»…..……167

Введение

Актуальность темы настоящего диссертационного исследования определена общей тенденцией увеличения роли и значимости принципа добросовестности в современном отечественном гражданском законодательстве.

Первоначально действующим Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) принципу добросовестности уделялось внимание не в том масштабе и значении, каких он заслуживает. С внесением изменений в ГК РФ добросовестность в большей мере стала рассматриваться в качестве общего принципа гражданского права, регулирующего гражданские правоотношения, в том числе возникающие в сфере создания и использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации товаров, работ, услуг и предприятий.

Принцип добросовестности, как и другие правовые принципы, играет роль важнейшего регулятора права и оказывает влияние на все виды юридической деятельности, что обеспечивает относительную стабильность права. Такое воздействие особенно актуально в условиях довольно динамичного развития общества, постоянно требующего внесения изменений в правовые нормы. В этой ситуации существование и реальное действие правовых принципов, в том числе принципа добросовестности, как первооснов, постулатов, четко выработанных и соответствующих духу закона, позволяют регулировать общественные отношения и не допускать возникновения серьезных проблем.

Значение реального применения правовых принципов, выполняющих важную регулятивную роль, возрастает в российской правовой системе. Такое отношение к принципам права существует в российской правовой системе на разных уровнях. Обращает на себя внимание и практика конституционного правосудия, ведь Конституционный Суд РФ активно оперирует принципами права при вынесении своих решений, причем сам перечень принципов и их сущностное толкование практически полностью совпадают с международными стандартами.

В гражданских правоотношениях применение принципа добросовестности, как нравственно-этической категории, связано с желанием сторон гражданских правоотношений, насколько это возможно, не допускать нарушений, которые могут возникнуть в результате совершения действий либо в результате бездействия, субъективных прав и законных интересов иных лиц, осуществлять права, принадлежащие им, в соответствии с их назначением.

Невозможность установления в гражданском праве абсолютно четких и конкретных критериев добросовестности, в виду наличия оценочных свойств, а значит и возможности вынесения субъективной оценки прежде всего правоприменителем, приводит на практике к возникновению затруднений в уяснении его содержания и в целом в реализации данного принципа в конкретных гражданско-правовых отношениях.

При осуществлении принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности следует акцентировать внимание на том, что данный принцип традиционно понимается в качестве одного из пределов осуществления гражданских прав, в том числе интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, необходимо обратить внимание и на то, что исследование вопроса о пределах осуществления интеллектуальных прав непосредственным образом взаимосвязано с проблемами защиты от недобросовестной конкуренции, злоупотребления правами, а также с иными аспектами защиты интеллектуальных прав.

Теоретические аспекты специфики применения принципа добросовестности при осуществлении гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей в праве интеллектуальной собственности, а также анализ связанных с этим практических проблем представляются актуальной научной задачей, на решение которой и направлено данное диссертационное исследование.

Степень научной разработанности темы. При выполнении настоящего диссертационного исследования проанализированы доктринальные подходы к определению понятия, признаков принципов гражданского права. В данном аспекте были изучены научные работы М. М. Агаркова, С. С. Алексеева, О. С.

Иоффе, В. И. Серебровского, Е. В. Васьковского, Ю. С. Гамбарова, В. П. Грибанова, Д. Д. Гримма, Н. Л. Дювернуа, Д. И. Мейера, С. А. Муромцева, И. Б. Новицкого, К. П. Победоносцева, И. А. Покровского, В. И. Синайского, К. И. Скловского, Г. Ф. Шершеневича и др.

Принципу добросовестности посвящены диссертационные исследования представителей разных направлений юридической науки, в том числе в частноправовой сфере необходимо назвать труды Я. А. Глебовского, М. В. Демьяновой, А. А. Кравченко, А. В. Поповой, Ж. И. Седовой, О. В. Черкасовой.

К диссертационным работам, направленным на анализ принципа добросовестности в гражданском праве и в конкретных видах гражданских правоотношений, относятся работы М. В. Аверьяновой, О. Н. Барминой, Р. С. Бевзенко, Н. В. Беребёни, Е. Е. Богдановой, А. В. Волкова, Е. В. Василенко, М. В. Демьяновой, Т. Ю. Дроздовой, В. И. Емельянова, Д. Л. Кондратюк, М. Ф. Лукьяненко, О. В. Мазур, К. В. Нама, А. В. Наумова, Т. В. Новиковой, С. Д. Радченко, К. И. Скловского, Е. А. Сорокиной, А. В. Татарникова, О. В. Ушакова.

При определении систематизирующих признаков принципа добросовестности, пределов осуществления гражданских прав и обязанностей, принципа запрета злоупотребления правом рассматривались позиции изложенные М. М. Агарковым, Л. В. Андреевой, О. Н. Барминой, С. А. Барышевым, Е. В. Богдановым, Е. Е. Богдановой, М. И. Брагинским, Е. В. Вавилиным, Л. Ю. Василевской, В. В. Витрянским, А. В. Волковым, В.Л. Вольфсон, Э. П. Гавриловым, С. П. Гришаевым, Н. В. Зайцевой, О. С. Иоффе, А. Г. Карапетовым, А. Я. Курбатовым, Ю. Г. Лесковой, М. Н. Малеиной, М. С. Николаевой, С. Д. Радченко, А. А. Соловьевым, Л. В. Терентьевой, Т. П. Шишмаревой, М. М. Якубчик, Т. С. Яценко и др.

В диссертационной работе использовались доктринальные труды ученых, исследующих как общие вопросы права интеллектуальной собственности, так и ее отдельных институтов, в том числе О. С. Авдониной, И. А. Близнеца, Н. В. Бузовой, Е. В. Вавилина, Е. А. Войниканис, А. С. Ворожевич, Э. П. Гаврилова, О. А. Городова, Е. С. Гринь, В. А. Дозорцева, В. О. Калятина, А. В. Коновалова, К. Б.

Леонтьева, А. Г. Матвеева, М. А. Мирошниковой, Е. А. Моргуновой, К. В. Нама, Л. А. Новоселовой, О. А. Рузаковой, В. С. Савиной, А. П. Сергеева, В. Н. Синельниковой, Р. И. Ситдиковой, Е. А. Суханова, М. В. Тюнина, Ю. С. Харитоновой, Н. А. Шебановой, Н. В. Щербак и др.

Проблемы осуществления, защиты и ограничения интеллектуальных прав проанализировали Н. Н. Айрапетов, А. С. Ворожевич, Д. А. Гаврилов, М. А. Кольздорф.

При рассмотрении вопросов компенсации, как меры ответственности за нарушение исключительных прав, научной опорой стали позиции Э. П. Гаврилова, В. О. Калятина, В. А. Корнеева, Р. Л. Лукьянова, А. Л. Маковского, Л. А. Новоселовой, Е. А. Павловой, А. П. Сергеева.

Были проанализированы вопросы недобросовестности действий сторон при досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, исследованные в работах А. В. Букловой, И. П. Оленичева, И. Д. Ходакова.

Однако, научных трудов, посвященных анализу реализации принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности, со спецификой применения данного принципа в отдельных институтах права интеллектуальной собственности, не проводилось.

Цель диссертационного исследования состоит в формировании теоретико-методологических и практических подходов к правовому регулированию принципа добросовестности и его функциям, реализации данного принципа в праве интеллектуальной собственности, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию гражданского законодательства в исследуемой сфере и практике его применения в современных условиях.

Для достижения поставленной цели требуется решение следующих **задач**:

— проанализировать теоретико-методологический подход к содержанию категории «принцип добросовестности» в праве интеллектуальной собственности;

— выявить соотношение понятий недобросовестности и злоупотребления правом в праве интеллектуальной собственности;

— установить функции принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности;

— в рамках функционального подхода исследовать специфику согласия автора (правообладателя) в праве интеллектуальной собственности с учетом ограничений и исключений, принимая во внимание случаи свободного использования результатов интеллектуальной деятельности;

— рассмотреть возможность конкретизации формы согласия автора на использование объектов интеллектуальной собственности для предотвращения нарушения авторских прав в информационном пространстве;

— охарактеризовать добросовестность действий участников правоотношений в сфере права интеллектуальной собственности при приобретении и использовании исключительного права на товарные знаки;

— обосновать права лиц, не достигших 18 лет, на часть средств, полученных при создании и использовании, распоряжении правами на аудиовизуальное произведение, созданное в соавторстве с родителями, усыновителями и опекунами;

— проанализировать поведение родителей, усыновителей и опекунов лиц, не достигших 18 лет, при создании в соавторстве с этими лицами аудиовизуальных произведений (видеороликов) с учетом принципа добросовестности.

Объектом диссертационного исследования выступают гражданско-правовые отношения, возникающие в связи с правовой регламентацией и реализацией принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности.

Предмет исследования составляют нормы права интеллектуальной собственности, а также цивилистическая доктрина, судебная и иная правоприменительная практика, складывающаяся в связи с использованием результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана.

Методология и методы научного исследования включают общие (общенаучные) и специальные (частнонаучные) методы.

Среди общенаучных методов исследования в целях изучения общих процессов, научных подходов к пониманию принципа добросовестности, выделения его функций, исследования особенностей принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности были использованы формально-логический, системно-структурный, функциональный, конкретно-социологический методы.

В числе специальных (частнонаучных) методов были применены формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, метод правового моделирования. Формально-юридический метод позволил определить правовую природу принципа добросовестности, исходя из специфики объектов интеллектуальной собственности выявить ключевые положения, определяющие особенности реализации принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности, сформулировать понятие добросовестного использования права интеллектуальной собственности. Историко-правовой метод применялся при исследовании развития правового регулирования принципа добросовестности, а также при анализе правоприменительной практики. Сравнительно-правовой метод использовался в целях выявления особенностей реализации принципа добросовестности в отдельных институтах права интеллектуальной собственности. Метод правового моделирования позволил сформулировать предложения по внесению изменений в действующее законодательство.

Теоретической основой диссертационного исследования выступили труды ученых по проблематике реализации принципа добросовестности в гражданском праве, в том числе праве интеллектуальной собственности: М. М. Агаркова, С. С. Алексеева, С. А. Барышева, И. А. Близнеца, Е. Е. Богдановой, М. И. Брагинского, Е. В. Вавилина, Е. В. Васьковского, В. В. Витрянского, Е. А. Войниканис, В. Л. Вольфсона, Э. П. Гаврилова, Ю. С. Гамбарова, О. А. Городова, В. П. Грибанова, Д. Д. Гримма, Е. С. Гринь, С. П. Гришаева, В. А. Дозорцева, Н. Л. Дювернуа, Н. В. Зайцевой, О. С. Иоффе, В. О. Калятина, А. Г. Карапетова, А. В. Коновалова, К. Б. Леонтьева, А. Г. Матвеева, Д. И. Мейера, М. А. Мирошниковой, Е. А. Моргуновой, С. А. Муромцева, К. В. Нама, Л. А.

Новоселовой, К. П. Победоносцева, И. А. Покровского, О. А. Рузаковой, В. С. Савиной, А. П. Сергеева, В. И. Серебровского, В. И. Синайского, В. Н. Синельниковой, Р. И. Ситдиковой, Е. А. Суханова, Ю. С. Харитоновой, Н. А. Шебановой, Н. В. Щербак, Г. Ф. Шершеневича и др.

Нормативную правовую основу настоящего диссертационного исследования составляют Конституция РФ, российское гражданское законодательство, включая ГК РФ, иные федеральные законы и другие нормативные правовые акты, регулирующих исследуемые гражданско-правовые отношения, в том числе международные нормативные правовые акты, а также нормативные правовые акты зарубежных государств.

Эмпирическую основу данного диссертационного исследования составили правовые позиции российских судов, в том числе Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Суда по интеллектуальным правам, иные судебные акты, материалы о деятельности Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента) и ее структурных подразделений, в частности Палаты по патентным спорам, а также судебная практика иностранных государств.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней на основе анализа гражданского законодательства и правоприменительной практики сформированы теоретико-методологические и практические подходы к реализации принципа добросовестности и его функциям в праве интеллектуальной собственности, а также разработаны рекомендации по совершенствованию российского гражданского законодательства и практики его применения в современных условиях, а именно:

— выделены ключевые положения, определяющие особенности реализации принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности;

— исследованы особенности осуществления функций принципа добросовестности в правоотношениях, складывающихся в сфере интеллектуальной собственности;

— определено, что считать добросовестным использованием результата интеллектуальной деятельности либо средства индивидуализации, обосновано

введение в научный оборот и гражданское законодательство термина «добросовестный приобретатель (пользователь) результата интеллектуальной деятельности»;

— предложено понятие «лица, заинтересованные в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака»;

— сформулированы теоретико-методологические подходы к понятию добросовестности в праве интеллектуальной собственности, и охарактеризованы их отдельные виды.

На защиту выносятся следующие положения и выводы диссертационного исследования:

1. Раскрыто содержание принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности — это требование такого поведения участников правоотношений при создании, использовании и распоряжении объектами интеллектуальных прав, которое обращено на соблюдение ими разумных ожиданий друг от друга и воздержание от действий, направленных исключительно на извлечение выгоды за счет другого лица.

2. Установлено, что особенности осуществления прав и обязанностей в праве интеллектуальной собственности предопределяются нематериальным характером объектов интеллектуальной собственности, спецификой их правовой природы, наличием особых прав у авторов (правообладателей), а именно исключительных прав. Недобросовестное осуществление прав приводит к нарушению как интеллектуальных прав в целом, так и отдельных норм, устанавливающих сроки правовой охраны, объем предоставленных прав, способы использования и распоряжения объектом интеллектуальной собственности, применение особого способа защиты исключительного права — компенсации.

Нарушение интеллектуальных прав вследствие недобросовестного поведения лица возможно и в форме предъявления иска исключительно с целью получения выгоды, в том числе и материального характера. Установление судом факта злоупотребления правом — предъявления иска исключительно с намерением причинить вред контрагенту — является основанием для отказа в удовлетворении

иска, что в отдельных случаях нивелирует саму возможность оспаривания предоставленной объекту интеллектуальной собственности правовой охраны.

3. В информационном пространстве результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации достаточно быстро распространяются, а сама информационная среда предполагает множественность способов нарушения и значительное количество участников, способных нарушить права авторов как преднамеренно, так и по незнанию (субъективная добросовестность), в том числе нарушителями становятся разработчики искусственного интеллекта (далее — ИИ) и информационные посредники. Это обусловливает особый вид недобросовестного использования в информационном пространстве.

4. Аргументировано, что принцип добросовестности выполняет конкретизирующую, дополняющую, ограничительную и корректирующую функции в праве интеллектуальной собственности при создании, использовании и распоряжении интеллектуальными правами.

Конкретизирующая функция заключается в уточнении прав и обязанностей сторон по использованию и распоряжению интеллектуальными правами, которые вытекают из закона или договора.

Дополняющая функция расширяет обязанности сторон, если это не предусмотрено законом или договором по использованию и распоряжению интеллектуальными правами.

Ограничительная функция включает в себя пределы осуществления прав и исполнения обязанностей по использованию и распоряжению интеллектуальными правами, которые вытекают из закона или договора.

Корректирующая функция заключается в определении содержания договора и норм права по использованию и распоряжению интеллектуальными правами в случае, если они утрачивают актуальность, что позволяет разрабатывать новые нормы права.

5. Добросовестное использование предполагает использование самим автором (правообладателем) или разрешение / запрет использования другим лицам результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации

с учетом установленных законодательством определенных исключений и ограничений. К таким ограничениями и исключениям относятся случаи свободного использования произведения без выплаты вознаграждения (в личных целях, библиотечных, архивных, образовательных, правоохранительных, религиозных, социальных и иных общественно значимых целях) и с выплатой вознаграждения (в случаях, когда имеет место: принудительное лицензирование объектов патентных прав и селекционного достижения; использование изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности; использование изобретения для производства лекарственного средства в целях его экспорта в соответствии с международным договором Российской Федерации).

При этом ограничения исключительных прав на произведения науки, литературы или искусства либо на объекты смежных прав, на изобретения или промышленные образцы устанавливаются при условии, что такие ограничения не противоречат обычному использованию и не ущемляют необоснованным образом законные интересы правообладателей. А ограничения исключительных прав на товарные знаки устанавливаются при условии, что такие ограничения учитывают законные интересы правообладателей и третьих лиц.

6. Информационное пространство предоставляет пользователям большие возможности разными способами нарушать права авторов как преднамеренно, так и по незнанию (субъективная добросовестность). Нарушителями становятся разработчики ИИ, информационные посредники, лица, не являющиеся авторами (правообладателями), но представляющиеся ими.

Для предотвращения нарушения авторских прав в информационном пространстве определена необходимость скорректировать подход к объективизации согласия автора (правообладателя) на использование объектов интеллектуальной собственности, включая и те объекты, право свободного доступа к которым потребитель получает по договору присоединения: в качестве выраженного согласия возможно нанесение маркировки на объект интеллектуальной собственности в виде стандартизированной записи «согласен на свободное использование».

7. Установлено, что к числу наиболее часто совершаемых правонарушений относится недобросовестное использование исключительного права на товарный знак, что обусловлено коммерческой ценностью данного средства индивидуализации.

Случаями нарушений принципа добросовестности при реализации исключительного права на товарный знак могут быть признаны:

— поведение правообладателя, зарегистрировавшего товарный знак без цели его использования, исключительно для взыскания компенсации за его применение третьими лицами;

— обращение в суд лиц, заинтересованных в досрочном прекращении правовой охраны товарных знаков, исключительно для взыскания компенсации за их использование третьими лицами;

— действия Роспатента по государственной регистрации прав на товарный знак в нарушение прямых указаний на соблюдение норм морали и нравственности.

8. Обосновано, что дети могут быть создателями (авторами), исполнителями в аудиовизуальных произведениях (видеороликах), создаваемых совместно с родителями, усыновителями и опекунами, что означает наличие у детей авторских и смежных прав.

Осуществление родителями, усыновителями и опекунами несовершеннолетних детей интеллектуальных прав на созданные в соавторстве с детьми произведения должно быть добросовестным с учетом реализации исключительного права детей на произведение, в особенности права на вознаграждение.

Добросовестность родителей, усыновителей и опекунов несовершеннолетних детей определяется и несовершением действий причиняющих вред жизни, здоровью, чести и достоинству детей. В связи с этим следует признать недобросовестным поведение родителей, усыновителей и опекунов, которые создают и распространяют аудиовизуальные произведения (видеоролики) и иные произведения, предназначенные для просмотра в сети Интернет, содержание которых может порочить честь и достоинство ребенка, и

возложить на недобросовестного родителя обязанность денежной компенсации в соответствии со ст. 151 ГК РФ.

Предложения по совершенствованию гражданского законодательства:

1. Предлагаем дополнить абзацем 2 п. 1 ст. 1300 ГК РФ:

«Созданные или обработанные с применением технологий искусственного интеллекта результаты интеллектуальной деятельности должны распознаваться как искусственно созданные или обработанные. Указанная информация должна быть предоставлена лицом, осуществляющим создание или обработку результатов интеллектуальной деятельности с применением технологий искусственного интеллекта, всем заинтересованным лицам в доступной форме перед первым ознакомлением или использованием».

2. Предложен проект федерального закона «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», разработанный с целью защиты имущественных прав детей (подопечных), не достигших 18 лет. Законопроект предполагает распределение доходов от совместного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо от совместного распоряжения исключительным правом на такой результат или на такое средство, созданные в соавторстве, где одной стороной являются родители (усыновители, опекуны, попечители), а другой — дети (подопечные), не достигшие 18 лет, в равных долях, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

В целях обеспечения прав детей предлагается включать в договоры с пользователями/приобретателями исключительных прав на аудиовизуальные произведения условия о перечислении части средств на специальные, недоступные родителям, усыновителям и опекунам номинальные счета детей. Дети получают доступ к номинальному счету по достижении совершеннолетия. Порядок открытия номинального счета, зачисления и выплаты вознаграждения урегулирован статьей 1243.1 ГК РФ.

3. Предлагаем внести в часть четвертую ГК РФ понятие «лица, заинтересованные в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака». К числу указанных заинтересованных лиц следует отнести тех, чьи права и

законные интересы затрагиваются соответствующим правом на товарный знак, причем направленность их коммерческого интереса, совершенные подготовительные действия свидетельствуют о реальном последующем намерении добросовестно использовать спорное обозначение в своей деятельности.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что она представляет собой исследование, формирующее целостное доктринальное представление о реализации принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности. Выводы и положения диссертационного исследования способны стать теоретической основой для дальнейших исследований в области права интеллектуальной собственности. Некоторые изложенные в работе выводы могут быть использованы при проведении исследований в области гражданского права, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования в специальной литературе (как учебной, так и научной) изложенных в нем теоретических выводов и предложений, применения их в научных исследованиях по соответствующей проблематике, в процессе преподавания дисциплин: «Гражданское право», «Право интеллектуальной собственности», «Авторское право и смежные права» и т.п.

Предложенные подходы в рамках совершенствования законодательства могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности. В диссертации сформулированы теоретические и практические рекомендации по совершенствованию законодательства в сфере права интеллектуальной собственности, в том числе те, которые при участии диссертанта внесены в качестве законопроекта на рассмотрение в Государственную Думу РФ (Законопроект № 1138405-8 «О внесении изменений в статьи 1281 и 1318 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Степень достоверности результатов исследования обеспечена применением комплекса мер, которые соответствуют его цели и задачам, а также изучением и анализом более 250 источников.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре интеллектуальных прав ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». Основные теоретические положения и практические рекомендации, сформулированные при ее подготовке, отражены в научных работах диссертанта. Результаты проведенного исследования использовались в процессе преподавания автором дисциплин «Защита интеллектуальной собственности», «Право интеллектуальной собственности» в ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий».

Диссертантом была также осуществлена апробация результатов настоящего исследования в ходе научно-практических конференций, в том числе на XII Международном юридическом форуме «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» (IP Форум), 16-17 февраля 2024 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва; XIII Международном юридическом форуме «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» (IP Форум) 14-15 февраля 2024 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва; Всероссийской научно-практической конференции «I Венедиктовские чтения» 2 декабря 2023 г., г. Уфа; VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2020», 22 мая 2020 г., г. Гатчина; Научно-практической конференции Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан «Актуальные проблемы российского права в современных условиях», 26 октября 2015 г., г. Уфа; Научно-практической конференции Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан «Актуальные проблемы российского права в современных условиях», 01 октября 2013 г., г. Уфа.

Публикации по теме диссертации. По теме исследования диссертантом были опубликованы 12 научных работ, включая 5 статей в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные

результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура диссертационного исследования разработана согласно поставленным цели и задачам. Диссертационная работа включает введение, две главы, состоящие из шести параграфов, заключение, список использованных источников и приложение.

ГЛАВА 1. Теоретико-методологические аспекты принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности

§ 1. Основные теоретические подходы к определению принципа добросовестности в праве

В современной правовой науке представлены различные подходы к объяснению происхождения и правовой сущности принципов права.

Принципы применяются в тех случаях, когда отсутствует соответствующая норма права. Если в праве имеются пробелы и возникают ситуации, не урегулированные нормами гражданского законодательства, договором или обычаем, то к таким отношениям может быть применена аналогия закона. Под аналогией закона понимается использование норм гражданского законодательства, регламентирующих сходные (однородные) общественные отношения. При невозможности обращения к аналогии закона в силу того, что отсутствуют сходные гражданско-правовые отношения, допускается применение аналогии права. Это означает решение ситуации на основе общих начал, внутреннего смысла гражданского законодательства, гражданско-правовых принципов. Таким образом, применение аналогии права представляет собой, по сути, непосредственное обращение к основным началам, принципам гражданского права (п. 2 ст. 6 ГК РФ).

В правовой доктрине выделяются общие принципы, характерные для всех отраслей права, такие как принцип законности, принцип юридического равенства, принцип справедливости, принцип демократизма, принцип социальной свободы, принцип верховенства закона и др.[1], а также различают специальные принципы, характерные для отдельных отраслей или институтов права.

[1] Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2001. С. 186–187.

В. Н. Хропанюк определяет принципы права как «основные исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности общественной жизни»[2].

О фундаментальных отраслевых принципах рассуждал Г. А. Свердлык, классифицируя принципы гражданского права на пронизывающие, генерализующие и цементирующие все гражданско-правовые подотрасли и составляющие их институты»[3].

О. Н. Бармина считает, что основной «формой» принципов являются не столько правовые нормы, сколько нормы морали, что «вызывает необходимость в применении понятия «конструктивные принципы гражданского права»[4].

Т. В. Дерюгина отмечает, что принципы, отражая специфические черты права как социального регулятора отношений, определяют содержание и направления правового регулирования. А также служат основой для построения общей модели правомерного поведения, «не устанавливая при этом конкретную модель поведения управомоченного субъекта», но «стимулируя правомерное поведение управомоченного лица»[5].

Н. А. Бутакова полагает, что «в принципах права отображаются социальные закономерности»[6].

А. А. Волос отмечает, что принципы права отличаются стабильностью и устойчивостью, подвергаясь изменениям лишь в исключительных случаях. В принципах отражаются ключевые тенденции развития гражданского права и его основные черты, что делает их первоосновой данной отрасли права. Вместе с тем постепенная трансформация гражданского законодательства, правоприменительной практики и цивилистической доктрины позволяет заключить, что принципы гражданского права — это «динамичное явление,

---

[2] Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учебник / под ред. В. Г. Стрекозова. 3-е изд., доп. и испр. М. : Интерстиль ; Омега-Л, 2008. С. 213.

[3] Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. С. 105.

[4] Бармина О. Н. Злоупотребление правом / отв. ред. В. А. Кодолов. М. : Радуга-ПРЕСС, 2015. С. 58.

[5] Дерюгина Т. В. Принципы осуществления гражданских прав в системе принципов гражданского права // Гражданское право. 2016. № 2. С. 17–19.

[6] Бутакова Н. А. О понятии принципов права // История государства и права. 2007. № 16. С. 2.

способное к саморазвитию, восприятию внешне происходящих объективно обусловленных процессов»[7].

Некоторые авторы полагают, что в принципах права отражаются пронизывающие право «идеи», идеологически отображающие потребности общественного развития, «в которых выражаются не только основы права, но и закономерности социально-экономической жизни общества»[8], при этом «вряд ли можно говорить о принципах правовых институтов»[9].

Следует вести речь о реальном выражении принципов права в самом праве, поскольку анализ основополагающих начал гражданского законодательства, закрепленных в ст. 1 ГК РФ, позволяет сделать вывод, что список гражданско-правовых принципов, приведенных законодателем, является закрытым. Исходя из этого, ученые заключают, что принципы, не нашедшие отражения в нормах права, «не относятся к числу правовых принципов — это лишь идеи (начала) правосознания, научные выводы»[10]. Как правило, они представляют собой «нормы-принципы».

Ю. Ю. Штурцев, характеризуя принципы права, выделяет два основных подхода. С одной стороны, принципы — это некие основные положения, убеждения, а также базовые черты какого-либо явления, отражающие его сущность. Это позволяет говорить о принципах в субъективном значении, т.е. как о «положениях, которые устанавливаются субъектами для определенных целей, или убеждениях, имеющих индивидуальные истоки своего формирования у каждой отдельной личности»[11]. С другой стороны, наблюдается объективное понимание принципов, когда особенности и сущность явления соответствуют самому явлению и не зависят от субъективных предпочтений.

---

[7] Волос А. А. Современные тенденции развития представлений о принципах гражданского права // Гражданское право. 2016. № 2. С. 20–23.

[8] Советское гражданское право : учебное пособие / под ред. О. А. Красавчикова. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1976. Вып. 1. С. 30.

[9] Белых В. С. К вопросу о принципах предпринимательского права // Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности : монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2016. С. 6–7.

[10] Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1972. Т. 1. С. 103.

[11] Штурцев Ю. Ю. Принципы права : уточнение понятия // История государства и права. 2015. № 5. С. 38–41.

Автор отмечает, что в юридической литературе также прослеживаются эти два направления в понимании принципов права. Так, одни исследователи рассматривают принципы права как исходные, определяющие идеи и положения, что является наиболее распространенным подходом в данном вопросе[12]. Сам Ю. Ю. Штурцев, однако, склоняется к пониманию принципов права как закономерностей, а именно как форм выражения этих закономерностей: «Закономерности — это реально существующие (объективные), необходимые, существенные связи между определенными явлениями»[13]. Он подчеркивает, что при определении «будущего» для субъектов права нужно отталкиваться от принципов права как от основополагающих начал правового регулирования, после чего устанавливается общая направленность юридической деятельности. Однако суть принципов права нельзя сводить только к их начальной функции, поскольку это лишь одно из их значений, а не их суть.

Отметим также, что принципами нередко называют права и обязанности, юридические гарантии, правовые презумпции.

Еще один подход определяет принципы права как основополагающие начала[14], не раскрывая, однако, значения и смысла самого понятия «начала». В юридической литературе широко распространено понимание принципов права как базовых, исходных, основополагающих идей, положений, основных начал, составляющих нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права[15]. Также встречается определение принципов как «закрепленных в праве идеологических, политических и нравственных начал, направляющих регулятивную и охранительную функции права, определяющих характер, основания и объем применения мер воздействия для развития, защиты

---

[12] См.: Байтин М. И. О принципах и функциях права : новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4 ; Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юрид. лит., 1974. С. 79 ; Лукашева Е. А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 22–23.

[13] Штурцев Ю. Ю. Указ. соч. С. 38–41.

[14] Алексеев С. С. Общая теория права : учебник. 2-е изд. М. : Велби ; Проспект, 2008. С. 208.

[15] Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Юристъ, 2001. С. 151.

общественных отношений»[16]. Различают правовые принципы и принципы права[17], общеправовые и специальные принципы права[18].

С. Н. Братусь рассуждал о принципах как ведущих началах: «законе данного движения материи и общества, а также явлений, включенных в ту или иную форму движения»[19].

Термин «принцип» (от лат. principium) действительно принято понимать как начало, первичный элемент, первоисточник, первопричину[20]. Принцип также определяется как «основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения; либо убеждение, взгляд на вещь; основная особенность в устройстве чего-нибудь»[21]. Н. П. Асланян отмечает многозначность понятия «начало», интерпретируя его как «причину, первопричину, основу, происхождение и др.»[22].

С. С. Алексеевым рассматривались принципы как «выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание (основы) и закрепленные в нем закономерности общественной жизни»[23]. При этом различаются понятия «правовые принципы» и «основные начала законодательства», но это не противопоставление и не взаимоисключение[24].

О руководящих началах, идеях, выраженных в праве и определяющих характер и содержание как права в целом, так и его основных отраслей и институтов, пишут многие исследователи. При этом отмечаются такие свойства принципов права, как их неопределенность, трансформация в нормах права, а

---

[16] Советское уголовное право / под ред. Г. А. Кригера, Н. Ф. Кузнецовой, Ю. М. Ткачевского. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 172.

[17] Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма ; Инфра-М, 2017. С. 49–50.

[18] Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности. С. 340.

[19] Братусь С. Н. Принципы советского гражданского права // Правоведение. 1960. № 1. С. 48.

[20] Современный словарь иностранных слов. М. : Русский язык, 1993. С. 490.

[21] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1997. С. 595–596.

[22] Асланян Н. П. Основные начала российского частного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 74–75.

[23] Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. С. 102–112.

[24] Комиссарова Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 8–9.

также роль связующего звена между социальными притязаниями и нормами права[25].

При определении принципов права некоторые авторы ограничиваются перечислением, по отдельности или в совокупности, таких понятий, как «идеи, положения, начала, основные руководящие идеи (начала)»[26].

Таким образом, толкование принципов права чаще всего связывается с термином «начала», однако конкретное определение данного понятия зачастую отсутствует. Некоторые авторы дополняют понятие принципов права прилагательным «общепризнанные», не устанавливая при этом критерии общепризнанности.

Следует отметить, что в результате анализа принципов права многие ученые выделяют такой их признак, как системность[27]. С. С. Бородин полагает, что системность позволяет отразить не только воздействие отдельного принципа права, но и соотношение принципов права друг с другом, а также вытекающее из этого их совместное влияние[28]. Он определяет принципы права как отражающие сущность права и закрепленные в позитивном праве идеи, которые обладают общеобязательным значением и стабильным характером, образуют систему и выполняют правотворческую, правоинтерпретационную и правоприменительную функции.

С методологической точки зрения А. А. Волос анализирует развитие принципов во взаимосвязи с генезисом права в целом, а особенности принципов гражданского права соотносит с их динамикой, различая «общие (генеральные) и специальные (селективные) направления развития системы принципов гражданского права»[29]. К генеральным направлениям он отнес системность и деление принципов на отраслевые, подотраслевые, институционные и т.п.;

---

[25] Смирнова М. Г. Принципы права как выражение социальных притязаний // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3 (49). С. 20–27.

[26] Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 186.

[27] Беребёня Н. В. Теоретические основы системы принципов гражданского права России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 19–20.

[28] Бородин С. С. Система принципов авторского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 1 (34). С. 117.

[29] Волос А. А. Указ. соч. С. 20–23.

межотраслевой характер связей; влияние судебной практики и международного права и зарубежного законодательства. Селективные направления проявляют себя во взаимосвязи и взаимозависимости; наличии «исключений» из принципов (пределы и ограничения), а также в появлении новых принципов, перечень которых постоянно трансформируется под влиянием определенных условий.

Анализируя процесс формирования принципов права, Е. В. Пономаренко указывает на следующую особенность: принципы «вырабатываются правоприменительной практикой, поэтому принципы становятся важным источником не только самого права, но и науки теории права»[30].

Примером вышесказанного может служить процесс генезиса гражданско-правового принципа добросовестности. Изначально, при принятии части первой ГК РФ, этот принцип не был закреплен в ст. 1 данного Кодекса, что вызвало многочисленные споры относительно его природы и назначения. Например, О. А. Кузнецова отмечала, что «добросовестность необходимо считать нравственно-этическим общеправовым принципом, а не отраслевым гражданско-правовым»[31]. В основе такого подхода лежали действовавшие гражданско-правовые нормы и сложившаяся правоприменительная практика. Однако в последующем произошли изменения: активное применение судами принципа добросовестности в итоге привело к его включению в нормы ГК РФ. В этой связи сто́ит согласиться с тем, что формулирование принципов гражданского права, являясь традиционным процессом, «одновременно становится новым методом и средством правового воздействия на общественные отношения, составляющие предмет гражданского права»[32].

Принципы права определяют основные направления нормативно-правового регулирования, и в этом заключается их целевое предназначение. Общеобязательность принципов гражданского права подчеркивает их

---

[30] Пономаренко Е. В. Современная наука теории права : цель, принципы, задачи и функции // Современное право. 2015. № 9. С. 11–15.

[31] Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М. : Статут, 2006. С. 80.

[32] Бондаренко Н. Л. Современный методологический подход к исследованию принципов гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 305–309.

фундаментальность, что отражает существо и специфику гражданско-правового регулирования имущественных отношений.

Таким образом, можно заключить, что под принципами права понимается широкий спектр позиций:

— применение в случае пробелов в законодательстве;

— объективный юридический закон;

— абстрактно выраженные требования;

— цель;

— основа для построения модели правомерного поведения;

— комплекс взаимосвязанных механизмов, включающий социальные притязания;

— закономерности; социальные закономерности; стабильные, устойчивые категории;

— фундаментальные идеи;

— основные положения; убеждения;

— особенности чего-либо;

— начала, руководящие, исходные, ведущие начала, основные начала, отправная точка для совершения действий;

— презумпции, т.е. предположения, в первую очередь предположение о законности действий участников гражданских правоотношений.

При этом важнейшей характеристикой принципов гражданского права является их способность к модернизации с течением времени и развитием общества. Модернизация проявляется в первую очередь в практической реализации принципов. Однако, оставаясь отправной точкой, принципы гражданского права теоретически всегда предполагают, презюмируют определенное поведение субъектов гражданских правоотношений.

Особое внимание в науке и практике уделяется принципу добросовестности. Происхождение термина «добросовестность» тесно связано с категорией «совесть», с чувством нравственной ответственности за свое поведение, а также

«нравственный аспект того, что хорошо и плохо, справедливо и несправедливо»[33]. Таким образом, суть совести заключается во внутренней оценке притязаний и требований, предъявляемых к человеку со стороны общества, руководствующегося необходимостью коллективного сосуществования.

Добросовестность же связана с механизмами социальной ответственности человека, находящегося под влиянием моральных и этических норм: добрая совесть, т.е. «свойственные человеческой природе нравственное сознание, умение различать добро и зло, стремление к добру, способность испытывать чувство стыда за злые намерения и дела»[34].

Категория «добросовестность» (bona fides) известна цивилистике с древнейших времен. Еще в римском частном праве Ульпиан сформулировал ее достаточно конкретно: «Предписания права суть следующие: жить честно, не чинить вреда другому, воздавать каждому все то, что ему принадлежит»[35].

В XVIII в. в английском праве активно реализовывался принцип наивысшей добросовестности (uberrimae fidei) применительно к договорам страхования. Во второй половине XX в., с развитием концепции социального государства, роль принципа добросовестности в странах Западной Европы значительно возросла. Как отмечают некоторые исследователи, законодательство и суды стали отдавать приоритет не принципу автономии частной воли, предполагающему равенство участников договорных отношений, а теории справедливого договора, ставящей во главу угла защиту слабой стороны — потребителя, не имеющего необходимых знаний и опыта, что, безусловно, укрепило основы социального государства и справедливого общественного строя[36].

Н. В. Шереметьева, применяя компаративистский метод исследования, отмечает отсутствие тождественных аналогов термину «добросовестность» в

---

[33] Краткая российская энциклопедия : в 3 т. М. : Оникс 21 век, 2003. Т. 3. С. 229 ; Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньева. 4-е изд. М. : Русский язык, 1999. Т. 1. С. 410.

[34] Елисеев Н. Г. Добросовестность и разумность в правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 10.

[35] Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002. Т. 1 : Кн. 1–4. С. 87.

[36] Сорокина Е. А. Категория добросовестности в западной традиции права : историко-теоретический аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 18.

правовых системах других стран[37]. Используемые в других странах термины не содержат понятия «совесть»: в римском праве и в современных зарубежных правовых системах ключевыми являются такие категории, как «вера», «обещание», «клятва», «честность», «доказательство».

При этом, несмотря на кажущуюся понятность термина, содержание понятия «добросовестность» остается сложным в силу своей нечеткости и размытости.

В науке анализу понятия «добросовестность» посвящено значительное количество исследований[38], включая диссертационные работы[39]. Однако сущность указанной категории, в силу своей внутренней неопределенности, до сих пор вызывает научные дискуссии. В связи с этим говорить о достаточной разработанности данного вопроса не следует.

Следует различать добросовестность в объективном и субъективном смыслах[40].

Добросовестность в объективном смысле представляет собой некое внешнее мерило, применяемое субъектами гражданского оборота в своих взаимоотношениях. В связи с этим возникает впечатление, что с помощью принципа можно измерять, т.е. выделяется еще одно понимание сущности «принципа» — как мерила, критерия.

---

[37] Шереметьева Н. В. Недобросовестность в вещном праве : монография. М. : Проспект, 2023.

[38] См., например: Нам К. В. Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 88–103 ; Леонов М. Р. Соотношение принципа добросовестности и принципа эстоппель // Закон и право. 2023. № 9. С. 130–134 ; Волков А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом // Юрист. 2013. № 8. С. 3–7 ; Гаврилов Э. П. Принцип добросовестности и нормы права, основанные на этом принципе // Хозяйство и право. 2020. № 11 (526). С. 59–61 ; Зайцева Н. В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 476–501 ; Федин И. Г. Многоаспектность категории «добросовестность» в российском праве // Юридические науки : проблемы и перспективы : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань : Бук, 2015. С. 7–10.

[39] См.: Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010 ; Новикова Т. В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 132 ; Татарников А. В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010 ; Мазур О. В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012 ; Аверьянова М. В. Защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001 ; Дроздова Т. А. Добросовестность в российском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2004 ; Нам К. В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.

[40] См., например: Жгулев А. А. Добросовестность при исполнении обязательства. М. : Инфотропик Медиа, 2011. С. 3 ; Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124.

Т. С. Яценко акцентирует внимание на следующем: «Добросовестность с правовой точки зрения в объективном смысле характеризует, прежде всего, поведение человека, а не его внутренние качества, поэтому важным моментом является действие либо бездействие, а не моральные воззрения человека, его совершающего»[41].

Исходя из этого, когда мы даем правовую оценку добросовестности субъекта, мы оцениваем его поведение со следующих позиций: надлежащим ли образом лицо осуществляет принадлежащие ему права и исполняет возложенные на него обязанности? Кроме того, добросовестность характеризует нормальное поведение субъекта гражданского оборота, проявление им разумной заботливости.

Добросовестность в субъективном смысле — это неосведомленность субъекта об обстоятельствах, с которыми закон связывает те или иные правовые последствия.

Ю. К. Толстой рассматривает добросовестность именно с данной точки зрения, как субъективное состояние лица, которое «не знает и не может (не должно) знать о факте, знание которого с позиции закона делает поведение лица недобросовестным, а неосмотрительность в гражданском обороте нарушает не только нормы права, но и требования нравственности»[42].

Впрочем, некоторые ученые указывают, что подобное неведение по основаниям, предусмотренным законом, может привести «к тому, что лицо, вопреки препятствиям, все же приобретает соответствующее право»[43].

И. Б. Новицкий также анализировал объективную и субъективную добросовестность[44]. Объективную добросовестность он рассматривал как мерило, принимаемое законом, судом и рекомендуемое членам гражданского оборота в отношениях друг с другом, обозначая ее в качестве «параллельной», «подсобной»

---

[41] Яценко Т. С. Понятие добросовестного поведения в зарубежном гражданском праве // Нотариус. 2013. № 8. С. 36–38.

[42] Толстой Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. С. 95.

[43] Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. 1946. № 6. С. 431.

[44] Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 56–57.

нормы, призываемой к действию законом. Субъективный же смысл он раскрывал через незнание некоторых обстоятельств, с которыми связаны какие-либо юридические последствия.

Необходимость выделения категории «добросовестность» в гражданском законодательстве целым рядом исследователей обусловливается потребностью в характеристике субъективной стороны деяний, не подпадающих под признаки гражданского правонарушения, однако «влекущих за собой наступление негативных последствий для лица, их совершившего, которые между тем нельзя квалифицировать как гражданско-правовую ответственность»[45].

Добросовестность в объективном и субъективном смысле как оценочная категория стала предметом исследования в диссертации А. В. Поповой, где отмечается, что субъективный элемент добросовестности входит в позитивное право и выступает в качестве внутреннего требования нормы права. Он тесно связан с действиями субъекта, которые оцениваются с позиций правдивости, соблюдения обязательств, уважения прав, осознания последствий своих действий, соизмерения своих интересов и интересов других лиц и недопустимости причинения вреда третьим лицам. Что касается объективного элемента добросовестности, то он связан с «наличием требований добросовестного поведения, вытекающих из конкретных правовых норм, а в необходимых случаях — из моральных и этических норм»[46].

Е. В. Богданов под добросовестностью участников гражданских правоотношений понимает «субъективную сторону их поведения, когда они не знали и не могли знать о правах третьих лиц на соответствующее имущество или иной своей неуправомоченности»[47].

---

[45] Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М. : Лекс-Книга, 2002. С. 98.

[46] Попова А. В. Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте : законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран — членов Европейского Союза : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 12.

[47] Богданов Е. В. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 12.

Под недобросовестностью некоторые авторы понимают противоправное действие или бездействие участников правоотношения[48], т.е. это объективная сторона деяния субъекта. Поэтому для определения, например, добросовестности приобретателя нужно исходить из характеристики поведения лица.

Объективную добросовестность также рассматривают как нормативное понятие[49], которое должны учитывать контрагенты.

Относительно добросовестности в объективном смысле верна позиция М. М. Якубчик, которая указывает на наличие добросовестности в любом гражданском обороте, потому что: «Доверие должно быть напрасным, в том числе и в случае, если оно оправдается через судебное решение»[50].

Добросовестность в субъективном смысле можно определить как извинительное незнание каких-либо обстоятельств: «не знал и не должен был знать», как указано в ГК РФ. Однако на практике возникает вопрос: как доказать это незнание или отсутствие обязанности знать?

М. М. Агарков определял «добрую совесть» как «честность в отношениях между людьми»[51]. Л. В. Щенникова характеризует добросовестность как «честное, тщательное и аккуратное выполнение обязанностей, старательность и исполнительность»[52].

К. И. Скловский рассматривает добрую совесть в качестве особого рода ценности, отражающей в том числе отношение к контрагенту: «Добрая совесть может означать осмотрительность, разумную осторожность, уважительное отношение к праву и контрагенту, исправное исполнение своих обязанностей»[53].

В доктрине существует и другой подход, отрицающий морально-этическую составляющую добросовестности. Так, Л. И. Петражицкий подчеркивал, что bona

---

[48] Серегин Д. И. Недобросовестная конкуренция как правовая категория : дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 95.

[49] Грачева С. А. Критерий добросовестности в координатах судебного экономического дискурса // Российская юстиция. 2021. № 10. С. 22.

[50] Якубчик М. М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом // Журнал российского права. 2012. № 10. С. 107.

[51] Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. Т. 2. С. 375–376.

[52] Щенникова Л. В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве (несколько вопросов теории и практики) // Государство и право. 1997. № 6. С. 119–121.

[53] Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд. М. : Статут, 2008. С. 777–782.

fides (добросовестность) не следует приравнивать к честности, порядочности или другим нравственным категориям, а mala fides (недобросовестность) не является синонимом безнравственности. С его точки зрения, «“bona fides” — незнание (извинительное заблуждение), а mala fides — знание, т.е. обе категории этически безразличные, бесцветные»[54].

Г. Н. Амфитеатров также указывает на то, что добросовестность приобретателя не связана с его совестью, нравственностью или этикой в целом, это извинительное заблуждение о правомерности поведения[55], поэтому придание добросовестности морально-этического характера ошибочно, ведь имущественным отношениям не свойственна регламентация нормами морали и нравственности.

Многие авторы справедливо акцентируют внимание на оценочном характере данной правовой категории. Так, И. Е. Кабанова считает, что добросовестность является оценочной категорией, толкуемой индивидуально «по каждому субъекту, ситуации, социуму, правовому порядку»[56].

Впрочем, несмотря на оценочный характер и нравственную составляющую, принцип добросовестности стал важным элементом в системе правового регулирования и судебной практике.

Ряд авторов придает принципу добросовестности конкретное содержание и значение и не связывает его столь прочно с нравственной составляющей. Так, К. Курбанов считает, что добросовестность приобрела статус юридического факта, способного отменить действие императивных норм закона[57].

В. Г. Голубцов утверждает, что принцип добросовестности опирается на законы гражданско-правовой реальности[58], которая основана не на нравственности

---

[54] Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. М. : Статут, 2002. С. 126.

[55] Амфитеатров Г. Н. Вопросы виндикации в советском праве // Советское государство и право. 1941. № 2. С. 47.

[56] Кабанова И. Е. Некоторые аспекты реализации принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в правоотношениях с участием органов публичной власти и их должностных лиц // Гражданское право. 2014. № 5. С. 25.

[57] Курбанов К. Некоторые вопросы определения критерия добросовестности // Университетские научные записки. 2009. № 1. С. 119–121.

[58] Голубцов В. Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства : логика законодательных изменений и задачи правоприменения // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 142–150.

как таковой, а на равенстве участников гражданского правоотношения и свободе их волеизъявления. Указанный автор опасается, что правоприменителем будет осуществляться оценка последствий реализации гражданских прав только с нравственных позиций, а не правовых. Однако в процессе взаимодействия контрагентов предполагается их добросовестность и ими выражается согласие с нормами права, а не с предписаниями нравственности. Поэтому, заключает В. Г. Голубцов, необходимо исходить из того, что добросовестность — это законное, а не нравственное явление, что напрямую следует из п. 3 ст. 1 ГК РФ.

Н. Ю. Рассказова отмечает, что защита добросовестности — это не защита нравственного идеала, а защита доверия в обороте[59], где важно применение принципа добросовестности с опорой на объективные стандарты. Такой подход актуален и для так называемой субъективной добросовестности. При этом отсутствие стандартных правил добросовестности опасно для общества.

Некоторые ученые также не связывают категорию «недобросовестность» с нравственностью. Они считают, что констатация знания об определенном факте либо об отсутствии данного факта возможна и без анализа духовного мира субъекта гражданского права. Важно изучить те обстоятельства реальной действительности, в которых имело место юридически значимое действие. В этом понимании добросовестность — это «категория этически безразличная, не несущая нравственной нагрузки»[60]. Такого рода понимание предполагает, что суд не обязан выяснять нравственную природу имущественных требований и психологические причины существующего между сторонами спора.

Более широкое определение добросовестности предлагает Е. Е. Богданова «это сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаями или судебной практикой систему представлений о нравственном поведении при приобретении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей[61]. Данная

---

[59] Рассказова Н. Ю. Панельная сессия VII Международного Петербургского экономического форума 22 мая 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[60] Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011. Т. 1. С. 400–401.

[61] Богданова Е. Е. Принцип добросовестности в договорных отношениях в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1364.

система строится на противопоставлении категорий добра и зла: поведение, соответствующее общественным представлениям о добре будет считаться добросовестным, а соответствующее представлениям о зле, — наоборот.

Таким образом несмотря на то, что термин «добросовестность» образован от слов «добрая» и «совесть» и содержательно связан с нравственно-этическими категориями, «близость категории добросовестности к морально-нравственным нормам не означает ее идентичности последним, так как она снабжена вполне конкретным прагматичным содержанием»[62].

Как было отмечено ранее, в доктрине добросовестность понимается в качестве принципа, начала, идеи. Причем существует мнение, согласно которому добросовестность необходимо признать общим, универсальным принципом российского права. Так, М. А. Поляков отмечает, что «поведение субъектов (участников правоотношений) характеризуется соблюдением тех правил, норм, условий жизни, принципов, которые считаются положительными и соответствующими интересам общества»[63].

Действительно, на сегодняшний день добросовестность прочно вошла в отечественные нормативные правовые акты и отождествляется с поведением участников гражданских правоотношений.

В гражданском праве добросовестность, в зависимости от контекста, можно рассматривать как понятие, принцип, оценочную или правовую категорию[64].

М. В. Хесселинк подчеркивает, что добросовестность закреплена в качестве общего принципа в большинстве гражданских кодексов европейских стран[65].

Добросовестность была признана гражданско-правовым принципом Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ: при установлении, осуществлении, защите гражданских прав, а также исполнении гражданских

---

[62] Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2013.

[63] Поляков М. А. Общеправовой принцип добросовестности в современном российском праве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 388.

[64] Абросимов А. В. Особенности применения принципа добросовестности в российском гражданском праве // Адвокатская практика. 2024. № 2. С. 2–7.

[65] Хесселинк М. В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 157–187.

обязанностей субъекты гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК РФ). При этом никто не имеет права извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Кроме того, пункт 5 ст. 10 ГК РФ содержит презумпцию добросовестности субъектов гражданских правоотношений и разумности их действий.

Н. В. Снытникова отмечает, что до 1 марта 2013 г., до внесения изменений в ГК РФ, законодатель уделял больше внимания добросовестности именно с позиции презумпции, а не принципа права, т.е. имело место прямое закрепление презумпции добросовестности[66]. По мнению указанного автора, с дополнением ст. 1 ГК РФ положением о необходимости участникам гражданских правоотношений действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей, а также нормой о презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий, добросовестности придается значение именно как принципа, основного начала гражданского законодательства. Таким образом, одновременно действуют нормы принципа добросовестности и нормы презумпции добросовестности, что не снимает неопределенности в вопросе о правовой природе категории «добросовестность». Следует согласиться с таким определением «одновременного действия», поскольку это еще раз доказывает многогранность и многозначность исследуемого принципа.

А. В. Шухарева также делает вывод о закреплении в ГК РФ как принципа, так и презумпции добросовестности участников частной сферы правоотношений[67].

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что лицо, являющееся стороной в гражданском правоотношении, в процессе достижения своей цели должно учитывать права и законные интересы другой стороны и содействовать ей.

---

[66] Снытникова Н. В. Гражданско-правовое регулирование изменения и расторжения договора с учетом принципа добросовестности // Актуальные проблемы эффективности частного права : монография / К. А. Абдуллаев, Э. Б. Абдуряхимова, С. В. Алборов [и др.] ; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. М. : Юстицинформ, 2022. С. 47–57.

[67] Шухарева А. В. Значение добросовестности как принципа и презумпции в гражданском праве : проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 9–11.

Отсутствие такого содействия является недобросовестным и дает несодействующей стороне преимущество перед другой стороной[68].

Иными словами, принцип добросовестности служит источником формирования прав и обязанностей[69], поскольку при его применении требуется соблюдение определенных норм, запретов и предписаний, даже в том случае, если они не зафиксированы, например, в тексте договора, но основаны на этом принципе.

Некоторые исследователи подчеркивают значение принципа добросовестности в правоприменительной практике. Например, А. Г. Карапетов связывает данный принцип с понятием справедливости в гражданском праве, отмечая, что добросовестность «выявляется ретроспективно судом, а не закрепляется конкретными законодательными предписаниями»[70].

Следует признать обоснованной точку зрения М. Ф. Лукьяненко, согласно которой содержание оценочного понятия, имеющего правовое значение, устанавливается не в нормах законов, а в процессе правоприменения[71]. Об этом говорит и С. В. Михайлов, указывая, что значение и содержание добросовестности необходимо выявлять в каждом конкретном случае, не урегулированном законом и условиями договора, отдельно и индивидуально[72].

Итак, категория «добросовестность» может рассматриваться как в узком, так и в широком аспекте. В первом случае она обозначает требование надлежащего исполнения каждого из условий договорного обязательства. Во втором — это характеристика социально приемлемого поведения, которое в полной мере отвечает соответствующим нормам этики и морали. Оба аспекта предполагают

---

[68] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[69] Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / под ред. А. Г. Карапетова. М. : М-Логос, 2022.

[70] Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / под ред. А. Г. Карапетова. М. : М-Логос, 2020. С. 154–250.

[71] Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права : разумность, добросовестность, существенность. М. : Статут, 2010. С. 38.

[72] Михайлов С. В. Значение категории добросовестности для обязательственных отношений и последствий недействительности договоров цессии // Недействительность в гражданском праве : проблемы, тенденции, практика : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2006.

последовательное исполнение условий договорного обязательства, исходя из необходимости соблюдения законодательства.

§ 2. Добросовестность и пределы осуществления гражданских прав и обязанностей в праве интеллектуальной собственности

Е. Е. Богданова подчеркивает многоотраслевой характер принципа добросовестности[73]. По ее мнению, гражданско-правовые подходы к его применению, в силу их эффективности и разработанности, следует распространить на другие отрасли права.

Действительно, принцип добросовестности играет важную роль не только в гражданском, но и в иных отраслях права. Например, В. В. Ваниным и С. В. Мирошником отмечается что частно-правовая конструкция злоупотребления правом в дальнейшем была перенесена в сферу публичного права для обозначения ненадлежащего использования властных полномочий органами публичной власти[74].

Поэтому о злоупотреблении следует говорить как злоупотреблении субъективным правом и злоупотреблении полномочием. В частноправовых отношениях это выражается в нарушении субъектом пределов меры возможного поведения (выходе за ее пределы). В публично-правовой сфере злоупотребление полномочием предполагает умышленное нарушении пределов меры возможного поведения.

В частноправовой сфере принцип добросовестности, безусловно, является основополагающим, и его исследование имеет разноплановый характер. Так, М. В. Демьянова рассматривает добросовестность в корпоративном праве, считая, что она направлена на формирование баланса интересов участников

---

[73] Богданова Е. Е. Многоотраслевая природа принципа добросовестности // Lex russica. 2023. Т. 76. № 10. С. 23.

[74] Ванин В. В., Мирошник С. В. Злоупотребление правом в частноправовых и публично-правовых отношениях // Гражданское право. 2020. № 5. С. 11–14.

корпоративных правоотношений и вовлеченных в них лиц. Указанный автор определяет добросовестность как: принцип осуществления прав и исполнения обязанностей субъектов корпоративных правоотношений; ориентир для законодателя; критерий для оценки правоприменителем поведения субъектов корпоративных правоотношений и иных вовлеченных в корпоративные правоотношения лиц[75].

Е. Е. Богданова определила несколько критериев добросовестного поведения в договорных отношениях[76]. К таким критериям относятся: учет законных интересов и разумных потребностей контрагента; отсутствие осведомленности о предусмотренных законом или договором обстоятельствах (если приобретатель не знал и не мог знать, что вещь приобретена у лица, которое не имело права на ее отчуждение, то это добросовестный приобретатель; если лицо знало или должно было знать о неуправомоченности отчуждателя — это недобросовестный приобретатель); осуществление субъективных гражданских прав и исполнение обязанностей с соблюдением особых условий (например, немедленно (ст. 720, 748 ГК РФ), без промедления (ст. 378, 518, 519 ГК РФ), проявляя разумную заботливость, оказывая сотрудничество и др.), т.е. необходимость соблюдения определенной специфики исполнения обязательств. При этом применение принципа добросовестности в отдельных случаях обусловливает необходимость учета интересов контрагентов и после истечения срока договора. Общим выводом является то, что добросовестность или недобросовестность — это оценка обществом поведения субъекта применительно к нравственным критериям общества.

В иных видах правоотношений также применяется принцип добросовестности. Поскольку данный вопрос не является предметом нашего исследования, целесообразно сделать промежуточный вывод о широком применении принципа добросовестности в различных видах правоотношений.

---

[75] Демьянова М. В. Принцип добросовестности в корпоративном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 8.

[76] Богданова Е. Е. Принцип добросовестности в договорных отношениях в российском и зарубежном праве. С. 1366–1367.

Основополагающие нормы гражданского права о принципе добросовестности отразились и продолжают отражаться в нормах каждого из институтов и подотраслей гражданского права, включая право интеллектуальной собственности. Так, в некоторых положениях ГК РФ содержатся непосредственные упоминания принципа добросовестности, в том числе в п. 1 ст. 1361 (о добросовестном использовании при преждепользовании) и п. 2 ст. 1466 ГК РФ (о лице, становящемся добросовестно и независимо от других обладателем секрета производства).

Добросовестное поведение предполагает наличие запрета на злоупотребление правом, т.е. на недобросовестное осуществление данного права (п. 1 ст. 10 ГК РФ).

Установление принципа добросовестности является относительно новым для российского гражданского права и может быть охарактеризовано также как один из пределов осуществления гражданских прав в соответствии со ст. 10 ГК РФ. Исследовательский интерес представляют аспекты принципа добросовестности, связанные как с осуществлением гражданских прав, так и с исполнением обязанностей участниками гражданско-правовых отношений. Подтверждением тому являются дополнения, включенные в текст п. 1 ст. 10 ГК РФ, что в процессе осуществления гражданских прав недопустимы действия, совершаемые с противоправной целью в обход закона, а также злоупотребление правом, т.е. заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. В противном случае суд отказывает субъекту в защите принадлежащего ему права в полном объеме либо частично, учитывая характера и последствия злоупотребления, причем он может также применять и другие меры, предусмотренные нормами закона (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Таким образом, значение категории «добросовестность» посредством норм ст. 10 ГК РФ определяется следующим образом:

— не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу;

— запрещаются действия в обход закона с противоправной целью;

— не допускается иное злоупотребление правом.

Согласно п. 3 ст. 10 ГК РФ в ситуации, когда злоупотребление правом представляло собой совершение определенных действий с противоправной целью в обход закона, указанные выше последствия подлежат применению постольку, поскольку другие последствия этих действий не были предусмотрены ГК РФ. В соответствии с п. 4 ст. 10 ГК РФ в случае, когда злоупотребление правом повлекло нарушение права иного субъекта, он вправе потребовать возмещения причиненных ему убытков.

Под осуществлением субъективного гражданского права понимается реализация его содержания в целях удовлетворения интереса управомоченного лица. Данное право осуществляется посредством совершения действий, охватываемых возможностью определенного поведения. При отказе лица от осуществления принадлежащего ему права данное право, как правило, не прекращается, кроме случаев, специально предусмотренных законом. Например, в п. 2 ст. 1228 ГК РФ указывается, что при определении права авторства в отношении результата интеллектуальной деятельности права на имя, иные личные неимущественные права неотчуждаемы и непередаваемы, отказ от этих прав ничтожен.

В результате дифференцируются две группы условий, требуемых для осуществления гражданских прав: «Внешние (объективные) по отношению к носителю права условия — материальные и юридические гарантии, то есть социальные, экономические и иные условия. Внутренние (субъективные) условия относятся к поведению управомоченного и обязанного лиц, зависят от его воли»[77].

Одним из видов «внешних», материальных и юридических, гарантий можно считать закрепление в п. 1 ст. 1 ГК РФ принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав гражданами и юридическими лицами в соответствии с собственным усмотрением в пределах, предусмотренных законом. Кроме того, как было показано в предыдущем параграфе, существует презумпция

[77] Мирошникова Н. И. Механизм осуществления субъективных гражданских прав. Ярославль, 1989. С. 27.

разумности действий и добросовестности участников гражданских правоотношений, пока не доказано обратное. Например, п. 1 ст. 1228 ГК РФ содержит презумпцию авторства, согласно которой автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого такой результат создан.

Таким образом, субъективная гражданская обязанность, т.е. определенная мера требуемого поведения, исполнение (осуществление) которой заключается в действиях (бездействии) по реализации требований, составляющих содержание обязанности, должна быть содержательно связана с добросовестностью. Примером может служить обязанность использовать результат интеллектуальной деятельности только способами, указанными в договоре об отчуждении исключительного права или лицензионном договоре.

Субъективное гражданское право может осуществляться, а субъективная гражданская обязанность — исполняться различными способами. Некоторые субъективные права и обязанности можно реализовать одним действием, что сразу же приводит к прекращению таких прав и обязанностей. Например, согласно п. 4 ст. 1235 ГК РФ срок действия лицензионного договора не может быть больше срока действия исключительного права на результат интеллектуальной деятельности (средство индивидуализации). Лицензионный договор прекращается также в случае прекращения исключительного права.

Возможно осуществление субъективных прав и обязанностей путем длящихся, многократно повторяющихся действий. Например, по лицензионному договору (п. 5 ст. 1235 ГК РФ) выплата вознаграждения возможна в виде фиксированных платежей (разовых либо периодических), процентных отчислений от дохода (выручки) или иным образом.

Реализация других субъективных прав и обязанностей требует участия управомоченного (обязанного) лица. Так, в соответствии с п. 1 ст. 1234 ГК РФ заключение договора об отчуждении исключительного права возможно только правообладателем данного права, который передает либо обязуется передать это право в полном объеме своему контрагенту (приобретателю).

В некоторых случаях осуществление субъективных прав и исполнение обязанностей зависят не только от воли сторон договора. Приведем соответствующий пример из судебной практики. Так, ООО «Группа ПРСБ» обратилось в суд с иском о взыскании с АО «Красная звезда» убытков в размере 790 000 руб.[78] Стороны в соглашении о намерениях договорились о создании истцом за 790 000 руб. для нужд ответчика составного произведения «Пусть помнит мир, спасенный... 70 лет Победе в Великой Отечественной войне», посредством заключения между ними договора авторского заказа.

Обязательным условием для заключения договора было заключение «Красной звездой» государственного контракта с Министерством обороны РФ, предметом которого должны быть изготовление и поставка составного произведения для нужд Министерства обороны РФ (п. 5 соглашения о намерениях). Поскольку «Красная звезда» такой госконтракт с Минобороны не заключила, то стало невозможным и заключение договора авторского заказа с «Группой ПРСБ». Ответчик посчитал, что истец незаконно отказался от заключения договора авторского заказа и обратился в арбитражный суд.

Суд первой инстанции, указав, что заключенное соглашение о намерениях не является сделкой и не обнаружив в представленных доказательствах факта возникновения у истца убытков вследствие недобросовестных действий ответчика, в иске отказал.

Суд апелляционной инстанции поддержал эти выводы, подчеркнув, что условие, обязательное для заключения договора авторского заказа, не наступило. Суд по интеллектуальным правам (далее — СИП) также не обнаружил в материалах дела факта нарушения ответчиком прав истца, а также факта возникновения у общества «Группа ПРСБ» убытков в заявленном размере. Таким образом, оснований для подписания договора авторского заказа с обществом «Группа ПРСБ» не было, так как необходимое для этого условие не наступило.

[78] Постановление СИП от 13 июня 2019 г. № С01-468/2019 по делу № А40-90010/2018 // СПС «Гарант».

Следует также отметить, что на правоприменительном уровне всем сторонам переговоров было рекомендовано поступать добросовестно[79], но тем не менее немотивированное прекращение переговоров еще не говорит о недобросовестности контрагента, поскольку граждане и организации свободны в ведении переговоров и не несут ответственности за недостижение соглашения. Истец должен доказать, что ответчик, приступая к переговорам, действовал недобросовестным образом, желая причинить вред истцу. Доводы истца в данном деле о недобросовестном поведении ответчика в процессе переговоров не подтвердились.

Исследование пределов осуществления гражданских прав связано с проблемой противодействия злоупотреблениям этими правами[80]. Любое субъективное гражданское право является социальной ценностью, поскольку позволяет реализовывать предоставленные субъекту правомочия в целях удовлетворения его интересов. Законодатель наделяет субъектов гражданских прав определенной свободой поведения, позволяющей реализовать эти права, а также устанавливает юридические гарантии их осуществления, но при этом очерчивает границы, касающиеся как содержания, так и способов реализации этих прав.

Такие границы (пределы) сводятся к запрету определенных видов поведения при осуществлении гражданских прав, в первую очередь к запрету злоупотребления правами, приводящего к нарушению прав и интересов третьих лиц. Подобного рода злоупотребления могут совершаться с прямым умыслом причинить вред третьим лицам, а также могут проявляться в злоупотреблении доминирующим положением на рынке и ограничении конкуренции (монополистической деятельности).

Таким образом, в гражданское законодательство России впервые была введена норма, прямо запрещающая злоупотребление правом, включая так называемую шикану, т.е. осуществление (использование) права исключительно с целью причинения вреда иному лицу.

---

[79] Абз. 2 п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

[80] Емельянов В. Понятие злоупотребления гражданскими правами // Законность. 2000. № 11. С. 27–32.

Примером может служить «паразитирование» на известных товарных знаках, т.е. использование метода регистрации товарного знака, сходного до степени смешения с известным брендом. Такие действия могут совершаться даже в ситуации, когда владелец известного знака еще не успел его зарегистрировать, а другое лицо подает заявку в Роспатент, регистрирует знак раньше и затем требует компенсации за нарушение исключительного права.

В одном из дел СИП обязал Роспатент восстановить правовую охрану спорного знака[81]. Правообладатель данного знака действовал недобросовестно, зарегистрировав товарный знак раньше заявителя, при этом заранее зная, что тот его активно использует. О злоупотреблении правом со стороны правообладателя свидетельствует и то обстоятельство, что в его штате числился всего один человек, а также отсутствовала лицензия на производство спорных товаров. Иными словами, в период регистрации товарного знака он не намеревался его использовать, а единственной целью регистрации было создание препятствий заявителю в использовании такого же обозначения.

Или, наоборот, в другом деле[82] было указано, что отсутствие у заявителя статуса индивидуального предпринимателя на момент регистрации товарного знака не является основанием для признания недействительным предоставления гражданско-правовой охраны данному товарному знаку, если на момент подачи возражения правообладатель уже приобрел статус индивидуального предпринимателя, так как бездействие по регистрации правообладателем предпринимательской деятельности само по себе не свидетельствует о злоупотреблении правом. Действительно, судом было установлено, что правообладатель не являлся индивидуальным предпринимателем на дату регистрации товарного знака. Однако суд, приняв во внимание, что правообладатель приобрел статус индивидуального предпринимателя до подачи третьим лицом возражения в Роспатент, применил абз. 9 п. 2 ст. 1512 ГК РФ.

---

[81] Решение СИП от 26 декабря 2019 г. по делу № СИП-475/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[82] Постановление Президиума СИП от 13 марта 2017 г. по делу № СИП-482/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Согласно указанной норме положения пп. 1–3 п. 2 ст. 1512 ГК РФ подлежат применению с учетом обстоятельств, имевших место на дату подачи возражения.

Существуют общие и частные пределы осуществления субъективных гражданских прав. Общие пределы были проанализированы нами ранее. Частные пределы, в свою очередь, распространяются на осуществление определенных гражданских прав и устанавливаются в соответствии со специальными нормами закона либо условиями договора. При этом они могут состоять в регламентации правовыми актами способов осуществления тех или иных прав, например интеллектуальных прав автора.

Как упоминалось ранее, пункт 5 ст. 10 ГК РФ устанавливает презумпцию добросовестности субъектов гражданского оборота и разумности их поведения. Согласно действующей редакции ст. 10 ГК РФ при выявлении заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав лицом суд, учитывая характер и последствия злоупотребления правом, имеет право как отказать данному лицу в защите его права (полностью или частично), так и применить иные предусмотренные законом меры. В случае заведомого нарушения прав другого субъекта он также имеет право взыскать причиненные убытки.

Например, истец установил[83] факт введения ответчиком в гражданский оборот на территории РФ товара (вино сухое белое), маркированного обозначением, сходным с товарным знаком истца, однако в удовлетворении требования было отказано, поскольку судом установлены признаки недобросовестного поведения истца и злоупотребления правом, так как регистрация товарного знака осуществлена с единственной целью воспрепятствования деятельности импортеров по ввозу на территорию РФ известных российскому потребителю вин иностранного производства, маркированных национальными торговыми марками иностранных государств.

В данном решении суд указывает, что под злоупотреблением правом понимается поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего

[83] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20 января 2026 г. по делу № СИП А56-82450/2024// СПС «КонсультантПлюс».

ему права, сопряженное с нарушением установленных в статье 10 ГК РФ пределов использования гражданских прав, осуществляемое с незаконной целью или незаконными средствами, нарушающее при этом права и законные интересы других лиц и причиняющее им вред или создающее для этого условия, то есть в основе действий лица злоупотребляющего правами лежит незаконность (цели, средств, действий, причинение вреда). Кроме того, было отмечено, что злоупотребление правом должно иметь очевидный характер и не являться следствием предположений.

Законодатель не дает определения добросовестности. Однако пункт 1 ст. 10 ГК РФ фактически отождествляет понятия «недобросовестное осуществление гражданских прав» и «злоупотребление правом». При этом следует отметить, что пункт 4 ст. 1 ГК РФ разделяет незаконное и недобросовестное поведение. Само по себе осуществление деятельности с нарушением норм закона не свидетельствует о недобросовестности требований заявителя — незаконное поведение отличается от недобросовестного. О. С. Иоффе писал о запрете злоупотребления правом, хотя и «непосредственно не нацеленном на ущемление прав и законных интересов иных лиц, однако фактически порождающее результат такого рода»[84].

Недобросовестным осуществлением гражданских прав в широком смысле будет нечестность поведения субъекта правоотношений, ведь злоупотреблять может лишь обладающий правом в рамках конкретных отношений. Недобросовестное осуществление гражданских прав включает в себя большее содержание, чем злоупотребление правом.

Об одной форме злоупотребления правом можно говорить во взаимосвязи с добросовестностью — заведомо недобросовестном поведении лица[85].

Взаимосвязь проявляется в вертикальном (когда одно считают частным случаем другого) и горизонтальном (видовое различие, но родовое тождество) формате, при этом высказываются мнения, что категории злоупотребления правом

---

[84] Иоффе О. С., Грибанов В. П. Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 76–85.

[85] Голубцов В. Г. Указ. соч. С. 142–150.

и добросовестности тождественны или, наоборот, различны[86]. Е. Ю. Усольцев, указывает на позднее законодательное закрепление принципа добросовестности на основе уже сложившейся судебной практики по вопросам злоупотребления правом, что позволило отнести недобросовестное поведение к разновидности злоупотребления правом. Так, в Обзоре практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса РФ, представленный в информационном письме Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127[87] указывается, что иной формой злоупотребления правом признается недобросовестное поведение участников оборота, приводящее к неблагоприятным последствиям для иных лиц.

Е. В. Вавилиным представлена иная, более точная позиция, относительно добросовестности: «ориентация на общеправовой принцип справедливости», являющийся надпозитивным, что подразумевает «соблюдение соответствующих норм и принципов права, а также универсальных этических законов», при этом противоправные деяния также являются недобросовестными (абз. 2 п. 2 ст. 46, п. 3 ст. 565, ст. 580, п. 3 ст. 1078 и п. 4 ст. 1109 ГК РФ)[88]. Злоупотребление правом — это разновидность недобросовестного поведения.

А. В. Волков полагает, что принцип добросовестности регулирует не только случаи злоупотребления правом, но и ситуации, где злоупотребление отсутствует, например, ст. 6 ГК РФ — применение принципа добросовестности при аналогии права, или когда ст. 10 ГК РФ сама становится орудием злоупотребления[89].

В. Л. Вольфсон считает, что недобросовестность не является синонимом злоупотребления правом[90], ссылаясь на случаи недобросовестного, но в то же время дозволенного поведения. Например, п. 3 ст. 183 ГК РФ об одобрении

---

[86] Усольцев Е. Ю. Проблема определения и соотношения понятий «недобросовестность», «злоупотребление правом» и «шикана» // Современный юрист. 2022. № 1. С. 49–58.

[87] Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2.

[88] Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. С. 328.

[89] Волков А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 49.

[90] Вольфсон В. Л. Недобросовестность как диагноз злоупотребления субъективным гражданским правом. М. : Проспект, 2021. С. 63–68.

представляемым сделки, совершенную от его имени неуправомоченным лицом. Таким образом, законе содержит случаи допускаемого недобросовестного поведения.

Е. Ю. Усольцев полагает, что недобросовестность может выступать и в качестве злоупотребления правом[91], и как типичный гражданско-правовой деликт, и свидетельствовать о противоправности поведения субъекта. Злоупотребительное поведение отличается от недобросовестного намеренностью (умышленно), поэтому злоупотребление правом представляет собой одну из форм недобросовестного поведения.

М. С. Николаева считает запрет злоупотребления правом частным случаем объективной добросовестности[92]: «лицо обладает правом, но реализует его недобросовестно — в ущерб интересам других лиц»[93].

Т. С. Яценко рассматривает обход закона как правонарушение, отличное по содержанию от злоупотребления правом. По ее мнению, обход закона выражается в нарушении назначения института права, а злоупотребление — в назначении субъективного права. Кроме того, обход закона нередко совершается потому, что субъективное право у лица отсутствует, но оно желает его приобрести вопреки запрету, установленному императивной нормой[94].

Некоторые авторы трактуют недобросовестность как противоправное действие или бездействие участников правоотношения[95], т.е. недобросовестность подразумевает лишь объективную сторону деяния субъекта. Поэтому для определения, например, добросовестности приобретателя нужно исходить из характеристики поведения лица.

А. Е. Наумов утверждает, что злоупотребление правом не выходит за рамки меры дозволенного поведения, ведь в содержание субъективного права не может

---

[91] Усольцев Е. Ю. Указ. соч. С. 49–58.

[92] Николаева М. С. Реформирование норм о принципах добросовестности и запрета злоупотребления правом как общих принципах гражданского права. М., 2018. С. 12.

[93] Громов А., Егоров А. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. Самые значимые поправки. М. : Актион-Медиа, 2014. С. 11.

[94] Яценко Т. С. Действия в обход закона : трудности квалификации и пресечения мерами гражданского права // Нотариус. 2015. № 8. С. 15–19.

[95] Серегин Д. И. Указ. соч. С. 95.

включаться правомочие по причинению вреда. Он говорит о злоупотреблении правом как умышленном деянии[96].

О. Н. Барминой разграничиваются внешние и внутренние границы субъективного права, нарушение внутренних границ — границ, связанных с организацией поведения субъекта, представляет уже злоупотребление правом[97].

А. Ю. Беспалов и Ю. Ф. Беспалов считают злоупотребление правом правонарушением[98].

А. В. Волков выделяет следующие квалифицирующие признаки злоупотребления правом[99]: наличие противоправной цели — причинение вреда другим лицам; средством злоупотреблений всегда являются гражданские права в их исключительно формальном смысле; характер поведения квалифицируется как недобросовестный, т.е. всегда имеется скрытая корыстная цель.

Отдельные авторы подчеркивают, что специфика недобросовестного поведения состоит в том, что оно может быть как правомерным (лицо действует в пределах предоставленных законом прав), так и неправомерным (выходя за пределы прав, установленных законом)[100].

Н. В. Зайцева, рассматривая применение принципа добросовестности в континентальной системе права, делает вывод о том, что злоупотребление правом часто рассматривается как следствие недобросовестности, а представляемая как следствие добросовестности концепция злоупотребления правом, по ее мнению, является общей правовой категорией для ряда правовых систем[101]. Добросовестность и злоупотребление правом могут рассматриваться как части одной теории. Целью при этом будет исключение поведения субъектов, так или иначе ущемляющее интересы другой стороны и противоречащее договорным

---

[96] Наумов А. Е. Злоупотребление правом : теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7–9.

[97] Бармина О. Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория : теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 13–14.

[98] Частное право : проблемы теории и практики / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М. : Проспект, 2016.

[99] Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами : проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 18.

[100] Вавилин Е. В., Чекмарева А. В. Некоторые проблемы добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей : материальный и процессуальный аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 196–202.

[101] Зайцева Н. В. Указ. соч. С. 485.

целям. Общей чертой, характеризующей континентальную систему права в части условий и оценки применения принципа добросовестности[102], выступает его общеобязательный характер, что дает возможность суду использовать его без соответствующего заявления сторон.

К. В. Нам утверждает, что, говоря о содержании принципа добросовестности, речь должна идти в большей степени о том, каким образом он влияет на правовое регулирование и как он в нем участвует[103], и что принцип добросовестности должен вмешиваться тогда, когда в силу не связанных с субъективной стороной факторов наступает существенный дисбаланс между участниками правоотношения либо же исполнение своих обязанностей становится для одной из сторон неприемлемым в силу личных причин[104].

Таким образом, принцип добросовестности применим в различных сферах правоотношений. В юридической науке актуален вопрос о содержании принципа добросовестности и его соотношении с проблемой противодействия злоупотреблению правом. В целом общие нормы гражданского законодательства распространяются на применение принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности. В то же время существуют определенные особенности, которые будут рассмотрены нами далее.

§ 3. Определение функций принципа добросовестности с учетом специфики права интеллектуальной собственности

Специфика реализации принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности определяется теми функциями, которые этот принцип выполняет при осуществлении прав и исполнении обязанностей субъектами правоотношений.

---

[102] Зайцева Н. В. Указ. соч. С. 490.

[103] Нам К. В. Принцип добросовестности : развитие, система, проблемы теории и практики [Электронное издание]. 2-е изд., перераб. и доп. М. : М-Логос, 2023. С. 192.

[104] Нам К. В. Принцип добросовестности : развитие, система, проблемы теории и практики.

Под функциями права понимают основные направления юридического воздействия на экономические и социальные процессы, обусловленные социальной ролью права. Функции отражают процесс воздействия права на общественные связи. К основным общесоциальным функциям относят экономическую, политическую, воспитательную и коммуникативную[105].

С точки зрения функционального подхода особое внимание нужно уделять специально-юридическим функциям права. К ним относится регулятивная функция — право регулирует наиболее важные для государства и общества социальные отношения, определяя правила поведения, что обеспечивает организацию жизни общества и его дальнейшее развитие. Охранительная функция обеспечивает охрану и защиту существующих общественных отношений, используя ограничения и запреты, устанавливая охранительные нормы и ответственность за их нарушение. Оценочная функция выступает в качестве критерия правомерности или неправомерности поступков[106].

А. В. Татарников подчеркивает, что функции принципов заключаются в единообразном формулировании норм гражданского права, их влиянии на общественные отношения. Принципы, воздействуя на возникновение и существование конкретных правоотношений, выступают переходным звеном от гражданско-правовых отношений к системе гражданского права и гражданско-правового регулирования[107].

Выполняя внутреннюю функцию права, принципы воздействуют на систему юридических норм, обеспечивая ее непротиворечивость и согласованность. При этом руководящие положения влияют на общественные отношения через конкретные юридические нормы, которые они определяют. Внешняя функция принципов непосредственно регулирует поведение субъектов гражданских правоотношений. При этом ее действие не ограничивается только рамками правоприменения при наличии пробелов или противоречии нормам права.

---

[105] Теория государства и права : учебник / под ред. д.ю.н., проф. А. А. Клишаса. М. : Статут, 2019. С. 201.
[106] Теория государства и права : учебник. С. 202.
[107] Татарников А. В. Указ. соч. С. 13.

Регулятивное воздействие проявляется и тогда, когда субъекты имеют возможность реализовать требования принципов, не прибегая к правоприменению.

Принципы необходимы и для разрешения вопросов, не урегулированных нормами права. В гражданском законодательстве принципы концентрированно выражают содержание норм, обобщают нормативно-правовое регулирование, совершенствуют содержание гражданско-правовых норм и ставят перспективные задачи и цели. Принципы отражают закономерности гражданско-правового регулирования, закрепляют общественно-социальные ценности, определяя потребности развития гражданских норм.

Важной функцией принципов гражданского права, в том числе и добросовестности, является их направляющее и ориентирующее воздействие на реализацию гражданско-правовых норм правоприменительными и судебными органами.

Н. В. Зайцева отмечает, что в большинстве правовых систем акцент делается на определении функций принципа добросовестности, как открытой нормы, содержание которой может быть установлено только в привязке к конкретным обстоятельствам дела[108]. Поэтому важное значение имеет применение принципа судом, и задача добросовестности — адаптироваться к обстоятельствам конкретного дела.

Общепризнанным подходом к анализу добросовестности является функциональный, который выделяет конкретизирующую, дополняющую, ограничительную и корректирующую функции принципа добросовестности[109].

Корни функционального подхода были заложены еще в римский период преторского права, и функции были выделены Папинианом: 1) уточнение/толкование (adiuvare); 2) дополнение (supplere) (дополнительные обязанности); 3) исправление/ограничение (corrigere), включающее запрет

[108] Зайцева Н. В. Указ. соч. С. 482.
[109] Нам К. В. Принцип добросовестности : развитие, система, проблемы теории и практики. С. 163–191.

злоупотребления правом и запрет противоречивого поведения (venire contra factum proprium non valet)[110].

Функциональный подход не подразумевает законодательной конкретизации содержания принципа добросовестности.

М. В. Хесселинк подчеркивает, что принцип добросовестности называют открытой нормой, содержание которой зависит от обстоятельств каждого конкретного дела и устанавливается не путем абстрагирования, а путем конкретизации. Судья должен определить стандарт добросовестности максимально объективным образом. В разных странах устанавливаются специальные нормы для определения того, что нужно принимать во внимание при оценке добросовестности в конкретном деле. В Германии, например, доктриной выработаны специальные методы рационализации и объективизации судебных решений, чаще всего это достигается выделением функций принципа добросовестности и классификацией случаев его применения по отдельным группам (Fallgruppen)[111].

Основу для классификации функций принципа добросовестности в Германии заложил В. Зиберт, выделив функции: 1) установления дополнительных обязанностей; 2) ограничения осуществления прав; 3) отпадения основания сделки (Wegfall der Geschäftsgrundlage).

М. В. Хесселинк, рассуждает, что принцип добросовестности — это не норма, ведь, если в правовой системе общепринят подход, что добросовестность выполняет три описанные выше функции, то она не является нормой права, так как содержание других норм не определяется через их функции. Поэтому ни одна другая норма не является настолько открытой. Однако, если рассматривать уточнение, дополнение и исправление как функции доброй совести, то имеется рациональных оснований для ограничения сферы ее применения. Ведь любую правовую норму можно уточнить, дополнить или исправить.

---

[110] Хесселинк М. В. Указ. соч. С. 157–187.
[111] Хесселинк М. В. Указ. соч.

Конкретизирующая функция заключается в уточнении обязанностей сторон. Например, исполнение денежного обязательства мелкими монетами будет недобросовестным исполнением, хотя и формально не нарушает норм права. Суды конкретизируют общие требования к заботе об интересе другого лица, вытекающие из закона или договора.

Дополняющая функция расширяет обязанности сторон, если это не предусмотрено договорным или законным регулированием, например информирование контрагента о предоставляемом исполнении, предупреждение о возможных рисках и т.д.

Ограничительная функция устанавливает пределы для прав и правовых позиций. Это, в общем, и есть содержание ст. 10 ГК РФ.

Корректирующая функция заключается в определении содержания договора и правовых норм, если они устарели, что позволяет разрабатывать новые институты и нормы.

В результате принцип добросовестности выполняет конкретизирующую, дополняющую, ограничительную и корректирующую функции и, таким образом, оценивает добросовестность поведения. Рассмотрим, как это осуществляется в праве интеллектуальной собственности, исходя из норм части четвертой ГК РФ[112].

Право интеллектуальной собственности является подотраслью гражданского права, поэтому все общие нормы правового регулирования договорных отношений, проанализированные ранее, применяются и к правоотношениям в сфере интеллектуальной собственности. Например, судом установлена аффилированность правообладателя с его лицензиатом и мнимый характер заключенного ими лицензионного договора, что указывало на недобросовестность действий истца-правообладателя[113].

В то же время эта подотрасль имеет особенности, отличающие ее от других подотраслей гражданского права, что позволяет говорить об особенностях

---

[112] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

[113] П. 5 Обзора судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.

реализации принципа добросовестности именно в праве интеллектуальной собственности.

В статье 1225 ГК РФ под интеллектуальной собственностью понимаются охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. В силу п. 4 ст. 129 ГК РФ эти объекты необоротоспособны, т.е. не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому. Однако права на такие результаты и средства, а также на материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства, могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, установленных ГК РФ.

К. П. Победоносцев отмечал различия авторского права и права собственности: «Здесь нет необходимой связи между лицом и вещью; право здесь отделено от своего материального предмета. Предмет права не есть та или другая книга, та или другая рукопись. Право существует, не имея нужды выражать себя в господстве над вещью, существующей в пространстве… Рукопись может сгореть, экземпляры могут все истребиться, а право все существует точно то же, какое до того было. Предмет права здесь имеет свойство духовное, бестелесное»[114]. Критерии физической износостойкости к ним не применяются.

По критерию особенностей правовой природы объекта интеллектуальной собственности общепризнанным является выделение следующих институтов права интеллектуальной собственности:

1) объекты авторского права, программы для ЭВМ и базы данных, охраняемые как объекты авторских прав;

2) объекты смежных прав;

3) объекты патентного права;

4) средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг,

[114] Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права [Электронный ресурс] // URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/15/page_99.html (дата обращения: 27.11.2025). § 76. Историческое развитие идеи об авторском праве. Значение, приобретенное им в новейшее время. Сущность авторского права. Различные мнения об исключительности и о справедливости сего права. Пределы его в русском законе. Срок авторского права. Исчисление срока для сочинений, издаваемых по смерти автора. Удостоверение литературной собственности.

предприятий;

5) иные объекты (топологии интегральных микросхем, селекционные достижения, секреты производства (ноу-хау)).

На результаты интеллектуальной деятельности распространяются личные неимущественные и иные интеллектуальные права (ст. 1226 ГК РФ). Понятие «интеллектуальные права» отражает специфику прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Это также дифференцирует право интеллектуальной собственности как важную подотрасль гражданского права. Недобросовестность возможна в отношении как интеллектуальных прав в целом, так и конкретно какой-либо из трех групп.

Интеллектуальные права, предоставляемые на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, отличны от других объектов гражданских прав. Ключевое значение имеют личные неимущественные права (моральные права) авторов, которые отражают социальную ценность и культурное значение авторства и творчества[115]. Важное экономико-правовое значение имеет исключительное право — право правообладателя распоряжаться указанными нематериальными объектами: использовать самому, разрешать или запрещать другим лицам такое использование, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ. Исключительное право является абсолютным, имеет срочный характер действия, сроки определяются государством и могут различаться для разных объектов интеллектуальной собственности. Оно обладает имущественной ценностью, является оборотоспособным и носит территориальный характер.

Разные сроки для различных объектов интеллектуальной собственности, сами эти объекты и их характеристики, объем прав, предусмотренных законодателем, и возможности их осуществления свидетельствуют об особенностях права интеллектуальной собственности в целом, а также о специфике его институтов. Можно говорить о соответствии поведения участника

[115] Матвеев А. Г. Российская модель права на неприкосновенность произведения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – № 4(14). – С. 91.

правоотношений в сфере интеллектуальной собственности принципу добросовестности как в целом в подотрасли, так и в разных институтах.

Например, считаем, что принцип добросовестности реализуется в праве интеллектуальной собственности и в том, что учитываются заслуги защитников Отечества (ст. 1281 и 1318 ГК РФ) и репрессированным гражданам и гражданам, работавшим в годы Великой Отечественной войны или участвующим в ней, продлевается срок действия исключительного права автора и (или) исполнителя.

В связи с этим при непосредственном участии диссертанта разработан и внесен депутатом Государственной Думы С.В. Авксентьевой законопроект № 1138405-8 «О внесении изменений в статьи 1281 и 1318 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» в целях обеспечения реализации действия исключительного права авторов и (или) исполнителей гражданами, исполняющими свой воинский долг по защите Родины и их правопреемниками»[116].

Необходимость принятия настоящего законопроекта обусловлена предоставлением участникам боевых действий на территории СССР, на территории Российской Федерации и территориях других государств и их правопреемникам дополнительных правовых возможностей прав авторов и (или) исполнителей в связи с продлением срока действия исключительного права автора и (или) исполнителя.

Для возникновения исключительного права необходимы юридические факты, установленные ГК РФ и отличные от фактов, порождающих вещные права, а именно:

— факт создания объекта и придания ему какой-либо формы, даже устной (объекты авторского права);

— регистрация федеральным органом исполнительной власти в сфере интеллектуальной собственности (объекты патентного права, товарные знаки);

— признание государственным органом (общеизвестный товарный знак);

---

[116] Законопроект № 1138405-8 «О внесении изменений в статьи 1281 и 1318 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» в целях обеспечения реализации действия исключительного права авторов и (или) исполнителей гражданами, исполняющими свой воинский долг по защите Родины и их правопреемниками». В данном виде документ опубликован не был.

— факт длительного использования и известности (коммерческое обозначение) и др.

Использование объектов интеллектуальной собственности также является дифференцирующим признаком. Особенностью можно считать существование различных способов использования объектов интеллектуальной собственности, которые отличаются в разных институтах права интеллектуальной собственности и могут выступать как самостоятельные нарушения принципа добросовестности. Это отмечено и судебной практикой[117]. Каждый способ использования произведения является самостоятельным правомочием, входящим в состав исключительного права, поэтому незаконное использование произведения каждым из способов, упомянутых в п. 2 ст. 1270 ГК РФ, является самостоятельным нарушением исключительного права и может повлиять на размер компенсации.

В связи с этим можно предложить следующее определение принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности: это требование такого поведения участников правоотношений при создании, использовании и распоряжении объектами интеллектуальных прав, которое направлено на соблюдение ими разумных ожиданий друг от друга и воздержание от действий, направленных исключительно на извлечение выгоды за счет другого лица.

Понятие «использование» очень важно и, ввиду особой специфики объектов интеллектуальной собственности, носит иной характер, чем использование материальных объектов. Например, истец не сам использовал товарный знак, а предоставил это право другому лицу на основании лицензионного договора[118] суд посчитал это правомерным способом использования товарного знака. Вместе с тем судом был сделан вывод о злоупотреблении истцом правом, по причине непредставления истцом доказательств реализации лицензиатом товаров, защищаемых товарными знаками истца и однородных с товарами ответчика, а

[117] Определение Верховного Суда РФ от 13 декабря 2018 г. № 308-ЭС18-10982 по делу № А32-34267/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[118] П. 5 Обзора судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков.

также намерения для такой реализации при заключении сторонами лицензионного договора.

Специфичные характеристики объектов интеллектуальной собственности проявляются и в признаках, которые могут применяться для оценки добросовестного поведения сторон. Например, понятие сходства до степени смешения в отношении произведений не применяется. Так, решение об использовании или неиспользовании произведения (фотографии) может быть дано путем оценки произведений с учетом их идентичности, совпадения элементов, объектов размещения, иных параметров, поэтому не может быть недобросовестным способ использования, не предусмотренный для конкретного объекта интеллектуальной собственности.

Отличие проявляется и в особом порядке распоряжения исключительным правом: это заключение договоров об отчуждении исключительного права, лицензионных договоров, которые опосредуют оборот этих прав в отличие от иных гражданско-правовых договоров. Например, заключение договора об отчуждении исключительного права на товарный знак более чем одному лицу недопустимо, применение норм о долевой собственности к интеллектуальным правам не допускается[119]. Отечественное законодательство не предусматривает и регистрацию товарного знака на нескольких лиц, кроме регистрации прав на коллективный товарный знак.

Отличают данную сферу правоотношений и законодательные нормы о государственной регистрации. Существует классификация объектов интеллектуальных прав в зависимости от необходимости их регистрации. В теории отмечается важная роль государственной регистрации для создания устойчивой системы защиты добросовестных участников сделок[120].

Если говорить о соотношении общих положений гражданского законодательства и конкретно норм права интеллектуальной собственности, то

---

[119] Определение Верховного Суда РФ от 3 июля 2018 г. № 305-КГ18-2488 по делу № А40-210165/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[120] Новоселова Л. А., Гринь Е. С. Принципы государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // Lex russica. 2019. № 7 (152). С. 10.

следует обратить внимание на ст. 8.1 ГК РФ, устанавливающую общие правила государственной регистрации прав на имущество. Однако Справка о соотношении ст. 8.1 ГК РФ с положениями разд. VII ГК «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»[121] указывает, что положения ст. 8.1 ГК РФ как в целом, так и в части ее п. 7 неприменимы к отношениям в сфере государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Обоснованием является тот факт, что в ст. 8.1 упоминаются вещные права на имущество, поэтому в большей степени происходит регулирование государственной регистрации прав на имущество. И в этом вновь проявляется специфика результатов интеллектуальной деятельности.

Регистрация результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации является необходимым условием предоставления охраны для тех объектов, для которых она предусмотрена.

Выделим классификацию объектов интеллектуальных прав в зависимости от их государственной регистрации.

1. Обязательной государственной регистрации подлежат:

— изобретение, полезная модель и промышленный образец (ст. 1353 ГК РФ);

— секретное изобретение (ст. 1402 ГК РФ);

— селекционное достижение (ст. 1414 ГК РФ);

— товарный знак и знак обслуживания (ст. 1480 ГК РФ);

— наименование места происхождения товара (ст. 1518 ГК РФ).

2. Объекты авторского права не подлежат государственной регистрации, охрана таких объектов возникает без соблюдения каких-либо формальностей в соответствии со ст. 2 (1) Бернской конвенции об охране литературной и художественной собственности[122].

---

[121] Справка о соотношении статьи 8.1 Гражданского кодекса Российской Федерации с положениями раздела VII Гражданского кодекса Российской Федерации «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», утв. постановлением Президиума СИП от 22 августа 2014 г. № СП-21/10 // СПС «КонсультантПлюс».

[122] Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28 сентября 1979 г.) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

3. Программы для ЭВМ и базы данных, в отношении которых государственная регистрация осуществляется по желанию правообладателя, носит факультативный характер (ст. 1262 ГК РФ).

4. Предусмотрены возможности для добровольной регистрации литературного или художественного произведения как объекта авторского права, но такая регистрация будет выступать лишь в качестве доказательства в случае возникновения спора об авторстве.

В соответствии с п. 1 ст. 1232 ГК РФ по основаниям, определенным в ГК РФ, исключительное право на охраняемый результат интеллектуальной деятельности, а также на средство индивидуализации товаров, работ, услуг и предприятий признается и охраняется по нормам права интеллектуальной собственности при соблюдении предусмотренной законом государственной регистрации такого результата либо средства индивидуализации.

В отношении объектов авторского права и смежных прав требования об обязательной государственной регистрации нормами закона не предусмотрено, в связи с чем возникает немалое количество споров, в том числе и судебных, об установлении авторства произведения. Например, достаточное количество споров возникает по вопросам, связанным с авторством фотографических произведений, что даже стало отдельным пунктом рассмотрения (п. 5.2) на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам 16 февраля 2024 г. в рамках XXII Международного юридического форума «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики».

Сложности в установлении авторства при отсутствии обязательной регистрации Научно-консультативный совет при Суде по интеллектуальным правам рекомендовал доказывать при помощи свидетельских показаний, публикаций, черновиков, доказательств, основанных на установлении творческого стиля автора, и т.п.[123] К числу средств доказывания были отнесены: исходные

[123] Постановления СИП от 25 января 2021 г. по делу № А76-40169/2018 ; от 1 февраля 2021 г. по делу № А40-70157/2020 ; от 22 апреля 2021 г. по делу № А40-19944/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

снимки в форматах RAW и JPEG[124]; метаданные фотографий (EXIF)[125]; нотариальный протокол осмотра доказательств[126]; полноразмерные экземпляры фотографического произведения в высоком разрешении[127]; распечатки данных с каких-либо сайтов, содержащих сведения о лицах, загрузивших эти фотографии на сайт, — блоги фотографов, сайты-портфолио[128]; внесудебная экспертиза, проведенная по инициативе предполагаемого автора фотографии в отношении метаданных фотографий и других технических характеристик файлов фотографий для целей установления автора[129]; на основании знака охраны (ст. 1271 ГК РФ) и информации об авторском праве на экземпляре фотографии (п. 1 ст. 1300 ГК РФ)[130].

Обширная судебная практика свидетельствует о значительном количестве проблем с установлением авторства в отношении произведений, для которых не предусмотрена обязательная государственная регистрация.

В праве интеллектуальной собственности существует специфика способов защиты исключительного права. Одним из особых способов является компенсация за нарушение авторских, смежных и иных прав, вне зависимости от наличия убытков, причиненных нарушением. Этот вопрос будет рассмотрен далее. В то же время к исключительным правам неприменимы некоторые гражданско-правовые институты, такие как виндикационный и негаторный иски, удержание и др.

Важно отметить, что в праве интеллектуальной собственности есть прямое указание на нормы морали. Например, подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ запрещает

---

[124] Постановления СИП от 25 мая 2023 г. по делу № А66-5107/2022 ; от 16 июня 2022 г. по делу № А40-156894/2020 ; от 12 июля 2021 г. по делу № А43-29843/2020 ; от 4 мая 2023 г. по делу № А60-51330/2022 ; от 21 июля 2023 г. по делу № А19-6248/2020 ; от 31 мая 2023 г. по делу № А63-10133/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[125] Постановления СИП от 3 мая 2023 г. по делу № А73-11658/2022 ; от 11 августа 2023 г. по делу № А40-192022/2022 ; от 31 мая 2023 г. по делу № А63-10133/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[126] Постановления СИП от 11 октября 2023 г по делу № А25-2990/2021; от 21 июля 2023 г. по делу № А19-6248/2020 ; от 3 июля 2023 г. по делу № А56-89706/2022; от 23 марта 2023 г. по делу № А75-154/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[127] Постановление СИП от 2 мая 2023 г. по делу № А40-141765/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[128] Постановления СИП от 12 июля 2021 г. по делу № А43-29843/2020 ; от 9 июня 2023 г. по делу № А71-12305/2022 ; от 22 декабря 2022 г. по делу № А42-1062/2022 ; от 16 августа 2022 г. по делу № А32-1560/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[129] Постановления СИП от 9 июня 2023 г. по делу № А71-12305/2022 ; от 15 сентября 2023 г. по делу № А40-276635/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[130] Постановления СИП от 15 сентября 2023 г. по делу № А40-276635/2022 ; от 22 июня 2023 г. по делу № А83-6174/2022 ; от 9 сентября 2022 г. по делу № А40-246220/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

государственную регистрацию в качестве товарных знаков обозначений, противоречащих общественным интересам, принципам гуманности и морали. Таким образом, добросовестное использование товарного знака не может основываться на понятиях и терминах, противоречащих нормам морали, поскольку принцип добросовестности изначально предполагает соответствие этим нормам[131]. Так, решением Роспатента от 29 января 2025 г. прекращена правовая охрана товарных знаков «WBнутый» и «Вэбэнутый» из-за нарушения норм морали. В связи с этим возникает вопрос о добросовестности действий Роспатента: каким образом первоначально была осуществлена регистрация такого товарного знака? При прекращении правовой охраны Роспатент указал, что словесный элемент «Вэбэнутый» воспринимается как производное от нецензурного слова, используемого в ненормативной лексике, что было подтверждено заключением лингвиста от 19 ноября 2024 г. № 938.

А. П. Сергеев отмечает, что, по данным практики СИП, значительное количество решений Роспатента признаются недействительными. Согласно отчету СИП (первая инстанция) за 2021 г. из 307 оспоренных решений Роспатента об отказах в выдаче охранных документов, об удовлетворении возражения против их выдачи и о признании охранных документов недействительными было отменено 92 решения (около 29 %). За 2022 г. из 300 оспоренных решений недействительными признаны 72 решения (около 24 %)[132]. При этом статистика Роспатента отличается: по 743 спорам, в рамках которых обжаловались решения Роспатента, недействительными признаны 95 решений (примерно 13 %).

Следует также согласиться, что ошибки Роспатента наносят значительный вред заинтересованным лицам. Этот вред выражается в расходах на ведение дел в самом Роспатенте, на обжалование незаконных решений в СИП, а также в убытках в их хозяйственной деятельности, включая расходы на рекламу товарного знака, упущенную выгоду и компенсации, взысканные правообладателем с лица, которое,

---

[131] Заключение Роспатента от 29 января 2025 г. по товарному знаку № 949497 [Электронный ресурс] // URL: https://www1.fips.ru/pps/29_01_25/2023B03075.pdf (дата обращения: 27.11.2025).

[132] Сергеев А. П. Возмещение убытков, причиненных незаконными решениями Роспатента // Закон. 2023. № 5. С. 26.

полагаясь на регистрацию товарного знака Роспатентом, фактически нарушило исключительное право правообладателя.

Поэтому мы считаем, что действия Роспатента как участника правоотношений в сфере интеллектуальной собственности также могут не соответствовать принципу добросовестности. В таких случаях суд своими решениями корректирует и дополняет нормы права.

Примером тому служит дело о регистрации товарного знака «Марина Люпен». Роспатент отказал в регистрации, сославшись на схожесть обозначения с фамилией известного политика Марин Ле Пен (пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ). Однако компания, подавшая заявку, не согласилась и аргументировала свою позицию тем, что обозначение является «переделкой фамилии и имени супруги генерального директора компании». Кроме того, редкие для России фамилии «Люпен», «Лепен», «Ле пен» скорее будут ассоциироваться у потребителей с растением «люпин» (волчьи бобы), «lupus» (лат. «волк»). Компания также отметила, что Роспатент не проводил лингвистических или иных экспертиз, а проведенная компанией экспертиза показала, что заявленное обозначение имеет признаки фантазийного и не вызывает однозначной ассоциации с политиком Марин Ле Пен.

Суды первой и кассационной инстанций поддержали решение Роспатента.

Тем не менее Президиум СИП указал[133], что, отказывая в регистрации на основании противоречия общественным интересам, Роспатент должен конкретно указать, какой именно вред может быть нанесен общественным интересам, морали и нравственности. При этом вред должен быть нанесен не только общественным интересам как таковым, но и конкретным объектам, лицам, явлениям, институтам, чья защита охватывается общественным интересом. Кроме того, проверку основания для запрета регистрации обозначений, тождественных имени известного в РФ лица без его согласия, можно провести только на основании возражения этого лица или его наследников (п. 1 ст. 1499 ГК РФ). Также Роспатент фактически заменил основание отказа, которое он не может проверить на стадии экспертизы

[133] Постановление Президиума СИП от 29 ноября 2023 г. № С01-1424/2023 по делу № СИП-446/2023 // «СПС КонсультантПлюс».

(пп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ), на другое основание, подлежащее проверке на стадии экспертизы (пп. 1 п. 3 ст. 1483 ГК РФ).

Президиум СИП заключил, что Роспатент, не установив конкретных обстоятельств, применил норму пп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ, искусственно расширив сферу общественных интересов. Это в конечном счете может привести к исключению необходимости существования остальных положений ст. 1483 ГК РФ, поскольку обосновать общественным интересом можно практически все, не устанавливая негативного эффекта для конкретного общественного интереса. Президиум СИП внес корректировки, посчитав, что все обстоятельства дела установлены, но норма права применена неверно, и обязал Роспатент зарегистрировать товарный знак.

В данном деле Роспатент фактически пытался обойти нормы законодательства, не имея должных доказательств по конкретному делу, т.е. опираясь лишь на общие, абсолютные основания, а не на относительные. Кроме того, обход закона проявился и в отсутствии заявления заинтересованного лица. Такое поведение является проявлением недобросовестности. Следовательно, действия Роспатента по государственной регистрации прав на товарный знак противоречат требованиям соблюдения норм морали и нравственности.

Если говорить о соблюдении общественных интересов, то как оценить с позиции добросовестности действия Роспатента и компании из Татарстана «Национальные игрушки», которые привели к патентованию имен героев татарского фольклора: Шурале, Су Анасы, Камыр-Батыр, Кар Кызы, Казанская царица, Милли Зилант и др.? В данном случае речь идет о культурном достоянии народов России, и такая регистрация явно противоречит общественным интересам, а значит, не соответствует добросовестному поведению. Тем более что компания существует немногим более года, фактически не осуществляет производство, но при этом требует от казанского театра кукол оплату за использование запатентованных персонажей. Национальное достояние, на котором воспитываются миллионы граждан России, не может быть предметом

использования одним лицом. В результате продолжительного разбирательства правовая охрана Шурале признана недействительной[134].

Применение компенсации как особой меры гражданско-правовой ответственности за недобросовестное использование связано с защитой, в первую очередь, исключительного права.

Статья 1252 ГК РФ оговаривает возможность предъявления требования о возмещении убытков к нарушителю, предоставляя альтернативную возможность — требовать от нарушителя выплаты компенсации. Таким образом, компенсация не указана в ст. 12 ГК РФ и фактически представляет собой специальный способ защиты интеллектуальной собственности, отличный от общего способа защиты, со своими специфическими чертами[135]. Именно это, на наш взгляд, дифференцирует ее в качестве особенности права интеллектуальной собственности.

Компенсация как мера гражданско-правовой ответственности имеет свои специфические черты, отличающие ее от других мер ответственности. При этом компенсации, применяемой именно в сфере интеллектуальной собственности, присущи особенности, отличающие ее даже от общего вида компенсации.

Выбор механизма компенсации обусловлен правовой природой объектов интеллектуальной собственности и спецификой защиты интеллектуальных прав, в частности исключительного, имущественного права. Компенсация упрощает этот механизм особенно при расчете размера убытков, причиненного нарушением и позволяет возместить имущественные потери правообладателя в быстрее и проще, при этом привлекая к ответственности правонарушителей.

Первоначально правообладателю предоставлялось право выбора одного из следующих вариантов компенсации:

---

[134] Решение Роспатента от 10 июня 2025 г. № 2025В00953 по государственной регистрации товарного знака № 1034117, принятое по результатам рассмотрения на заседании Экспертной комиссии 5 июня 2025 г. возражения от 7 апреля 2025 г., поданного Общество с ограниченной ответственностью «Казанские подарки» против предоставления правовой охраны товарному знака ШУРАЛЕ в связи с признанием действий правообладателя, связанных с государственной регистрацией товарного знака, недобросовестной конкуренцией.

[135] Сайфутдинова В. М. О компенсации за нарушение исключительного права как мере гражданско-правовой ответственности // I Венедиктовские чтения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 02 декабря 2023 года. – Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2024. – С. 237.

— в пределах от 10 тысяч до 5 миллионов рублей;

— в двукратном размере стоимости контрафактных товаров;

— в двукратном размере стоимости права использования произведения, объекта смежных прав, товарного знака, наименования места происхождения товара, изобретения, полезной модели или промышленного образца.

Такой минимально установленный размер компенсации также можно считать особенностью компенсации за нарушение исключительного права.

Однако применение этой особой меры гражданско-правовой ответственности на практике сталкивалось с возникновением множества спорных ситуаций и сложностям при их разрешении в суде. Основным вопросом в этой области является вопрос о соразмерности требований, предъявляемых истцами к ответчикам при нарушении исключительного права. Данный вопрос напрямую связан с осуществлением гражданских прав и соблюдением принципа добросовестности. Применение норм о взыскании компенсации можно выделить как особенность осуществления принципа добросовестности, ведь требования о компенсации могут носить и недобросовестный характер, основываться на недобросовестном поведении лица и преследовать цель извлечения прибыли или обогащения за счет третьих лиц.

Законодательно определены были варианты взыскания компенсации, однако система ее расчета на законодательном уровне четко не установлена, и истцы стали ориентироваться на пределы расчета, установленные в ГК РФ, что приводило к ситуациям несоразмерности присужденной итоговой суммы компенсации и размера причиненного имущественного ущерба.

Представляется, что такая ситуация может свидетельствовать о недобросовестном поведении истцов и нарушении принципа добросовестности, закрепленного в ГК РФ. Л. А. Новоселова охарактеризовала эту ситуацию как расчет «на судебное усмотрение как гарантию устранения несоразмерности ответственности последствиям нарушения»[136]. Конституционный Суд РФ

[136] Новоселова Л. А. О механизме компенсации за нарушение исключительных прав // Хозяйство и право. 2017. № 3 (482). С. 7.

подчеркнул важность восстановительной функции компенсации, а не обогащения правообладателя[137], указав на необходимость добросовестного поведения.

Изначально статьей 1252 ГК РФ не допускалось снижение размера компенсации, но затем внесенные изменения[138] позволили снизить размер компенсации, если одним действием нарушались права на несколько объектов.

Диспропорция в требованиях истцов и в масштабе нарушения приводили к тому, что суды часто отказывали правообладателям в исках, ссылаясь на злоупотребление правом. Однако при применении ст. 10 в отношении данного вида компенсации следует учитывать некоторую особенность. Например, если правообладатель злоупотребляет правом на товарный знак при его приобретении, то последствием признания злоупотребления правом может быть не только отказ в защите права, но и оспаривание и признание недействительной правовой охраны такого товарного знака в порядке, предусмотренном ст. 1513 ГК РФ (пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ)[139].

Отметим, что в установленных ранее правилах компенсация снижалась только в указанных случаях, что позволяло истцам получать необоснованную выгоду, что нарушало принципы разумности и справедливости.

Попытку установить более точный, разумный, справедливый и соразмерный расчет к определению компенсации предпринял Конституционный Суд РФ в Постановлении от 13 декабря 2016 г. № 28-П. Спор возник относительно продажи контрафактного компакт-диска с 90 песнями певца С. Михайлова по цене 75 рублей, а компенсационные требования были оценены в 859 тысяч рублей[140].

---

[137] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // СПС «КонсультантПлюс».

[138] Федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 11. Ст. 1100.

[139] Обзор Судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков.

[140] Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // СПС «КонсультантПлюс».

Возникла ситуация «мультипликации ответственности»[141], когда одно нарушение на несколько результатов интеллектуальной деятельности повлекло наказание за каждый неправомерно используемый объект. Компенсация многократно превзошла стоимость контрафактной продукции, таким образом что преобладала карательная, штрафная функция компенсации.

Р. Л. Лукьянов охарактеризовал это как «сверхкомпенсационность»[142]. Она выражается в превышении объема возмещения потенциальных убытков потерпевшей стороны и возникает вследствие реализации превентивной (стимулирующей нарушителя к соблюдению исключительных прав правообладателя) и штрафной функций, которые компенсация выполняет наряду с восстановительной (направленной на восстановление имущественного положения правообладателя и иного установленного законом лица) функцией.

В результате Конституционный Суд РФ не детализировал нормы о снижении компенсации, но сделал вывод, что указанные статьи допускают учет принципа соразмерности ответственности совершенному правонарушению. Судам было рекомендовано учитывать факторы, влияющие на положение ответчика: его материально-финансовое положение, совершение правонарушения впервые, степень разумности и добросовестности, проявленные при совершении правонарушения, наличие несовершеннолетних детей и т.п.

В последующем в п. 62 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10[143] рекомендации дополнены обоснованием размера компенсации, рассмотрением вопроса о характере и уровне допущенного нарушения, его продолжительности, влиянии на правообладателя и его имущественные потери, срок незаконного использования объекта интеллектуальной собственности.

---

[141] Новоселова Л. А. Указ. соч. С. 7.

[142] Лукьянов Р. Л. Компенсация как мера гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. С. 10.

[143] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Однако ситуация не была разрешена и на заседании Конституционного Суда РФ в 2023 г. в связи с запросом СИП[144] была отмечена возможность снижения размера компенсации за нарушение прав на товарный знак в двукратном размере стоимости товаров, на которых он незаконно размещен, если ранее по иску другого правообладателя с этого нарушителя уже взыскивалась компенсация. Законодателю дана рекомендация о внесении в закон необходимых поправок, позволяющих снижать размер компенсации или отказывать во взыскании. Такая позиция Конституционного Суда РФ основывается как раз на добросовестном осуществлении гражданских прав. Несоразмерные требования, по сути, являются злоупотреблением правом, нарушением установленных пределов и часто приобретают форму так называемого патентного троллинга.

Л. З. Двалишвили отмечает, что в германском праве необоснованные и несоразмерные требования контрагента признаются судами недобросовестными, условия договора, чрезмерно ущемляющие интересы одной из сторон, трактуются как недобросовестные, а попытки использования права не по назначению в ущерб интересам других лиц расцениваются как злоупотребление правом[145].

Аналогичная несоразмерность и во многом злоупотребление правом возникли и в вопросах взыскания компенсации в России. Л. А. Новоселова указывала на возникшую обратную реакцию[146]: суды, ссылаясь на ст. 10 ГК РФ, начали отказывать во взыскании компенсации, когда ее сумма была слишком велика и ее применение в заявленном минимальном размере казалось несправедливым.

Нарушение принципа добросовестности возможно и при завышении цены за правомерное использование объектов с целью увеличения размера компенсации, например, путем заключения лицензионных договоров по «завышенной» цене с

---

[144] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2023 г. № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам» // СПС «КонсультантПлюс».

[145] Двалишвили Л. З. О правовой природе принципа добросовестности // Мировой судья. 2023. № 4. С. 33–37.

[146] Новоселова Л. А. Указ. соч. С. 8.

«дружественными» компаниями[147]. Данный вопрос также был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ[148]. В деле о взыскании 200 тысяч за пять рулеток и три малярные кисти истцы явно преувеличили размер требуемой компенсации, сославшись на «завышенный» лицензионный договор с иными контрагентами (100 тысяч за каждый товарный знак ежеквартально). Тем более что нарушение было совершено впервые, не относится к грубым и составляет несущественную часть экономической деятельности ответчика. Конституционный Суд РФ допустил снижение размера компенсации в случае ее несоразмерности масштабу нарушения и обратил внимание прежде всего на восстановление нарушенных прав потерпевшего, а не на штрафной характер компенсации.

При этом добросовестность участников в этих вопросах остается приоритетной, однако она отталкивается от тех рамок, которые установлены законодательно. А на практике получается несоразмерность между масштабом нарушенного права и размером требуемой компенсации. Несмотря на то, что определены минимальные пороги, даже эти легальные рамки приводят к несоразмерности.

Возможно, ситуация улучшится с принятием Федерального закона от 07.07.2025 №214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»[149]. В результате принятых изменений в ГК РФ была включена отдельная статья (1252.1), посвященная компенсации, в которой закреплено, что нарушением исключительного права признается незаконное использование одного результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации каким-либо одним способом; максимальный размер компенсации увеличен с 5 миллионов до 10 миллионов рублей; размер компенсации может быть установлен ниже двукратного размера стоимости контрафактных материалов или права использования, если нарушение совершено

---

[147] Сергеев А. П. Уменьшение размера компенсации за нарушение исключительного права // Интеллектуальные права: вызовы XXI века : сборник докладов II Международной конференции / под ред. Э. П. Гаврилова, С. В. Бутенко. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2020. С. 19.

[148] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П.

[149] Федеральный закон от 07 июля 2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ.2025. № 28. Ст. 3854.

при осуществлении предпринимательской деятельности, а виновный не знал и не должен был знать о таком нарушении; установлены способы расчета компенсации; закреплены правила о защите прав при множественности лиц и использовании нескольких результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации.

Следует также, как особенность, отметить работу специализированного суда — СИП. Совершенно верно мнение, что право интеллектуальной собственности является сегодня одним из наиболее динамичных и востребованных сегментов юридической материи, и в этой обстановке неоценима роль СИП, который «обеспечивает надлежащую и эффективную защиту субъективных гражданских прав и законных интересов, а с точки зрения совершенствования правоприменительных позиций и эволюции подотрасли выступает путеводной звездой, направляющей и открывающей новые горизонты»[150].

Все эти особенности права интеллектуальной собственности накладывают отпечаток на реализацию принципа добросовестности. Об этом будет сказано в следующих параграфах исследования, но перед этим, опираясь на изложенное в гл. 1 и в данном параграфе, следует сформулировать определение добросовестности в праве интеллектуальной собственности.

Особенности осуществления прав и обязанностей в праве интеллектуальной собственности предопределяются нематериальным характером объектов интеллектуальной собственности, спецификой их правовой природы и наличием особых исключительных прав у авторов (правообладателей). Недобросовестное осуществление прав приводит как к нарушению интеллектуальных прав в целом, так и к нарушению отдельных видов прав, устанавливающих сроки правовой охраны, объем предоставленных прав, способы использования и распоряжения объектом интеллектуальной собственности, а также к применению особого способа защиты исключительного права — компенсации.

---

[150] Гонгало Б. М., Братусь Д. А. Комментарии к избранным судебным актам Суда по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 2 (40). Июнь. С. 8–48.

Нарушение интеллектуальных прав вследствие недобросовестного поведения лица не всегда приводит к негативным экономическим последствиям, однако это не исключает возможности предъявления иска исключительно с целью получения выгоды, в том числе и материального характера. Установление судом факта злоупотребления правом — предъявление иска исключительно с намерением причинить вред контрагенту — является основанием для отказа в удовлетворении иска, что в некоторых случаях исключает саму возможность оспаривания предоставленной объекту интеллектуальной собственности правовой охраны.

Принцип добросовестности выполняет конкретизирующую, дополняющую, ограничительную и корректирующую функции в праве интеллектуальной собственности при создании, использовании и распоряжении интеллектуальными правами. Это определяется как общими нормами гражданского права, так и особенностями, существующими в праве интеллектуальной собственности.

Конкретизирующая функция заключается в уточнении прав и обязанностей сторон по использованию и распоряжению интеллектуальными правами, вытекающими из закона или договора.

Дополняющая функция расширяет дополнительные обязанности сторон, если это не предусмотрено законом или договором по использованию и распоряжению интеллектуальными правами.

Ограничительная функция устанавливает пределы осуществления прав и исполнения обязанностей по использованию и распоряжению интеллектуальными правами, вытекающими из закона или договора.

Корректирующая функция заключается в определении содержания договора и норм права по использованию и распоряжению интеллектуальными правами в случае, если они утрачивают актуальность, что позволяет разрабатывать новые нормы права.

Более подробно реализация функций принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности будет рассмотрена в следующей главе данной работы.

ГЛАВА 2. Осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей на основе принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности

§ 1. Согласие автора (правообладателя) при определении добросовестности поведения

Осуществление принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности связано с таким исходным, руководящим началом, как согласие автора или правообладателя на использование результата своего творческого труда, ведь получение такого согласия уже свидетельствует о добросовестном поведении контрагента. В этом состоит ограничительная функция принципа добросовестности. Рассмотрим некоторые аспекты правового регулирования данного вида правоотношений.

Судебная практика также презюмирует авторство[151], оговаривая при этом, что данная презумпция действует лишь в случае доведения до сведения третьих лиц информации об авторском праве строго определенным в законе способом. Такая информация содержится на оригинале (экземпляре) произведения, прилагается к нему либо воспринимается при сообщении в эфир (по кабелю), а также в процессе доведения данного произведения до всеобщего сведения. В противном случае отсутствуют основания применения презумпции авторства, предусмотренной законом; информация иного характера исследуется судом при установлении авторства наряду с иными доказательствами. И такая презумпция позволяет автору (правообладателю) иметь определенные гарантии не нарушения его прав со стороны иных лиц. Хотя на практике нарушений достаточное количество, и они зависят от внутренних (субъективных) условий, т.е. поведения

[151] Постановление Президиума СИП от 10 апреля 2017 г. по делу № СИП-350/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

нарушителя, осознания им добросовестности или недобросовестности своих действий.

Итак, правомерное, а значит, добросовестное, использование требует необходимого разрешения правообладателя (п. 1 ст. 1229 ГК РФ); при его отсутствии использование будет признано незаконным, что приведет к наступлению ответственности, причем молчание согласием не является. Так, например, право на получение компенсации вследствие незаконного размещения в сети Интернет фотографических произведений в отсутствие волеизъявления на то правообладателя, а также без указания автора и источника заимствования было подтверждено СИП. ООО «Восьмая заповедь» обратилось с соответствующим иском к ООО «РУС-Медиа групп»[152]. Истец заявил требование о взыскании компенсации за нарушение исключительного права и об удалении информации об авторском праве, касающейся данных произведений, в сумме 420 тыс. руб.

Исковые требования удовлетворены, но в кассационной жалобе ООО «РУС-Медиа Групп» усомнилось в том, что совершенные сделки (авторские договоры) являются действительными, и указало на их притворный характер. Также были отмечены в действиях ООО «Восьмая заповедь» случаи подтасовки фактов, создания и подделки различного рода документации с целью извлечения прибыли, что фактически свидетельствует о недобросовестном поведении.

Впрочем, суды первой и апелляционной инстанций установили следующие обстоятельства. ООО «Восьмая заповедь» — правообладатель либо доверительный управляющий исключительными правами на 21 фотографию. Данное право было получено в результате заключения авторских договоров и договоров доверительного управления с авторами данных произведений. Авторы выступили в качестве третьих лиц в данном споре. Спорные фотографические произведения были размещены именно на соответствующих сайтах ответчика, а затем доведены им до всеобщего сведения, но при этом не были указаны ни автор, ни источник заимствования данных снимков (кроме одного).

---

[152] Постановление СИП от 26 июня 2019 г. № С01-463/2019 по делу № А12-24960/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем ответчик не оспаривает то обстоятельство, что он является администратором доменных имен того ресурса, на котором размещены спорные фотографические произведения. Это фактически доказывает незаконный характер использования спорных фотографий таким способом осуществления исключительного права на произведение, как доведение до всеобщего сведения наряду с удалением информации об их авторе и источнике заимствования в отсутствие разрешения автора использовать данные произведения на принадлежащих ответчику сайтах в сети Интернет.

СИП счел необоснованным аргумент ответчика, согласно которому не доказана принадлежность исключительных авторских прав истцу на спорные фотографии. Такой вывод Суда был основан на договорах истца с авторами (заключенных до создания спорных снимков), а также протоколе осмотра сайта, удостоверенном нотариусом, исходя из которого тождественны изображения, находящиеся на сайте ответчика и имеющиеся в файле истца.

Отметим, что аналогичных судебных дел достаточное количество в российской судебной практике и что ООО «Восьмая заповедь» хотя и имеет согласия авторов, и выступает от их имени, но тем не менее, по мнению ряда экспертов, является патентным троллем[153]. Это подтверждают следующие данные: ООО «Восьмая заповедь» фактически еженедельно предъявляет исковые требования к компаниям о нарушении прав на фотографии, и в картотеке арбитражных дел уже около 2 тыс. таких исковых заявлений. Когда ООО «Восьмая заповедь» обнаруживает факт использования фотографии, то затем следует обращение к автору данного произведения с предложением заключить договор доверительного управления и получить компенсацию. Далее автор удаляет фотографию со стокового сервиса, где ранее он же и разместил ее, опираясь на неисключительную, безвозмездную лицензию. После заключения договора

[153] Скворцова А. «Восьмая заповедь» — фототроллинг 95lvl в сфере авторского права? // URL: https://zakon.ru/blog/2023/03/22/vosmaya_zapoved__fototrolling_95lvl_v_sfere_avtorskogo_prava (дата обращения: 28.11.2025).

изображение появляется на другом сервисе, но уже с установленной ценой в целях расчета и взыскания компенсации. Следующий шаг — судебное разбирательство.

Сам порядок действий ООО «Восьмая заповедь» показывает умысел, ведь применяется особая стратегия: иски на сумму, не превышающую 500 000 руб., что обеспечивает рассмотрение дел в порядке упрощенного производства, в ограниченные сроки. Поэтому отметим, что даже наличие согласия на использование не говорит о том, что лицо действует добросовестно. Важно оценить действия всех сторон, и добросовестное использование должно осуществляться не с единственной целью взыскания компенсации, а тем более, не посредством продуманного алгоритма действий, который фактически можно считать проявлением недобросовестности стороны.

Таким образом, несмотря на то что решение СИП принято в соответствии с имеющимися фактами заключения договоров, по сути, истец вел себя недобросовестно. Если изначально договоры отсутствовали и в дальнейшем их заключили только с целью взыскания компенсации, то это недобросовестное поведение, не незаконное, но недобросовестное. И как оценивать тогда подписание договоров, произошедшее позже? Права появляются, но изначально их не было. Это и злоупотребление правом, и истинные причины получения прав на эти объекты показывают недобросовестное осуществление прав.

В общем умысел на недобросовестное использование прав может возникнуть и через длительное время существования объекта интеллектуальной собственности. Так, известным дизайнером и модельером Денисом Симачёвым в 2002 г. были переданы права на товарный знак с его именем и фамилией фирме, участником которой он был. Затем эти права по договору перешли партнеру по бизнесу. При этом имеется нотариально удостоверенное согласие дизайнера на использование его имени и фамилии в качестве товарного знака.

Роспатент поддержал эти доводы, но СИП признал факт подачи возражения через длительный период злоупотреблением правом и обязал восстановить

правовую охрану знака[154]. Корректирующая функция принципа добросовестности была реализована и в этом споре.

С учетом развития информационных технологий и легкости нарушения прав на результаты интеллектуальной деятельности, особенно на фотографические произведения, следует сделать вывод, что таких судебных разбирательств будет еще немало, тем более что информационные посредники, размещающие такие произведения, не обладают полной информацией и часто возникает ситуация «не знал и не мог знать» — субъективной добросовестности. Например, компанией предъявлены требования к ООО «Вайлдберриз» о компенсации за нарушение ее прав на фотографии при их размещении на этом маркетплейсе[155]. Истец посчитал, что ответчик своевременно не принял меры для устранения нарушений, несмотря на направленную в его адрес претензию. СИП счел, что оснований для взыскания сумм нет, так как информационный посредник не может сам определить, исходя из названия произведения, является ли факт его загрузки противоправным или нет. Ведь необходимо учитывать особенности возникновения авторских прав в силу факта создания объекта, т.е. без какой-либо регистрации. И это тоже особенность института права интеллектуальной собственности.

Особенностью можно считать и способы размещения некоторых результатов интеллектуальной собственности, в частности через информационного посредника, который сам часто оказывается в ситуации субъективной добросовестности. Информационный посредник должен владеть достаточной информацией для установления статуса правообладателя спорного объекта, а также сведениями, дающими возможность обнаружить само правонарушение. В рассматриваемом деле претензия компании-истца не позволяла установить наличие у нее прав на эти материалы, не было данных, позволяющих визуально

[154] Решение СИП от 28 мая 2024 г. по делу № СИП-1300/2023.

[155] Постановление СИП от 31 августа 2022 г. № С01-1519/2022 по делу № А41-47401/2021. Суд оставил без изменения вынесенные ранее судебные решения об отказе во взыскании компенсации за нарушение исключительного права на фотографическое произведение, поскольку фактические обстоятельства дела подтверждают добросовестное поведение ответчика как информационного посредника и свидетельствуют об отсутствии оснований для взыскания компенсации [Электронный ресурс] // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405132161/ (дата обращения: 28.11.2025).

сравнить фотографии истца с тем, что размещено, а также проверить его полномочия.

Судебная практика, уточняя критерии недобросовестности, установила, что неправомерные действия по использованию произведения, которые сопровождаются изменением/удалением информации об авторском праве, образуют самостоятельные нарушения, за каждое из которых может быть взыскана компенсация[156]. Подпункт 1 п. 2 ст. 1300 ГК РФ запрещает удалять или изменять информацию об авторском праве без разрешения автора либо иного правообладателя. В подпункте 2 п. 2 ст. 1300 ГК РФ содержится запрет использования произведения, в отношении которого без разрешения автора или иного правообладателя была удалена либо изменена информация об авторском праве.

Удаление, изменение, искажение информации об авторе — это заведомо недобросовестное неправомерное поведение. Это не злоупотребление правом.

Презумпция авторства — это тоже специфика права интеллектуальной собственности. В одном из дел ответчик предпринял попытку подвергнуть сомнению презумпцию авторства[157]. Представленный ответчиком скриншот идентичной фотографии содержал в свойствах файла имя другого автора, поэтому спорное изображение не было тем произведением, в защиту которого предъявлен иск, так как схожие объекты могли быть созданы в результате параллельного творчества. СИП счел, что эти доводы не опровергают авторство гражданина, указанного правообладателем, ведь нет притязаний выявленного ответчиком лица на авторство. Не доказано и то, что такое лицо предоставило ответчику право использования снимка. Дело отправлено на новое рассмотрение. Без воспроизведения объект невозможно довести до всеобщего сведения. Поэтому подобные действия могут быть признаны одним нарушением. Отсутствие

---

[156] П. 40 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019 (постановления СИП от 22.01.2021 по делу № А40-12367/2020, от 15.01.2021 по делу № А47 4258/2020) // СПС «КонсультантПлюс».

[157] Постановление СИП от 3 ноября 2023 г. № С01-1740/2023 по делу № А40-31387/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

информации об авторе — это не самостоятельное нарушение, важен факт неправомерного использования.

Согласие можно дать в любой форме, не заключая при этом отдельного договора, главное — добросовестное соблюдение всех условий, договоренностей. Например, ООО «Ригла — Московская область» требовало у Администрации муниципального образования Ленинский муниципальный район Московской области признать недействительным решение от 29 ноября 2019 г. и обязать согласовать установку средств размещения информации[158]. Администрация отказывалась согласовать установку вывески на здании аптеки, содержащей изображение товарного знака № 719746, зарегистрированного на ООО «АС-Бюро плюс». Общество представило в администрацию письменное согласие правообладателя на использование товарного знака, но администрация потребовала документы, подтверждающие государственную регистрацию товарного знака, либо разрешение на использование чужого товарного знака. Согласие правообладателя без государственной регистрации права использования товарного знака администрация не признала ненадлежащим доказательством.

Нижестоящие инстанции отказали обществу в иске. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ удовлетворила кассационную жалобу, указав, что перечень способов распоряжения исключительным правом на товарный знак не является исчерпывающим. Таким образом, предоставление заявителю письменного согласия на использование товарного знака считается правомерным распоряжением исключительным правом. Вывод судов об обратном противоречит п. 1 ст. 1233 и п. 1 ст. 1484 ГК РФ, поэтому Верховный Суд отменил решения нижестоящих судов, признал решение администрации недействительным и обязал администрацию согласовать установку вывески.

Параллельное творчество также может приводить к недобросовестным действиям. В целом простота и легкость создания многих объектов интеллектуальной собственности, а также простота и легкость нарушения прав на

---

[158] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 апреля 2022 г. № 305-ЭС21-23755 по делу А41-13514/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

них — основные причины массовости таких нарушений. И именно судебная практика устанавливает критерии таких нарушений, в том числе определяет добросовестность участников, по сути, выполняя корректирующую функцию. Например, СИП указал, что возможность свободного скачивания фотографии с различных информационных порталов в сети Интернет не свидетельствует о том, что снимок находится в свободном доступе и может копироваться без согласия автора и без выплаты вознаграждения[159].

Согласие автора (правообладателя) в авторском и смежном праве реализуется и через организации, осуществляющие управление авторскими и смежными правами, которые фактически контролируют использование данных результатов интеллектуальной деятельности. Пункт 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 разъясняет, что согласно ст. 1242, 1245 ГК РФ организация по управлению правами вправе выступать в суде как от лица конкретных правообладателей, так и от собственного имени. Аналогичный правовой подход содержался в судебной практике и ранее[160].

Е. В. Вавилин считает, что отдельный блок проблем в условиях развития цифровых технологий и ИИ связан с защитой интеллектуальных прав[161], в том числе исключительных и смежных прав на созданные вне цифрового пространства результаты творческой деятельности. Воплощение и распространение результатов творческой деятельности, их переработка в сети Интернет имеют трансграничный характер, попадая под действие разных юрисдикций, а значит, и при многообразии указанных технологий существенно увеличивается количество способов использования результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет[162].

---

[159] Постановление СИП от 8 декабря 2023 г. № С01-2277/2023 по делу № А40-91224/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[160] П. 1, 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2014 г. № 51 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении споров с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами» // СПС «КонсультантПлюс».

[161] Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 114.

[162] Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г.

Поэтому одной из актуальных задач на законодательном уровне становится задача предупреждения злоупотребления в сфере цифровых инноваций, так как в цифровой среде активно создаются и входят в оборот цифровые результаты интеллектуальной и творческой деятельности: сайты, невзаимозаменяемые токены (non-fungible tokens, NFT), цифровые, произведения, в отношении которых проблема определения авторства стоит еще острее[163].

Широкое применение ИИ ставит вопрос о правомерности использования охраняемых результатов интеллектуальной деятельности для обучения ИИ, о вознаграждении за их использование авторам, на чьих произведениях происходит обучение ИИ. Например, без согласия правообладателей использовались данные для обучения ИИ компаниями Apple, Nvidia, Salesforce и Anthropic[164]. Или проект по оцифровке книг Internet Archive использовал 500 тыс. книг незаконным образом, без согласия авторов[165].

В целях соблюдения принципа добросовестности необходимо усовершенствовать правовое регулирование применения ИИ в плане информирования об использовании технологии с ИИ. И это важно и для защиты интеллектуальных прав, и для защиты прав человека в целом, что особенно актуально в связи с участившимися случаями использования дипфейков, цифровых двойников с целью обмана граждан и лишения их собственности[166].

В данном контексте обратимся к Регламенту (ЕС) Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. 2024/1689, где устанавлены гармонизированные правила в области искусственного интеллекта (далее — Регламент об ИИ)[167]. В статье 50 обозначены обязательства по прозрачности компаний, поставляющих

---

[163] Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений. С. 114.

[164] URL: https://national-expertise.ru/blog/apple-ulichili-v-obuchenii-ii-na-bolee-chem-170-tys-video-youtube-bez-razresheniya/ (дата обращения: 11.01.2025).

[165] Internet Archive forced to remove 500,000 books after publishers' court win [Электронный ресурс] // URL: https://arstechnica.com/tech-policy/2024/06/internet-archive-forced-to-remove-500000-books-after-publishers-court-win/ (дата обращения: 29.01.2025).

[166] Сайфутдинова В. М. Применение искусственного интеллекта: защита интеллектуальных прав и развитие общества // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10, № 2(42). – С. 113.

[167] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance) // OJ L. 2024. P. 1–144.

и внедряющих определенные системы ИИ. Так, поставщики систем ИИ, генерирующие синтетический аудио-, видео- или текстовый контент, должны обеспечить распознаваемость результатов работы системы ИИ как искусственно сгенерированных или подвергнутых манипуляциям (п. 2). А разработчикам системы ИИ необходимо раскрывать информацию о генерации контента или его обработке искусственным образом. Информация о применении ИИ должна предоставляться в понятной и доступной форме при первом взаимодействии или ознакомлении.

В российское законодательство также необходимо ввести нормы об информировании о применении ИИ. Обратим внимание на то, что авторы могут и скрывать факт создания произведения при помощи таких технологий, например при подготовке научной работы с помощью ИИ обучающимися. При этом уже были случаи применения ИИ при написании выпускной квалификационной работы, но автор данный факт подтвердил не сразу. Можно ли это считать проявлением недобросовестности? Полагаем, что это злоупотребление правом, ведь использование технологий ИИ при создании произведений отличается, например, от применения копировальной или иной техники. Искусственный интеллект влияет на качество создаваемого произведения.

Поэтому необходимо дополнить абзацем 2 п. 1 ст. 1300 ГК РФ:

«Созданные или обработанные с применением технологий искусственного интеллекта результаты интеллектуальной деятельности должны распознаваться как искусственно созданные или обработанные. Указанная информация должна быть предоставлена лицом, осуществляющим создание или обработку результатов интеллектуальной деятельности с применением технологий искусственного интеллекта, всем заинтересованным лицам в доступной форме перед первым ознакомлением или использованием».

На наш взгляд, нормы о том, как выразить согласие автору, как и где увидеть это согласие, не совсем ясны и «видимы» для обычных граждан, и это одна из причин массовости таких правонарушений. А размещение через различных информационных посредников, на разных информационных площадках, а не

напрямую, например на странице автора (правообладателя), еще больше запутывает граждан, и возникает извинительное незнание, в том числе самого информационного посредника.

Следует учитывать также, что в последние годы активно развиваются информационные технологии, связанные с применением так называемых дипфейков, — технологии на основе нейросетей, позволяющие реалистично заменять одно лицо другим на фотографии или в видеоконтенте, а также подменять голоса, что может быть использовано недобросовестными субъектами при выражении согласия в качестве автора или правообладателя. Это тоже заведомая недобросовестность, никаких прав у создателей таких «липовых» материалов нет. Правомерное добросовестное использование образа требует согласия гражданина или его наследников, как, например, при создании с помощью дипфейка образа Юрия Никулина.

Поэтому мы считаем положительным опыт Китайской Народной Республики, где в 2023 г. вступило в силу Положение о регулировании отношений, касающихся применения дипфейка[168], которое запрещает использовать дипфейк, если его применение угрожает национальной безопасности, социальной стабильности, нарушает общественный порядок или посягает на законные права и интересы граждан. Применение дипфейка допустимо, если в итоговом контенте есть маркировка DeepFake.

Таким образом, информационное пространство предоставляет пользователям большие возможности для нарушения прав авторов разными способами, как преднамеренно, так и по незнанию (субъективная добросовестность). Нарушителями становятся разработчики ИИ, информационные посредники, лица, не являющиеся авторами (правообладателями), но представляющиеся ими.

Для предотвращения нарушения авторских прав в информационном пространстве предлагаем конкретизировать форму согласия автора

---

[168] China bans deepfakes created without permission or for evil [Электронный ресурс] // URL: https://www.theregister.com/2022/12/12/china_deep_synthesis_deepfake_regulation/ (дата обращения: 28.11.2025).

(правообладателя) на использование объектов интеллектуальной собственности, включая и те объекты, право свободного доступа к которым потребитель получает по договору присоединения: в качестве выраженного согласия возможно нанесение маркировки на объект интеллектуальной собственности в виде стандартизированной записи «согласен на свободное использование».

Хотелось бы обратить внимание на то, что с 1 января 2018 г. начал действовать Федеральный закон от 28 марта 2017 г. № 43-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»[169], которым вводится право на неприкосновенность «живой постановки» театральных режиссеров и право на публичное исполнение. Высказывается мнение, что принятие данного Закона — пример учета зарубежного опыта, участия всех заинтересованных лиц (особенно режиссеров и Роспатента), в результате чего появилось решение проблемы, не имеющее аналогов в мире[170].

Причина в том, что творческая деятельность режиссеров-постановщиков спектаклей имеет особенности: постановки повторяются без непосредственного участия режиссера, активно используются другими лицами или актерами в других театрах, где в постановку вносятся существенные изменения, нарушающие целостность и искажающие творческий замысел режиссера, часто не в лучшую сторону, что производит негативное впечатление на зрителя. При этом согласия режиссера-постановщика на осуществление данных действий нет, с ним договор не заключается и выплаты ему вознаграждения не происходит, что свидетельствует о недобросовестном использовании.

В связи с этим с 1 января 2018 г. без согласия режиссера на внесение изменений в спектакли, в том числе поставленные ранее этой даты, обязательно в форме заключения договора. Согласием режиссера на предыдущие постановки считаются любые доказательства того, что театр или другие лица поставили спектакль и продолжают его публичное исполнение не против воли режиссера:

---

[169] СЗ РФ. 2017. № 14. Ст. 2002.

[170] Фабричный С. Ю., Рузакова О. А. Коммерциализация интеллектуальной собственности: проблемы регулирования // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2017. № 7. С. 41–47.

прошлые трудовые, гражданско-правовые договоры с театрами. Фактически это та самая конкретизация авторства, о которой мы говорили выше, и осуществление ограничительной функции принципа добросовестности.

Еще один аспект, связанный с согласием автора (правообладателя), имеет подтекст семейно-правового регулирования. В последние годы с развитием социальных сетей и иных средств массовой информации родители, лица, осуществляющие воспитание детей, активно используют своих детей в создании аудиовизуальных произведений в целом результатов интеллектуальной деятельности в частности. Суть проблемы в том, что фактически все договорные отношения ведутся от имени родителей, законных представителей, а в создании принимают участие и дети, которые соглашаются скорее из-за популярности. Родители при этом получают прибыль, чаще всего распределяя ее самостоятельно. На наш взгляд, в данной правовой ситуации упор должен быть сделан на добросовестности родителей, опекунов, попечителей, т.е. осуществлении ими указанных прав, поэтому необходимо регламентировать следующие моменты.

Сто́ит обозначить в договорах перечисление части средств (установить долевое распределение) на специальные счета детей до их совершеннолетия, так как в будущем материальное положение семьи в целом может измениться, а доходы от данных произведений будут потрачены родителями, опекунами, попечителями, что с их стороны свидетельствует о недобросовестности и злоупотреблении правами при создании указанных объектов интеллектуальной собственности.

Следует запретить создавать аудиовизуальные произведения, в процессе работы над которыми нарушаются права детей. Например, нарушается режим фактически рабочего времени, т.е. продолжительность съемки таких роликов, «рабочий день» ребенка-блогера, ребенка-исполнителя часто длится больше, чем обычный рабочий день взрослого человека. Также важен прямой смысл и подтекст на совершение действий, которые родители или лица, осуществляющие воспитание, рекомендуют выполнять своим детям-блогерам, часто они заведомо

унижают достоинство детей. Например, на детских каналах[171] содержится достаточное количество роликов по формату: «24 часа собачка управляет моим днем», «24 часа с новой мамой» и т.п. Ребенку в течение продолжительного времени необходимо совершать определенные действия, безусловно, с перерывами на сон, но сам характер таких действий, на наш взгляд, не соответствует целям воспитания и развития ребенка.

Таким образом, дети могут быть авторами видеороликов, создаваемых совместно с родителями, усыновителями и опекунами, исполнителями в них, что означает наличие у детей авторских и смежных прав.

В целях обеспечения прав детей предлагается включать в договоры с пользователями / приобретателями исключительных прав на видеоролики условия о перечислении части средств на специальные, недоступные родителям, усыновителям и опекунам номинальные счета детей. Дети получают доступ к номинальному счету по достижении совершеннолетия. Порядок открытия номинального счета, зачисления и выплаты вознаграждения урегулирован статьей 1243.1 ГК РФ.

Осуществление родителями, усыновителями и опекунами несовершеннолетних детей исключительных прав должно быть добросовестным и не причиняющим вреда жизни, здоровью, чести и достоинству детей. В связи с этим следует признать недобросовестным поведение родителей, усыновителей и опекунов, которые создают и распространяют аудиовизуальные произведения (видеоролики) и иные произведения, предназначенные для просмотра в сети Интернет, содержание которых может порочить честь и достоинство ребенка, и возложить на недобросовестного родителя обязанность денежной компенсации в соответствии со ст. 151 ГК РФ.

Автором предложены изменения в часть четвертую ГК РФ, которые отражены в приложении к данному диссертационному исследованию. Основные положения приведены ниже.

---

[171] URL: https://yandex.ru/video/preview/10185438323025843238 (дата обращения: 28.11.2025).

Лица, не достигшие 18 лет, могут быть авторами результата интеллектуальной деятельности и обладать интеллектуальными правами, однако в силу неполной дееспособности такого лица распоряжение доходами, полученными от совместного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо от совместного распоряжения исключительным правом на такой результат или средство, созданные в соавторстве, в тех случаях, где одной стороной являются родители (усыновители, опекуны, попечители), а другой — дети (подопечные), не достигшие 18 лет, ограничено.

В большинстве случаев родители (усыновители, опекуны, попечители) распределяют полученные доходы без учета реального вклада своих детей (подопечных) и будущих перспектив использования данных средств, на текущее финансирование семьи в целом. Достигнув совершеннолетия, ребенок (подопечный) может не получить денег, которые были им заработаны. В Соединенных Штатах Америки при начале творческой карьеры не менее 15% заработанных детьми средств по закону отправляется на специальный трастовый счет (Coogan Account), доступ ко снятию денег, с которого имеет только ребенок после наступления совершеннолетия.

Представляется, что в данном вопросе необходимо присмотреться к опыту Франции, где принятый в 2020 г. закон, распространил на детей-блогеров, зарабатывающих на своих аккаунтах в социальных сетях и на онлайн-платформах, правила как и на других работающих несовершеннолетних: сокращенные часы работы; перечисление всех доходов на банковский счет, пока им не исполнится 16 лет. Франция стала первой страной, в которой несовершеннолетние видеоблогеры получили юридическую защиту от эксплуатации со стороны взрослых, в том числе родителей[172].

Проект федерального закона «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» разработан с целью защиты

[172] Во Франции детей-блогеров приравняют к детям-моделям и актерам [Электронный ресурс] // Российская газета. 07.10.2020. URL: https://rg.ru/2020/10/07/vo-francii-detej-blogerov-priravniaiut-k-detiam-modeliam-i-akteram.html (дата обращения: 20.06.2024).

имущественных прав детей (подопечных), не достигших 18 лет. Законопроектом предполагается распределение доходов от совместного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо от совместного распоряжения исключительным правом на такой результат или на такое средство, созданные в соавторстве, где одной стороной являются родители (усыновители, опекуны, попечители), а другой — дети (подопечные), не достигшие 18 лет, в равных долях, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

Законопроект также устанавливает обязанность родителей (усыновителей, опекунов, попечителей) перечисления средств, полагающихся ребенку (подопечному) от полученных доходов при совместном использовании результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо от совместного распоряжения исключительным правом на такой результат или на такое средство, созданные в соавторстве, в тех случаях, где одной стороной выступают родители (усыновители, опекуны, попечители), а другой — дети (подопечные). Перечисление средств должно осуществляться на банковский счет ребенка (подопечного), а распорядиться им ребенок (подопечный) сможет при достижении совершеннолетия.

В связи с внешнеполитической ситуацией, сложившейся вокруг России в последние годы, можно говорить и о новом аспекте согласия автора (правообладателя). Так, ранее в постановлении Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П[173] были рассмотрены положения ГК РФ, связанные с вопросом о допустимости так называемого параллельного импорта, то есть случаев, когда товар, законно маркированный товарным знаком и выпущенный в оборот за границей, ввозится в Россию без согласия правообладателя (не им самим и не его дистрибьюторами). Фактически недобросовестность правообладателя может повлечь за собой то, что суд полностью или частично отказывает в

[173] Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “ПАГ”» // СПС «КонсультантПлюс».

удовлетворении его требований, если их выполнение может вызвать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публичных интересов.

Конституционный Суд РФ акцентировал внимание на том, что к ввозящим оригинальные товары без согласия правообладателя нельзя применять такие же меры гражданско-правовой ответственности, как к ввозящим подделки. Такие меры ответственности возможны лишь в случаях, когда убытки правообладателя можно сопоставить с убытками от введения в гражданский оборот фальсификата. В итоге оспариваемые нормы, включая положения, регулирующие национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, были признаны соответствующими Конституции России. Фактически таким образом была реализована дополняющая функция принципа добросовестности.

В настоящее время Россия испытывает неимоверную экономическую и правовую нагрузку в связи с введением против нее режима санкций целым рядом недружественных государств. С началом специальной военной операции многие компании отказались осуществлять деятельность в нашей стране, несмотря на наличие договорных отношений, в том числе в сфере интеллектуального права. 29 марта 2022 г. Правительство РФ разрешило ввозить некоторые оригинальные иностранные товары без согласия правообладателя[174]. Экономическая политика западных государств вынудила Россию ввести так называемый режим параллельного импорта.

Так, истец, иностранная компания, обвинила ответчика (банк) в введении в оборот медицинского оборудования, ранее ввезенного на территорию России без согласия истца (правообладателя товарного знака), при товары хранились с целью продажи (параллельный импорт). В удовлетворении иска компании отказано[175].

Суд учел правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в постановлении от 13 февраля 2018 г. № 8-П, где запрет на реализацию

---

[174] Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СЗ РФ. 2022. № 14. Ст. 2286.

[175] П. 11 Обзора судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков.

оригинальной продукции, ввоз которой признан параллельным импортом, требует проверки добросовестности правообладателя и наличия у него разумного экономического интереса. Недобросовестность истца проявилась в требованиях завышенного размера компенсации. Также банк не являлся профессиональным участником рынка медицинского оборудования, а права на оборудование приобрел как залогодержатель. Сама иностранная компания имела опыт предоставления согласия на ввоз оборудования лицам, не являющимся его дистрибьюторами (иногда давала согласие безвозмездно). Однако банку было отказано в возмездном предоставлении такого согласия без разумного обоснования и отвергнуто предложение банка о выкупе у него указанного медицинского оборудования.

А введенный Правительством РФ запрет на вывоз за пределы России ряда товаров[176] привел к тому, что банк не имел возможности реализовать товар в странах, где его реализация разрешена. Оставление товара как предмета залога привело бы к утрате его ценности и полезных свойств, а значит к увеличению расходов банка на хранение, утилизацию и невозможности получения средств от его реализации.

Истец не обосновал разумный экономический интерес, поэтому суд сделал обоснованный вывод о недобросовестности истца, его действия были направлены не на защиту своих прав как правообладателя, а на обогащение за счет ответчика.

Одно из последних изменений в данной сфере — это утверждение порядка принятия решения об использовании изобретения для производства в России лекарства в целях его экспорта без согласия патентообладателя, методики определения размера компенсации, причитающейся патентообладателю, и порядка ее выплаты[177]. Правительством РФ установлены случаи на условиях, предусмотренных международным договором (например, запрос государства — члена Всемирной торговой организации о возможности производить в нашей

[176] Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 311 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1703.

[177] Постановление Правительства РФ от 25 мая 2022 г. № 947 «Об использовании изобретения для производства на территории Российской Федерации лекарственного средства в целях его экспорта без согласия патентообладателя» // СЗ РФ. 2022. № 23. Ст. 3777.

стране конкретное лекарственное средство), когда Правительство РФ вправе принять решение об использовании изобретения для производства в России лекарственного средства на экспорт без согласия патентообладателя. Последний должен быть уведомлен об этом, ему должна быть выплачена соразмерная компенсация (ст. 1360.1 ГК РФ).

И тем не менее российское законодательство обеспечивает охрану и защиту исключительных прав иностранных правообладателей, несмотря на режим санкций[178]: в этом деле были отклонены доводы ответчика, что правообладатель фонограммы — иностранное лицо, а на данный момент против России действует режим санкций.

В то же время в марте 2025 г. суд в России впервые отменил правовую охрану товарного знака иностранной компании, покинувшей страну после начала специальной военной операции, приняв решение в пользу российской фирмы. Роспатент зарегистрировал товарный знак «Ericsson» за российским производителем кондиционеров ООО «Р-Климат» (входит в торгово-промышленный холдинг «Русклимат»); правовая охрана товарного знака иностранной компании была аннулирована в отношении товаров 11-го класса Международной классификации товаров и услуг (МКТУ)[179]. Суд по интеллектуальным правам установил, что с начала 2021 г. по 2024 г. под торговой маркой «Ericsson» в Россию не ввозили устройства для нагрева, охлаждения и вентиляции, поэтому «Русклимат» или другие лица могут подать заявки в Роспатент для регистрации в этой товарной группе.

Отметим, что в праве интеллектуальной собственности понятие «использование» трактуется несколько иначе, чем в отношении обычных товаров и услуг, способы использования которых четко оговариваются в ГК РФ. Так, ряд ученых[180] обращают внимание на некоторую неопределенность категории

---

[178] Постановление СИП от 7 декабря 2023 г. № С01-2264/2023 по делу № А65-8467/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[179] Решение СИП от 30 октября 2024 г. по делу № СИП-334/2024. Постановлением Президиума СИП от 12 декабря 2025 г. № С01-2602/2024 оставлено без изменения.

[180] Например, см.: Кольздорф М. А. Проблемы разграничения правомерного и неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 15. С. 65–71.

«использование товарного знака в отношении товаров», что вызывало определенные затруднения у организаций, осуществляющих розничную торговлю и техническое обслуживание определенных товаров, при размещении в рекламе товарных знаков, индивидуализирующих эти товары. В связи с этим в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 апреля 2004 г. № 14685/03[181] дано разъяснение, что возможно использование товарных знаков третьими лицами при производстве и размещении рекламной продукции в рамках обслуживающей, торговой и другой деятельности, если рекламируемые товары легально введены в гражданский оборот и при этом не нарушается законодательство о рекламе. Этот подход подтверждается в еще одном акте толкования — в п. 31 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе»[182].

Необходимость указания чужого товарного знака также может оговариваться законодательством, действующим в иных отраслях права; ст. 10 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-I «О защите прав потребителей» до потребителя должна быть доведена вся необходимая и достоверная информация, в том числе это может быть указание на совместимость производимого товара с товарами определенных марок[183]. Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что использование в рекламе товарных знаков иных правообладателей, не имеющих отношение к рекламируемому товару, может осуществляться лишь при наличии на то их согласия, притом, что введение потребителей в заблуждение в отношении рекламируемого товара недопустимо[184].

В российской судебной практике значительное количество дел содержат положения об определении добросовестного использования результатов

---

[181] СПС «КонсультантПлюс».

[182] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона “О рекламе”» // СПС «КонсультантПлюс».

[183] Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам использования товарного знака для целей, не связанных с индивидуализацией товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, утв. постановлением Президиума СИП от 24 октября 2022 г. № СП-21/24 // СПС «КонсультантПлюс».

[184] Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 2009 г. № 15314/09 // СПС «КонсультантПлюс».

интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, причем львиная доля споров связана с товарными знаками[185].

К отличиям дел о средствах индивидуализации можно отнести следующие. Например, существенность/несущественность влияния используемого объекта интеллектуальной собственности также рассматривается как ключевой элемент при разрешении споров. Так, при регистрации промышленного образца также необходимо учитывать доминирующие (существенные) признаки[186].

В деле № СИП-696/2019 гражданином оспаривалось решение Роспатента по возражению конкурента об аннулировании регистрации его мебельного стола в качестве промышленного образца как неоригинального. В изделиях присутствовали общие доминирующие признаки: одна стойка и овальная столешница, отличия стойки были лишь в одноцветном исполнении. Роспатент счел это отличие незначительным и не индивидуализирующим изделие. Но СИП указал, что Роспатент не учел, что спорный образец отличается не только цветом стойки, но и ее формой.

В соответствии с п. 1 ст. 1352 ГК РФ не являются охраняемыми признаками промышленного образца те признаки внешнего вида изделия, которые обусловлены лишь технической функцией. Существенными признаками внешнего вида изделия считаются те, которые доминантно определяют эстетические особенности изделия, создают общее зрительное впечатление: малоразличимые, не выражающие суть внешнего вида изделия, признаки, исключение которых из совокупности признаков не приводит к изменению общего зрительного восприятия, будут отнесены к несущественным признакам[187].

---

[185] Информационная справка, подготовленная по результатам анализа и обобщения судебной практики Суда по интеллектуальным правам в качестве Суда первой и кассационной инстанций с учетом практики Верховного Суда Российской Федерации по вопросам, возникающим при применении положений пунктов 1 и 3 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации, утв. постановлением Президиума СИП от 5 апреля 2017 г. № СП-23/10 по результатам обсуждения с участием членов Научно-консультативного совета при СИП // СПС «КонсультантПлюс».

[186] Решение СИП от 25 декабря 2019 г. по делу № СИП-696/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[187] Приказ Министерства экономического развития РФ от 30 сентября 2015 г. № 695 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации промышленных образцов, и их форм, Требований к документам заявки на выдачу патента на промышленный образец, Состава сведений о выдаче патента на промышленный образец, публикуемых в официальном бюллетене Федеральной службы по интеллектуальной собственности, Состава сведений, указываемых в форме патента на промышленный образец, формы патента на

В силу п. 74 Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации промышленных образцов, и их форм (утв. приказом Минэкономразвития России от 30 сентября 2015 г. № 695) промышленный образец является оригинальным в соответствии с п. 3 ст. 1352 ГК РФ в случае, когда его существенные признаки обусловливаются творческим характером особенностей изделия.

Определение существенных признаков промышленного образца[188] направлено на выявление эстетических и (или) эргономических особенностей, присущих внешнему виду изделия, представленного на изображениях, и оценку роли этих признаков.

Таким образом, признаки классифицируются на существенные и несущественные, в зависимости от степени влияния на формирование общего зрительного впечатления от внешнего вида изделия, от принадлежности к доминантным либо нюансным признакам.

Благодаря анализу судебной практики выявляется еще один аспект определения добросовестного использования: при оценке сходства товарных знаков дается ответ на вопрос, являются ли совпадающие элементы сильными или слабыми, ведь вероятность смешения товарных знаков зависит не только от степени сходства обозначений и однородности товаров, но и от ряда других факторов. К ним можно отнести степень известности товарного знака и его различительной способности, узнаваемость в глазах потребителей, длительность использования этого знака, ценовую категорию товаров, наличие у правообладателя серии товарных знаков, чем-либо объединенных (совпадение с серийным элементом повышает вероятность смешения)[189]. Следует отметить, что деление элементов на сильные и слабые — это также специфика интеллектуальной

промышленный образец» (зарегистрирован в Минюсте России 25 декабря 2015 г. № 40242) // СПС «КонсультантПлюс».

[188] Рекомендации по вопросам экспертизы заявок на промышленные образцы, утв. приказом Роспатента от 31 марта 2009 г. № 48 [Электронный ресурс] // URL: https://www1.fips.ru/to-applicants/industrial-designs/rec_po.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

[189] Постановление Президиума СИП от 3 ноября 2017 г. по делу № СИП-69/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

собственности, которая в некоторых институтах приобретает решающее значение при определении добросовестности поведения.

Известность обозначения доказывается длительностью и (или) интенсивностью использования на определенной территории, затратами на рекламу, значительными объемами реализации товаров и оказания услуг под этим обозначением, результатами опросов потребителей о распространенности обозначения этого товара на определенной территории.

Кроме того, согласно судебной практике для того, чтобы в целях применения пп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ признать использованным название конкретного произведения (при доказанности известности произведения), необходимо представить доказательства его узнаваемости в товарном знаке применительно к адресной группе потребителей именно как названия конкретного произведения[190].

Применяя ст. 1483 ГК РФ необходимо учитывать ассоциативные связи, возникающие у потребителей — адресатов определенных товаров или услуг в отношении конкретного спорного обозначения[191]. Аналогичный подход отражен в иных постановлениях Президиума СИП[192]. Поэтому понятие известности произведения применительно к пп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ не тождественно категории общедоступности сведений, включаемых в уровень техники для определения охраноспособности изобретений, полезных моделей, а также промышленных образцов (п. 2 ст. 1350, п. 2 ст. 1351, п. 2 ст. 1352 ГК РФ).

Таким образом, согласие автора на использование результата интеллектуальной деятельности является необходимым элементом добросовестного использования. В то же время в законодательстве предусмотрены правомерные, добросовестные случаи использования без согласия автора.

---

[190] Постановления Президиума СИП от 20 января 2020 г. по делам № СИП-310/2019 и СИП-311/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

[191] Информационная справка, подготовленная по результатам анализа и обобщения судебной практики Суда по интеллектуальным правам в качестве Суда первой и кассационной инстанций с учетом практики Верховного Суда Российской Федерации по вопросам, возникающим при применении положений пунктов 1 и 3 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации.

[192] Постановления Президиума СИП от 23 марта 2015 г. по делу № СИП-546/2014 ; от 3 апреля 2015 г. по делам № СИП-547/2014 и СИП-548/2014 ; от 1 февраля 2016 г. по делу № СИП-383/2015 ; от 24 марта 2016 г. по делу № СИП-311/2015 ; от 16 февраля 2017 г. по делу № СИП-415/2016 ; от 19 марта 2018 г. по делу № СИП-384/2017 ; от 23 июля 2018 г. по делу № СИП-627/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

§ 2. Свободное использование при реализации принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности

Использование самим автором (правообладателем) или разрешение / запрет использования другими лицами — предоставляется законодательством участникам правоотношений в сфере интеллектуальной собственности с учетом ограничений и исключений. И в этом проявляется ограничительная функция принципа добросовестности.

Специфика права интеллектуальной собственности проявляется и в наличии изъятий из общего правила относительно необходимости согласия правообладателя: это введение на основании закона определенных исключений и ограничений (способов использования данных результатов без согласия правообладателя, с выплатой ему вознаграждения либо без таковой). Гражданское законодательство устанавливает подобные ограничения и исключения в отношении прав на объекты авторского права и смежных прав, объекты патентного права, товарные знаки при выполнении ряда условий, предусмотренных п. 5 ст. 1229 ГК РФ:

1) установление на основании закона в конкретно определенных в нем случаях;

2) нет противоречия с обычным использованием произведений либо иных объектов;

3) не ущемляются необоснованным образом права и охраняемые законом интересы правообладателей.

Принцип добросовестности проявляется в возможности использования без выраженного согласия автора (правообладателя) результатов интеллектуальной деятельности третьими лицами в определенных случаях и на определенных условиях. Это свободное использование результатов интеллектуальной деятельности с выплатой вознаграждения или без таковой, но с обязательным условием соблюдения личных неимущественных прав автора.

Подобная реализация принципа добросовестности происходит в случаях, когда имеет место:

— принудительное лицензирование объектов патентных прав и селекционного достижения;

— использование изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности;

— использование изобретения для производства лекарственного средства в целях его экспорта в соответствии с международным договором Российской Федерации.

Установление ограничений исключительных прав на объекты патентного права (изобретения, промышленные образцы) возможно в определенных ситуациях, не противоречащих нормальному использованию данных объектов, с учетом охраняемых законом интересов третьих лиц и без ущемления законных интересов правообладателей. Подобные ограничения применительно к товарным знакам могут быть предусмотрены, если они устанавливаются с учетом охраняемых законом интересов правообладателей, а также третьих лиц.

В итоге пунктом 5 ст. 1229 ГК РФ при установлении ограничений подчеркивается отсутствие препятствий для обычного использования результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации, а также отсутствие ущемления прав и охраняемых законом интересов правообладателей. При этом в отношении товарных знаков закон акцентирует внимание только на законных интересах правообладателей.

Законодательство предусматривает и исключения из общего правила (п. 5 ст. 1229 ГК РФ). Например, получение согласия правообладателя не требуется при применении принципа исчерпания исключительного права, когда возможно использование товарного знака в отношении товаров, введенных в оборот на территории России самим правообладателем, иным лицом при наличии согласия правообладателя (ст. 1487 ГК РФ).

В США действует доктрина добросовестного использования (fair use), применяемая в случае необходимости свободного использования произведений

науки, литературы и искусства, охраняемых по нормам авторского права. Употребление понятия «fair use» («добросовестное использование») характерно лишь для американского права, в то время как в ряде государств англосаксонской правовой семьи и бывших британских колониях (Канаде, Великобритании, Индии, Австралии, Новой Зеландии, Сингапуре) используется более широкая категория «fair dealing» («честное использование»). Сущностная разница указанных понятий заключается в том, что «честное использование» («fair dealing») подразумевает такого рода использование, которое не нарушает прав автора, поскольку охватывается справедливой целью, обозначенной в законе, вне всякой зависимости от общественной полезности той цели, которую ставил перед собой пользователь.

Сущностные характеристики правовой позиции добросовестного использования состоят в том, что законом не ограничиваются основания данного использования, их перечень в законе отсутствует. В § 107 Закона США об авторском праве[193] приведен своеобразный рекомендательный алгоритм для судов при разрешении вопроса о наличии либо отсутствии добросовестного использования (fair use). Во-первых, это определение назначения и характера использования, установления является ли оно коммерческим либо связано с некоммерческими целями (например, научными, исследовательскими, образовательными и т.п.). Во-вторых, определение характера охраняемого произведения: является ли оно творческим, было обнародовано или нет и пр. В-третьих, установление объема использованной части произведения и ее существенности. В-четвертых, оценка влияния, имевшего место при использовании в отношении потенциального рынка либо ценности произведения.

Помимо вышеуказанных общих критериев, в Законе США об авторском праве 1976 г.[194] приведены наиболее часто встречающиеся в правоприменительной практике случаи добросовестного использования (например, использование в

[193] 17 U.S. Code § 107 — Limitations on exclusive rights: Fair use [Электронный ресурс] // URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/107 (дата обращения: 28.11.2025).

[194] United States Copyright Act of 1976 [Электронный ресурс] // URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=5405 (дата обращения: 28.11.2025).

критических, учебных, библиотечных, информационных целях, создание пародий, новостных обзоров[195]).

Если говорить о патентных правах, то, согласно американскому праву, для определения наличия добросовестного использования суду необходимо производить анализ каждого дела для установления следующего: имеет ли место развитие технологий, распространение инноваций, удовлетворяются ли потребности населения в высокотехнологической продукции; затронуты ли общественные интересы; возможно ли использование способов защиты исключительных прав с точки зрения их возможного влияния на предпринимательскую деятельность истца и ответчика; что принесет бóльшую пользу — реализация прав истца либо уже сложившаяся ситуация.

Изготовление копий для частного использования не нарушает авторские права (как, например, изготовление видеокассет формата Betamax 1984 г.). В «Зеленой книге по авторскому праву и проблеме технологии» 1988 г. с точки зрения закона о конкуренции отмечается: «…чрезмерная защита может препятствовать возможностям распространения, а также стать основанием для неоправданно высокого вознаграждения» (п. 1.4.6)[196]. «Зеленая книга по авторскому праву и смежным правам в информационном обществе» 1995 г. развивает эти положения, предлагая специальную систему технической защиты и идентификации продуктов (например, ISBN). Вот почему в Соединенных Штатах, даже если материал не был законно опубликован автором, он все еще может быть использован. К сожалению, широта возможных интерпретаций иногда приводит к конфликтам. Как утверждают юристы, определение того, является ли конкретный случай справедливым использованием, было и остается прерогативой суда.

В Европейском Союзе важное значение имеет Директива Европейского Союза № 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом

---

[195] Folsom v. Marsh, 9. F.Cas. 342 (C.C.D. Mass. 1841); см. также: Patterson L. R. Folsom v. Marsh and Its Legacy // Journal of Intellectual Property Law. 1998. Vol. 5. No. 2. P. 431–452.

[196] Green Paper on Copyright and the Challenge of Technology — Copyright Issues Requiring Immediate Action. COM (88) 172 final, 7 June 1988 [Электронный ресурс] //URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/AUTO/?uri=COM:1988:0172:FIN (дата обращения: 25.11.2025).

рынке, которая была одобрена Европарламентом 17 апреля 2019 г. и вступила в силу 7 июня 2019 г.[197] Согласно ее статье 3 государства-члены должны закреплять в своих национальных законах исключения из сферы авторско-правовой охраны в отношении воспроизведения и извлечения для интеллектуального анализа текстов и данных в целях осуществления научных исследований. Вместе с тем установлены определенные гарантии: такими данными имеют право воспользоваться лишь научно-исследовательские организации и учреждения культуры, причем это возможно лишь для тех произведений или иных охраняемых объектов авторского права, к которым у них есть правомерный доступ.

Согласно п. 14 преамбулы названной Директивы доступ будет носить законный характер при наличии следующих условий:

1) между правообладателями и пользователями заключены договоры, или имеется одностороннее заявление о предоставлении доступа;

2) либо произведения доступны онлайн, и у пользователя имеется к ним правомерный доступ (т.е. соблюдены условия использования веб-сайта или предоставляемой услуги);

3) правообладатели не оставили за собой права на воспроизведение и извлечение в целях интеллектуального анализа текстов и данных (см. п. 3 ст. 4 и абз. 2 п. 18 преамбулы).

Что касается экземпляров используемых произведений (иных объектов), то согласно п. 2 ст. 3 указанной Директивы возможно их сохранение в целях производства научных исследований и для проверки их результатов.

Таким образом, правообладатели могут запретить подобного рода использование охраняемых произведений.

Кроме того, ст. 5 анализируемой Директивы предусматривает ограничения и исключения в отношении использования охраняемых авторским правом объектов в цифровой среде в учебных целях в рамках некоммерческой деятельности

[197] Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2019/790 «Об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке и внесении изменений в директивы 96/9/ЕС и 2001/ 29/ ЕС», одобрена Европейским парламентом 17 апреля 2019 г. и вступила в силу 7 июня 2019 г. [Электронный ресурс] // URL: http://jursite.garant.ru/images/articles/motovilova/1.pdf (дата обращения: 25.11.2025).

образовательных организаций. Такое цифровое использование должно происходить под контролем вуза посредством использования защищенной электронной среды и с обязательным указанием источника. При этом не должно возникать угрозы существующим образовательным рынкам. Возможно также осуществление трансграничного использования произведений для целей обучения, при условии что оно происходит в защищенной электронной среде. Тогда оно считается происходящим в государстве — члене Евросоюза по месту нахождения вуза (п. 3 ст. 5 названной Директивы).

Вышеописанные случаи свободного использования безвозмездны, однако согласно п. 4 ст. 5 рассматриваемой Директивы государства — члены Европейского Союза вправе включить в национальные законодательства нормы о выплате справедливой компенсации правообладателям за цифровое и трансграничное использование.

Это касается свободного использования культурного наследия, то статья 6 анализируемой Директивы позволяет создание копий любых охраняемых авторским правом объектов, которые постоянно хранятся в коллекциях учреждений культурного наследия. Воспроизведение может производиться как самим учреждением, так и привлеченными им третьими лицами.

В целом общим для законодательства разных стран является то, что охраняемый объект исключительных прав может использоваться без разрешения и компенсации, поскольку он подпадает под принцип добросовестного использования. Такого рода использование разрешено, поскольку оно осуществляется в целях общественного прогресса и не направлено на конкуренцию с правообладателем. Необоснованный отказ в предоставлении в данном случае лицензии по существу представляет собой злоупотребление доминирующим положением на соответствующем рынке.

В определенных случаях неправомерное, недобросовестное использование пытаются обосновать доктриной fair use. Так, разработчиками ИИ Suno и Udio было признано, что они обучали ИИ с помощью материалов, защищенных авторским

правом[198]. В своей защите эти компании опирались на доктрину добросовестного использования (fair use), однако Американская ассоциация звукозаписывающих компаний отвергла их аргументы и предъявила обвинения в нарушении авторских прав в крупномасштабном объеме, что не является «добросовестным использованием».

Принятие Советом Европейским Союзом 21 мая 2024 г. Регламента об ИИ затронуло и сферу интеллектуальной собственности[199]. Регламентом об ИИ не признается «добросовестное использование» и указывается на необходимость наличия комплексного надзора за соответствием ИИ-систем требованиям законодательства, соответствия этическим нормам и гарантиям соблюдения норм авторского права при их разработке, внедрении и использовании.

Так, предполагается свободное использование произведений без согласия правообладателя и выплаты вознаграждения, на основе «недобровольных лицензий» («лицензии по закону», принудительного лицензирования), без согласия автора, но с выплатой вознаграждения[200]. Ключевыми исключениями и ограничениями авторского права стали те, которые направлены на реализацию научных, образовательных, информационных, культурных или гуманитарных целей[201].

Система российского гражданского законодательства закрепила и применяет принцип свободного использования произведений[202]. Сущностно основные правила свободного использования, изложенные в абз. 3 п. 5 ст. 1229 ГК РФ, в общем соответствуют положениям п. 2 ст. 9 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, ст. 13 Соглашения о торговых

---

[198] URL: https://www.binance.com/ru/square/post/11620650768794 (дата обращения: 29.01.2025).

[199] AI Act [Электронный ресурс] // URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения: 20.01.2025).

[200] Липцик Д. Авторское право и смежные права / пер. с фр. ; предисл. М. А. Федотова. Ладомир : Издательство ЮНЕСКО, 2002. С. 207.

[201] Бузова Н. В. Ограничения авторского права и смежных прав: проблемы цитирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 23. С. 46–55.

[202] Данный принцип не имеет ничего общего с применяемой в США концепцией свободного использования (free use), которая подразумевает бездоговорное использование произведений, которые либо уже перешли в общественное достояние, либо изначально не охранялись авторским правом.

аспектах прав интеллектуальной собственности[203], ст. 10 Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву[204] и п. 1 ст. 16 Договора ВОИС по исполнениям и фонограммам[205].

Данные нормы образуют положения о трехступенчатом тесте, а расширение их применения в России должно быть специально зафиксировано в законодательстве, в отличие от концепции добросовестного использования в англо-американском праве.

Конституционный Суд РФ, указывая на социальный характер института свободного использования произведений, подчеркнул, что его развитие «свидетельствует о стремлении законодателя уравновесить интересы авторов (и иных правообладателей) с интересами пользователей в соответствии с требованиями Конституции РФ о необходимости обеспечения в том числе возможностей формирования гармонично развитой личности»[206]. А ограничения и исключения необходимы в общественно полезных целях развития образовательной, культурной сфер, возможностей свободного занятия учебной, научной или творческой деятельностью[207].

Ограничения и исключения прав дифференцируются исходя из природы исключительного права на соответствующий объект.

Континентальная правовая система действует на основе трехступенчатого теста, предусмотренного положениями Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, где:

---

[203] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (г. Марракеш, 15 апреля 1994 г.) (с изм. от 6 декабря 2005 г.) // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849.

[204] Договор ВОИС по авторскому праву (вместе с «Согласованными заявлениями в отношении Договора ВОИС по авторскому праву») (подписан 20 декабря 1996 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[205] Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам от 20 декабря 1996 г. (вместе с «Согласованными заявлениями в отношении Договора ВОИС по авторскому праву») (подписан 20 декабря 1996 г.) [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности : официальный сайт. URL: http://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=295578 (дата обращения: 28.11.2025).

[206] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2015 г. № 1539-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверки конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ “О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[207] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2015 г. № 1539-О.

1) исчерпывающий перечень ограничений и исключений должен быть предусмотрен в законе;

2) их введение не наносит ущерба нормальному использованию произведения; и

3) не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора.

В результате указанный тест предполагает добросовестное использования произведения, охраняемого авторским правом.

Основания свободного использования применимы только к произведениям, обнародованным правомерно, т.е. с согласия автора. Обнародование может быть осуществлено путем опубликования, публичного показа, публичного исполнения, передачи в эфир или по кабелю либо иным образом.

В российском праве ограничения и исключения, упомянутые в законодательстве и в доктрине (как российских, так и иностранных), делятся на два типа: 1) с выплатой вознаграждения либо 2) без таковой (п. 5 ст. 1229 ГК РФ). В ГК РФ предусмотрены случаи свободного использования произведения в личных целях, библиотечных, архивных, образовательных, правоохранительных, религиозных, социальных и иных общественно значимых целях.

Применение принципа добросовестности, с ориентацией на нормы об ограничениях и исключениях актуально в отношении защиты лиц с ослабленным зрением в соответствии с Марракешским договором об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям. Россия присоединилась к нему 8 февраля 2018 г.[208]

Или применение принципа добросовестности возможно в случае необоснованного отказа в предоставлении лицензии лицу, неконкурирующему с правообладателем, что реализуется в правоприменительной практике США в рамках доктрины fair use. Принцип добросовестности на практике способствует

[208] Марракешский договор об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям от 27 июня 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.wipo.int/treaties/ru/ip/marrakesh/ (дата обращения: 28.11.2025).

нахождению баланса между частными и публичными интересами, интересами правообладателей и общества в целом.

В России возможности свободного использование произведений зависят от различных сфер, методов, целей использования, вида произведений, (обнародованных или нет). Например, возможность использования произведений только для личных целей предусмотрена лишь в отношении правомерно обнародованных произведений и только для физических лиц (ст. 1273 ГК РФ). В статье 1274 ГК РФ расширен круг пользователей, но ограничены пределы использования, так, целями использования выступают информационные, научные, культурные и образовательные. Кроме того, детализированы случаи использования произведений, его способы (цитирование в научных изданиях, публичное живое исполнение и т.п.), введены обязательные стандарты использования (ссылки на авторов и источники заимствования, цитирование в объеме, оправданном целью).

Добросовестность использования определяется судом по оценке того насколько новое произведение в конкуренции со старым, влияет на продажу и распространение последнего[209]. Н. В. Щербак указывает, что «по объему цитата должна быть меньше основного текста, не сливаться с основным текстом, не являться основой для содержания произведения»[210].

ГК РФ не содержит прямых норм об определении, оформлении, конкретизации цитирования. Верховный Суд РФ определил, что цитатой является точная дословная выдержка из какого-нибудь текста, высказывания, а цитируемый (вставленный) текст должен однозначно идентифицироваться как вставленный (то есть как часть другого текста)[211].

На практике цитирование не отнесли к произведениям, выраженным в графической форме: перечень ограничений, подпадающих под пп. 1 п. 1 ст. 1274

---

[209] Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений / комментарий К. Мазуйе ; перевод с англ. С. П. Гришаева и Г. А. Матвеева // Международные конвенции об авторском праве : комментарий / под ред. Э. П. Гаврилова. М. : Прогресс, 1982. С. 77.

[210] Щербак Н. В. Пределы авторского права и смежных прав // Законодательство. 2011. № 8. С. 21–29.

[211] Определение Верховного Суда РФ от 27 ноября 2018 г. № 80-КГ18-12 // СПС «КонсультантПлюс».

ГК РФ, исчерпывающий и использование фотографий в статьях фактически является иллюстрациями[212].

А вот Верховный Суд РФ признал правомерным распространение на фотографии, как на цитируемое произведение, условий использования их без согласия автора и выплаты вознаграждения, предусмотренных пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ[213]; аналогичная позиция по вопросу цитирования фотографий содержится в п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.).

Использование аудиовизуальных произведений тоже не в каждом случае является цитированием. Таким образом, даже если законодатель допускает случаи свободного использования, они все равно имеют свои ограничения, как, например, цитирование. И добросовестность можно оценивать исходя из критериев, предъявляемых к цитированию.

В науке обсуждаются новые формы выражения произведения литературы, музыки и изобразительного искусства, к которым относят мультимедийность, сэмплирование, использование мэшапов и т.д.[214]

Эти новые формы влекут и новые способы недобросовестного использования. Так, недобросовестным будет использование части музыкального произведения, созданного ранее и, как правило, уже известного и популярного, в новом произведении или в ремиксе какого-либо произведения (сэмплирование).

Теперь возникает вопрос в отношении кратковременного и случайного использования рассматриваемых объектов, в частности, когда такой результат интеллектуальной деятельности использован в аудиовизуальном произведении в отсутствие разрешения на то автора[215]. В данном случае важно учесть характер использования, т.е. его случайность и кратковременность, не позволяющие извлечь имущественную выгоду. В качестве исходной позиции здесь может выступать пп. 1

[212] Постановление СИП от 25 апреля 2016 г. по делу № А40-142309/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
[213] Определение Верховного Суда РФ от 28 августа 2017 г. № 218-ПЭК // СПС «КонсультантПлюс».
[214] Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / Д. Р. Алимова, С. А. Афанасьева, Л. Т. Бакулина [и др.] ; под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2022.
[215] Постановление СИП от 15 июля 2016 г. по делу № А40-137964/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

п. 2 ст. 1270 ГК РФ, однако в числе критериев, предусмотренных данной нормой, указаны те, которые касаются краткосрочной записи произведения в памяти ЭВМ или на ином цифровом носителе, имеющей временный, случайный характер и представляющей собой неотъемлемую часть технологического процесса, имеющего своей целью лишь правомерное использование произведения. Нормы общего характера, содержащей положения о случайном использовании произведений, в ГК РФ не предусмотрено.

Российская судебная практика тем не менее применяет критерий «случайного использования интеллектуальной собственности»[216]. Так, в некоторых случаях суды приходят к выводу о том, что в процессе создании фильма (аудиовизуального произведения) имеет место свободное использование предметов материального мира как реквизита, если акцент делается не на самом объекте интеллектуальной собственности, а на его художественном оформлении.

Данный подход соответствует Директиве Европейского Союза от 22 мая 2001 г. № 2001/29/ЕС о гармонизации определенных аспектов авторского и смежных прав в информационном обществе[217], где было отмечено, что национальные законодательства государств — членов Европейского Союза могут предусматривать определенные исключения и ограничения при осуществлении права на воспроизведение, в числе которых названо и случайное включение произведения в другой материал (пп. «i» п. 3 ст. 5).

Закон об авторском праве и смежных правах Германии закрепляет следующее исключение: § 57 допускает осуществление правомочий воспроизведения, распространения и публичного показа в отношении произведений в случае, когда данные произведения воспринимаются публикой как дополнения, не имеющие существенного характера, вместе с главным объектом такого воспроизведения, распространения и публичного показа[218]. Руководствуясь

---

[216] Постановление СИП от 15 февраля 2017 г. по делу № А40-233779/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[217] Richtlinie 2001/29/EG des Europäischen Parlaments und des Rates vom 22.05.2001 zur Harmonisierung bestimmter Aspekte des Urheberrechts und der verwandten Schutzrechte in der Informationsgesellschaft [Электронный ресурс] // URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=celex:32001L0029 (дата обращения: 28.11.2025).

[218] Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (Urheberrechtsgesetz) vom 09.09.1965, zuletzt geändert am 20.12.2016 [Электронный ресурс] // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/urhg (дата обращения: 28.11.2025).

указанным подходом, Верховный суд Германии дал разъяснения относительно того, когда возможно осуществлять свободное использование произведения[219]. Одним из таких критериев является несущественность, оцениваемая исходя из того, можно ли дополнительное произведение заменить либо исключить вовсе. Еще одним аспектом выступает возможность влияния на среднестатистического человека: важно оценить общее впечатление публики от основного объекта воспроизведения, распространения либо публичного показа. В случае, когда дополнение воспринимается публикой в качестве составного элемента общей концепции, основания применять вышеуказанный критерий отсутствуют. Иными словами, несущественность дополнительного произведения проявляется в том, что с позиции зрителей, слушателей (публики) оно по своему содержанию и форме выражения не предполагает наличия никакой ассоциации с основным предметом использования, т.е. носит случайный, необязательный характер, а значит, такое использование является добросовестным.

Часто возможность свободного использования в России фактически оценивается применительно к конкретной ситуации, группе субъектов и типу объекта прав, что сужает его пределы.

Н. В. Бузова указывает, что чем более личностно-ориентированный характер присущ правоотношениям, тем больше ограничений и исключений он содержит, и чем больше коммерческого контекста в таких правоотношениях, тем меньший объем исключений и ограничений предоставляется. например на средства индивидуализации количество исключений и ограничений минимально [220].

Дифференциация ограничений и исключений зависит от того, к какому из институтов относится данный объект. Возьмем, например, ограничения и исключения в отношении средств индивидуализации. На практике, исходя из норм законодательства, можно размещать чужой товарный знак без согласия

---

[219] BGH, Urteil vom 17.11.2014 (Az. I ZR 177/13) (решение от 17 ноября 2014 г. по делу № I ZR 177/13) [Электронный ресурс] // URL: http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&sid=33d4c87a62504be5939f55505b5a7911&nr=71060&pos=0&anz=1 (дата обращения: 28.11.2025).

[220] Бузова Н. В. Ограничения авторского права и смежных прав: проблемы цитирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 23. С. 46–55.

правообладателя на своем товаре в информационных целях, так как это вытекает из определения термина «товарный знак» (п. 1 ст. 1477 ГК РФ), а также способов его использования (п. 2 ст. 1477 ГК РФ). Если товарный знак используется лишь для информационных целей, это уже не использование, а значит, и нет необходимости в согласии правообладателя. Тем не менее данный подход, сложившийся в правоприменительной практике, не урегулирован законодателем, а ведь любое ограничение и исключение из сферы действия исключительного права (в том числе использование товарного знака в информационных целях) необходимо закреплять в нормах ГК РФ.

В Европейском Союзе разрешение данного вопроса нашло свое отражение в Директиве о сближении права государств — членов Европейского Союза в отношении товарных знаков от 16 декабря 2015 г. № 2015/2436[221]. В соответствии со ст. 14 названного акта предусмотрены ситуации, в которых правообладатели товарного знака утрачивают возможность запрета третьим лицам в отношении использования принадлежащего им исключительного права. Имеется в виду, например, использование в целях индивидуализации либо отсылки к товарам (работам, услугам) правообладателя в случае, когда требуется обозначить целевое назначение товара в качестве одной из комплектующих либо запасных частей, и это не противоречит сложившейся добросовестной практике в соответствующей области промышленной либо торговой деятельности.

Согласно решению Европейского Суда от 17 марта 2005 г. по делу № C-228/03 признано необходимым и в полной мере отвечающим сложившейся добросовестной практике использование принадлежащего другому лицу товарного знака, представляющее собой практически единственно возможный способ доведения до сведения публики понятной и полной информации, касающейся назначения реализуемого данным субъектом товара, для поддержания добросовестной конкуренции в отношении последнего. Вместе с тем такого рода

[221] Richtlinie 2015/2436 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 16.12.2015 zur Angleichung der Rechtsvorschriften der Mitgliedstaaten über die Marken [Электронный ресурс] // URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX%3A32015L2436 (дата обращения: 28.11.2025).

использование не должно сопровождаться ущемлением прав и охраняемых законом интересов правообладателя необоснованным образом. Так, в частности, является недобросовестным использование таким образом, что при этом возникает впечатление относительно существования деловых отношений между правообладателем и третьим лицом, либо третье лицо выдает собственные товары за товары другого правообладателя.

В США выделяют два вида использования товарного знака, не требующего согласия правообладателя:

1) «классическое добросовестное использование», когда описательное обозначение, географическое указание, указание личного имени используется не «как товарный знак», а только для описания товаров или услуг, или их географического происхождения, или для наименования лица, ведущего бизнес;

2) «номинативное» использование, когда использование товарного знака другого лица происходит для идентификации товаров или услуг правообладателя товарного знака.

Международная ассоциация по охране интеллектуальной собственности в 2020 г. приняла резолюцию в отношении описательного использования товарного знака, где указала, что такое использование должно соответствовать принципам честного поведения и (или) добросовестности либо аналогичным принципам[222]. При этом были названы обстоятельства, при которых использование товарного знака не может считаться честным и (или) добросовестным:

— третьим лицом в результате использования необоснованно извлекается преимущество за счет различительной способности или репутации товарного знака;

— использование создает впечатление, что существует коммерческая связь с правообладателем;

— товар или услуга представлены как имитация или копия товара либо услуги с товарным знаком правообладателя;

[222] Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам использования товарного знака для целей, не связанных с индивидуализацией товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей.

— использование дискредитирует или порочит товарный знак либо наносит ущерб его репутации.

В России СИП также выразил свои позиции по отношению к оценке правомерности использования обозначения, зарегистрированного в качестве товарного знака. Выделим те, которые связаны с темой настоящего исследования:

— не является использованием товарного знака для целей индивидуализации товаров его указание в информационных целях (информирование о расположении в торговом центре магазинов, так как не происходит смешения товаров[223]);

— допускается использование товарного знака для предложения к продаже товаров, вводимых в оборот самим правообладателем или третьими лицами с его согласия (введение в гражданский оборот на законных основаниях с согласия правообладателя этих товарных знаков его официальным дилером)[224];

— показ товарного знака в художественном фильме не в целях[225], если при этом не создается риск смешения; само по себе упоминание общеизвестных товарных знаков, продемонстрированных в художественном фильме, не является его использованием по смыслу ст. 1484 ГК РФ.

§ 3. Добросовестность действий участников правоотношений в сфере права интеллектуальной собственности при приобретении и использовании исключительного права на товарные знаки

Недобросовестными бывают действия, связанные с требованиями о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака по причине его неиспользования непрерывно в течение трех лет (далее — досрочное прекращение). Заинтересованное лицо направляет правообладателю предложение обратиться в Роспатент с заявлением, информирующим об отказе от права на товарный знак, либо о возможности заключения договора об отчуждении

[223] Постановление СИП от 30 сентября 2019 г. по делу № А40-266746/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
[224] Постановление СИП от 12 января 2018 г. по делу № А35-8325/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
[225] Постановление СИП от 10 февраля 2020 г. по делу № А40-64050/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

исключительного права на товарный знак в отношении всех товаров или их части (ст. 1486 ГК РФ).

В судебной практике акцентируется внимание на отсутствии в российском законодательстве понятия «лицо, заинтересованное в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака»[226].

Роспатент установил общие критерии заинтересованности такого лица: необходимость быть субъектами прав на товарный знак[227]. При этом факты подачи заявления и уплаты соответствующей пошлины обязательны для любого лица и не доказывают заинтересованность заявителя. Так, ООО «Мосмедпрепараты» обратилось с иском к обществу ООО «Фармтрансфер», не представив доказательств фактического осуществления деятельности в сфере разработки, производства и ввода в гражданский оборот веществ, лекарственных средств, биологически активных добавок и т.п., в том числе с использованием обозначений данной коммерческой линии под наименованиями «Нефронекс», «Уринекс», «Цистинекс», «Проктотинекс», «Простатинекс», «Уритинекс» и т.д., либо подготовки к такой деятельности.

Большую значимость играет реальность намерения производителя (исполнителя) товаров (услуг) использовать обозначение в своей коммерческой деятельности, при ее отсутствии суды отказывают заявителю, ведь данное обстоятельство является самостоятельным основанием для отказа[228].

Использованием товарного знака (п. 2 ст. 1486 ГК РФ) будет использование и на основании лицензионного договора (ст. 1489 ГК РФ) или под контролем правообладателя (п. 2 ст. 1484 ГК РФ). Правообладатель вправе выдать новую лицензию любому лицу или полностью передать права в любой срок, даже если подано заявление заинтересованного лица и это не будет злоупотреблением правом.

---

[226] Решение СИП от 8 июня 2017 г. по делу № СИП-686/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[227] Сайфутдинова В. М. Досрочное прекращение правовой охраны товарного знака: практика действий сторон / В. М. Сайфутдинова // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2023. – № 6. – С. 16-17.

[228] П. 42 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав Верховного Суда РФ от 23 сентября 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Так, общество «РЕННА-ХОЛДИНГ» является правообладателем серии товарных знаков «КОРОВКА ИЗ КОРЕНОВКИ», «Korovka iz Korenovki». Данное общество обратилось в суд[229] как заинтересованное лицо с требованием досрочного прекращения правовой охраны товарных знаков общества «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ», которое, в свою очередь, является обладателем серии товарных знаков под общим названием «КОРОВКА». Истец обратил внимание суда на то, что во вступивших в законную силу решениях СИП от 31 января 2017 г. и от 24 января 2017 г. по делам № СИП-676/2016 и № СИП-677/2016 соответственно суды единогласно пришли к выводу о сходстве до степени смешения товарных знаков ответчика и истца.

«РЕННА-ХОЛДИНГ» доказывало использованием им в предпринимательской деятельности собственных товарных знаков. Однако не было доказательств о направленности коммерческого интереса истца в последующем использовании им в гражданском обороте обозначений, тождественных либо сходных до степени смешения со спорными товарными знаками ответчика в отношении однородных товаров, за исключением собственных товарных знаков.

«РЕННА-ХОЛДИНГ» указало, что предъявление иска является способом защиты исключительных прав на собственные товарные знаки. Ведь обществом «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ» 19 декабря 2016 г. было подано в Роспатент возражение против предоставления правовой охраны товарном знаку «РЕННА-ХОЛДИНГ» в отношении товаров 30-го класса МКТУ (несоответствие п. 6 ст. 1483 ГК РФ).

СИП установил, что обществом «РЕННА-ХОЛДИНГ» не доказана требуемая заинтересованность, оснований для удовлетворения исковых требований нет. Между тем обществом «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ» подтверждается факт использования товарных знаков и доказано, что это широко известные товарные знаки. Впервые общество «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ» ввело в гражданский оборот кондитерские изделия, маркированные словесным обозначением «КОРОВКА» и

[229] Решение СИП от 13 июля 2017 г. по делу № СИП-98/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

изображением «коровки», в 1948 г., непрерывно и постоянно использовало их. Кроме того, «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ» обладает правами на словесные товарные знаки «Коровка» и комбинированные (изображение «коровки» и словесное обозначение «Коровка») в отношении однородных или идентичных товаров по международным регистрациям, а также национальным регистрациям (США, Израиль, Республика Узбекистан, Республика Абхазия).

СИП сделал вывод о предъявлении иска с целью прекращения правовой охраны широко известного у потребителей словесного товарного знака «КОРОВКА», право на который возникло у ответчика еще в 1948 г. Действия истца показывают намерения «паразитирования» на широко известном товарном знаке, значит, законный интерес истца в досрочном прекращении правовой охраны товарных знаков общества «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ» не соответствует требованиям ст. 4, 10, 1486 ГК РФ[230].

Э. П. Гаврилов отметил, что «на практике «заинтересованное лицо» на дату подачи заявления в суд о прекращении действия регистрации товарного знака во всех случаях уже подало заявку на регистрацию товарного знака на свое имя»[231]. При этом рассмотрение заявки недобросовестный заявитель откладывает по надуманным основаниям. Дождавшись отказа прежнего правообладателя от своего права, заинтересованное лицо получает право на товарный знак[232].

Справедливо мнение, что институт досрочного прекращения правовой охраны товарного знака близок к злоупотреблению субъективным правом[233].

На практике правообладатель подает новую заявку в Роспатент для регистрации тождественного обозначения в отношении тех же товаров и услуг. И, если первоначальный товарный знак досрочно прекращает свою правовую охрану, то появляется зарегистрированный второй аналогичный товарный знак.

---

[230] Решение СИП от 13 июля 2017 г. по делу № СИП-98/2017.

[231] Гаврилов Э. П. Изменения, внесенные в ГК РФ Федеральным законом от 1 июля 2017 года № 147-ФЗ // Хозяйство и право. 2018. № 2. С. 26.

[232] Кириллов Н. Г., Кириллов Н. Н. Современные способы защиты товарных знаков: системный подход // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 3. С. 37–47.

[233] Буклова А. В. Особенности рассмотрения судом по интеллектуальным правам дел о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 632.

И. П. Оленичев предложил установить запрет на регистрацию в качестве товарного знака обозначения, тождественного либо сходного до степени смешения с товарным знаком, правовая охрана которого прекращена досрочно, на имя того же лица по заявкам, имеющим дату подачи со дня установленной решением суда даты направления предложения заинтересованного лица до истечения одного года с момента вступления в силу решения суда о досрочном прекращении охраны товарного знака[234].

Таким образом, злоупотреблением можно считать ситуацию, когда неиспользование связано с тем, что правообладатель пытается взыскать компенсацию за товарный знак. Хотя следует учитывать, что неиспользование возможно по разным причинам, в том числе и уважительным, а потому в таких случаях оно не будет являться злоупотреблением.

Обращают внимание и на реальность использования спорных товарных знаков и подготовительных действий заинтересованного лица: цель обращения в суд и дальнейшего использования товарного знака. Так, в п. 6 Обзора судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков приводится пример злоупотребления правом, когда общество неоднократно регистрировало сходные товарные знаки, правовая охрана каждого из которых прекращалась на основании п. 1 ст. 1486 ГК РФ в связи с неиспользованием, но всегда до истечения трехлетнего срока существования предыдущего товарного знака общество регистрировало сходный товарный знак.

В одном деле предприниматель обратился в Роспатент против регистрации иностранной компании словесного товарного знака «TOP GEAR»[235], так как данный товарный знак является сходным до степени смешения с принадлежащим ему товарным знаком, включающим в себя словесный элемент «TOP GEAR».

---

[234] Оленичев И. П. Пресечение недобросовестных действий правообладателя при досрочном прекращении правовой охраны его товарного знака // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика : сборник статей X Международной научно-практической конференции, Пенза, 17–18 ноября 2022 года / под науч. ред. Н. Б. Барановой, А. В. Яшина, А. А. Грачева. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2022. С. 325–328.

[235] П. 8 Обзора судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков.

Роспатент удовлетворил возражения предпринимателя. Но иностранная компания оспорила это решение, так как ее товарный знак широко известен и ассоциируется у потребителей именно с ней. Предприниматель же приобрел исключительное право на данный товарный знак у другого лица, никогда его не использовал и не имел намерения использовать, не доказал цель приобретения для использования в собственной коммерческой деятельности и осуществления подготовки к такому использованию. А в затем и совсем самостоятельно прекратил правовую охрану своего товарного знака в связи с неиспользованием. Суд пришел к выводу, что предприниматель стремился к созданию препятствия для добросовестного использования иностранной компанией своего товарного знака, причинению вреда и лишению ее права на принадлежащее ей средство индивидуализации, а значит, злоупотребил правом.

По нашему мнению, в законодательство необходимо ввести понятие «лица, заинтересованные в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования». Такими лицами следует считать тех, кто является добросовестным производителем однородных товаров (услуг), имеет законный интерес, реальное намерение добросовестно использовать спорный товарный знак, осуществляет необходимые реальные подготовительные действия к такому добросовестному использованию. Законный интерес не должен иметь в своей основе злоупотребление правом и недобросовестность действий.

Действия по приобретению и использованию товарных знаков и в целом средств индивидуализации могут быть признаны недобросовестной конкуренцией[236].

П. 2 и 3 ст. 10bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности[237] актом недобросовестной конкуренции признает всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах, поэтому подлежат запрету все действия, способные каким бы то ни было

---

[236] Айрапетов, Н. А. Принцип добросовестности при осуществлении и защите интеллектуальных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 12-13.

[237] Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. Официальный русский текст. Публикация № 201 (R). Женева : ВОИС, 1990.

способом вызвать смешение в отношении предприятия, продуктов или промышленной или торговой деятельности конкурента.

Статья 10 ГК РФ не допускает использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

В РФ недобросовестной конкуренцией считаются любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц)[238], направленные на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, которые входят в противоречие с законодательством РФ, обычаями делового оборота, требованиями добропорядочности, разумности и справедливости, причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо вред их деловой репутации.

В ситуациях, когда нарушение исключительного права на средство индивидуализации признано недобросовестной конкуренцией, защитить нарушенное исключительное право возможно и с помощью способов, предусмотренных нормами законодательства о защите конкуренции. Возможность их применения предусмотрена нормой п. 7 ст. 1252 ГК РФ.

Касательно рассматриваемых правоотношений возникает дискуссионный вопрос о соотношении конкурентного права и охраны интеллектуальной собственности, где следует присоединиться к мнению Д. А. Гаврилова: «взаимосвязь институтов защиты от недобросовестной конкуренции с институтом правовой охраны средств индивидуализации в той или иной мере можно считать признанной в науке»[239].

Часть 1 ст. 14.4 Федерального закона «О защите конкуренции» указывает на запрет недобросовестной конкуренции, связанной с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации

---

[238] Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

[239] Гаврилов Д. А. Правовая защита от недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав на средства индивидуализации и иные объекты промышленной собственности : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2014. С. 36.

юридического лица, средства индивидуализации товаров, работ или услуг. Статья 14.5 названного Закона не допускает недобросовестную конкуренцию путем совершения хозяйствующим субъектом действий по продаже, обмену или иному введению в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности, за исключением средств индивидуализации, принадлежащих хозяйствующему субъекту-конкуренту.

Недобросовестная конкуренция — это форма злоупотребления правом. Например, при организации и проведении международных спортивных мероприятий отдельной проблемой всегда является защита спортивной символики, поскольку довольно часто нарушаются имущественные права международных спортивных федераций и такая символика используется в интересах неуправомоченных субъектов.

Так, в процессе организации и проведения на территории России Кубка конфедераций FIFA 2017 г., Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г. в целях обеспечения защиты имущественных прав FIFA (использование бренда FIFA)[240] применялись нормы правительственной гарантии от 14 апреля 2010 г. № 6 «Защита и реализация имущественных прав».

Были установлены специальные требования для защиты имущественных прав FIFA от недобросовестной конкуренции, в том числе особый порядок реализации билетов и продвижения товаров и услуг с использованием спортивной символики или ассоциативных связей с мероприятиями FIFA[241]. Однако правонарушения все равно происходили: по итогам Чемпионата было возбуждено более 80 дел, связанных с недобросовестной конкуренцией ввиду незаконного использования символики FIFA.

На наш взгляд, действия недобросовестных конкурентов по введению в гражданский оборот товаров с незаконным использованием результатов

---

[240] Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2018 год [Электронный ресурс] // URL: https://fas.gov.ru/documents/685806 (дата обращения: 28.11.2025).

[241] Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 23. Ст. 2866.

интеллектуальной деятельности или приравненных к ним средств индивидуализации субъекта-конкурента являются противоправными действиями, а не злоупотреблением правом.

Сходство между результатом интеллектуальной деятельности (средством индивидуализации), в отношении которого сторона обладала правами, и объектами, используемыми второй стороной при совершении действий, доказывает наличие недобросовестной конкуренции.

Подпункт 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ дает возможность признать недействительной правовую охрану товарного знака полностью или частично в течение всего срока действия правовой охраны, если действия правообладателя, связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку или сходному с ним до степени смешения другому товарному знаку, признаны в установленном порядке злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией». Нарушения в сфере правовой охраны товарных знаков — одни из самых массовых.

Выше были представлены законодательные нормы, регулирующие вопросы, связанные с недобросовестной конкуренцией в сфере интеллектуальной собственности, а их конкретизация в материалах судебной практики позволяет оценить недобросовестное поведение более объективно. Это осуществление функций принципа добросовестности. Например, следует отметить Справку по вопросам недобросовестного поведения, подготовленную СИП[242], которая опирается на вышеназванные Парижскую конвенцию и ст. 10 ГК РФ. Проанализируем ключевые моменты данной Справки и проиллюстрируем ее действие на конкретных судебных делах.

В качестве общего правила выступает пункт, указывающий, что нечестность поведения лица при приобретении исключительного права на товарный знак оценивается с учетом субъективных критериев такого поведения, с учетом обстоятельств конкретного дела в их совокупности.

---

[242] Справка по вопросам недобросовестного поведения, в том числе конкуренции, по приобретению и использованию средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 21 марта 2014 г. № СП-21/2 // СПС «КонсультантПлюс».

Свидетельством недобросовестного поведения лица, зарегистрировавшего товарный знак, может быть то, что это лицо знало или должно было знать, что третьи лица (третье лицо) на момент подачи заявки на регистрацию законно использовали соответствующее обозначение для индивидуализации производимых ими товаров или оказываемых услуг без регистрации в качестве товарного знака и факт известности обозначения среди потребителей. Таким образом, выделяются два важных момента в оценке недобросовестности: реальное или вменяемое знание и факт известности средства индивидуализации, но и они будут недостаточными, поскольку требуется установить намерение лица воспользоваться чужой репутацией и узнаваемостью соответствующего обозначения.

Например, действия предпринимателя по приобретению исключительного права на товарный знак «ПЛАНЕТА» суд признал злоупотреблением правом, что явилось основанием для отказа в иске[243], так как истцом (иным лицом под его контролем) деятельность по его использованию не осуществлялась, спорный товарный знак не ассоциировался у потребителей с истцом. Был выявлен факт регистрации истцом прав на большое количество товарных знаков, а также факт участия истцом в нескольких сотнях судебных дел, связанных с защитой прав на товарные знаки. Таким образом, умысел данного лица был направлен на получение компенсации, это заведомо недобросовестное осуществление прав, единственной целью его действий было причинение вреда другому лицу. То есть признаком злоупотребления правом или недобросовестной конкуренции является предшествовавшее использование спорного обозначения.

В этом смысле перечень критериев недобросовестной конкуренции в плане регистрации можно дополнить материалами дела, рассмотренного в Президиуме СИП[244]. Истец (ООО «Софт Артель») под актом недобросовестной конкуренции ответчика (ООО «Клаудпэйментс») подразумевал следующие его действия: 1) по

[243] Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков.

[244] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам РФ от 30 сентября 2022 г. № С01-1490/2022 по делу № СИП-1370/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

приобретению и администрированию доменного имени www.2tips.ru; 2) по подаче заявки на регистрацию обозначения в качестве товарного знака.

В данном деле Президиум СИП сделал важную оговорку о том, что состав приобретения и использования товарного знака предполагает завершившийся процесс приобретения (без которого невозможно последующее использование) и длящееся использование. Вместе с тем сам состав приобретения исключительного права на товарный знак в целом является длящимся: подача заявки заканчивается, либо когда административный орган завершит ее рассмотрение без предоставления правовой охраны товарному знаку, либо в случае получения правовой охраны — когда по тем или иным причинам лицо перестанет быть правообладателем.

Квалифицировать действия правообладателя по приобретению исключительного права на товарный знак путем его государственной регистрации как акта недобросовестной конкуренции зависит от цели, преследуемой лицом при приобретении такого права, его намерений на момент подачи соответствующей заявки. Умысел может быть заметен как на стадии рассмотрения заявки, так и может проявиться спустя некоторое время после получения исключительного права.

В Справке СИП акцентируется внимание на таком критерии недобросовестного поведения как последующее, пострегистрационное поведение правообладателя, ранее использовавшего товарный знак наравне с иными лицами. Например, это действиях по вытеснению конкурентов с рынка путем предъявления в суд требований о пресечении использования спорного обозначения.

Таким образом, данная Справка в достаточном объеме конкретизирует недобросовестность субъектов гражданских правоотношений при регистрации товарного знака. При этом ключевым критерием является оценка недобросовестного поведения субъекта не только в момент совершения конкретных действий, но и предшествующего, а также последующего поведения, связанного с использованием и регистрацией товарного знака. Мы также считаем, что в плане недобросовестности необходимо говорить не только о регистрации товарного знака, но и о его защите от недобросовестных конкурентов до

регистрации и в течение всего периода правовой охраны, а также оценивать последующие действия сторон. Соответственно, добросовестность не только включает в себя определенные составляющие, но и должна соблюдаться в «хронологическом порядке» — на всех стадиях взаимоотношений контрагентов.

Судебная практика развивает данные положения о недобросовестности, уточняя, что судебными актами, принятыми СИП[245], можно признать действия правообладателя по приобретению и использованию исключительного права на товарный знак актом недобросовестной конкуренции.

И в материалах этой практики еще раз подчеркивается, что критериями добросовестности являются: спорное обозначение использовалось иными лицами до даты подачи ответчиком — правообладателем соответствующего товарного знака — заявки на регистрацию; ответчику был известен факт использования данного обозначения иными лицами до даты подачи им заявки на регистрацию его в качестве товарного знака; наличие на момент подачи ответчиком заявки на регистрацию товарного знака конкурентных отношений между ответчиком и истцом; намерение ответчика причинить вред истцу или вытеснить его с товарного рынка путем предъявления требований, направленных на пресечение использования спорного обозначения, чтобы получить какие-либо необоснованные преимущества, используя обозначения, ставшие известные потребителю ранее в связи с деятельностью истца; причинение либо вероятность причинения истцу вреда. Так, истец (ИП Джордано Доминико[246]), правообладатель товарных знаков по 29-му классу МКТУ «Сыр», в судебном споре с ответчиками (ООО «Сыроварня Дольчелатте» и ИП Е. Г. Шаршукова) не смог представить доказательств использования своих товарных знаков, тогда как ответчики это сделали, и в том числе доказали свою известность потребителям. В данном деле СИП указал, что истец «имитировал нарушение права», регистрация своих товарных знаков была

[245] Информационная справка, подготовленная по результатам анализа и обобщения судебной практики Суда по интеллектуальным правам в качестве Суда первой и кассационной инстанций с учетом практики Верховного Суда Российской Федерации по вопросам, возникающим при применении положений пунктов 1 и 3 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации.

[246] Постановление СИП от 19 мая 2021 г. С01-451/2021 по делу № А41-105281/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

произведена им лишь с целью запрета третьим лицам использовать соответствующее обозначение, умысел истца был направлен на заведомо недобросовестное осуществление прав, добросовестные цели отсутствовали, а единственной целью было причинение вреда другому лицу. Таким образом, здесь имеет место и злоупотребление правом, и недобросовестная конкуренция.

СИП также всегда подчеркивает[247], что устанавливать необходимо всю совокупность вышеназванных обстоятельств, так как недоказанность хотя бы одного из элементов указанного состава не позволяет подтвердить акт недобросовестной конкуренции.

Таким образом, установление намерений, цели правообладателя (осознанность, умысел) имеет важнейшее значение для признания действий нарушителя актом недобросовестной конкуренции[248]. Это позволяет получить сведения о масштабах и возможности влияния нарушения на конкуренцию в целом. Отсутствие конкурентов или монопольное положение нарушителя делает такие действия бессмысленными.

Аналогичную позицию еще ранее обосновал Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 17.02.2011 г. № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»[249]: «Для квалификации конкретных совершенных лицом действий по части 2 статьи 14.33 КоАП РФ следует исходить из цели таких действий. В частности, о том, что соответствующие действия являются актом недобросовестной конкуренции, может свидетельствовать их направленность на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, объем реализуемой продукции» (абз. 3 п. 17).

Нужно сказать, что международное законодательство устанавливает классификацию в зависимости от классов товаров и услуг. Данную

---

[247] Судебные дела № СИП-131/2017, СИП-501/2017, СИП-522/2017, СИП-754/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[248] Решение СИП от 26 января 2015 г. по делу № СИП-626/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

[249] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.02.2011 № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

дифференциацию закрепляет Ниццкое соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ)[250], определяющее, что использование одного и того же обозначения, сходного до степени смешения, но в разных областях деятельности не нарушает прав использующих их лиц.

Возвращаясь к нормам об учете всей совокупности обстоятельств, необходимо отметить позицию и Верховного Суда РФ в постановлении Пленума от 21 января 2016 г.[251]: ГК РФ, как и нормами международных договоров, не называется какой-то один критерий в качестве основного при установлении факта использования товарного знака и не предусматривается исчерпывающего перечня таких критериев (как мы видим, это представлено больше в судебной практике, что позволяет упорядочить так называемое судейское усмотрение). Верховный Суд РФ также рекомендует учитывать совокупность критериев, каждый из которых в зависимости от фактических обстоятельств конкретного правоотношения будет иметь разное значение. Так, под критерием однородности товаров (п. 6 ст. 1483 ГК РФ) подразумевается вероятность возникновения у потребителя представления о том, что различные товары или услуги принадлежат одному предпринимателю, и однородность оценивается по целому ряду показателей (роду, устройству, назначению товаров, условиям сбыта, кругу потребителей и т. д.)[252].

Ключевым критерием является сходство до степени смешения, возникающее между двумя средствами индивидуализации товаров или услуг различных производителей при такой его степени, когда потребители путают эти товары или услуги между собой либо считают их элементами одной линии торговых марок. Например, Федеральной антимонопольной службой по п. 2 ст. 14.6 Федерального

---

[250] Ниццкое соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков от 15 июня 1957 г. (с изм. от 28.09.1979) [Электронный ресурс] // URL: https://rupto.ru/ru/documents/nicckoe-soglashenie-o-mktu (дата обращения: 28.11.2025).

[251] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // СПС «КонсультантПлюс».

[252] П. 3.1 Методических рекомендаций по определению однородности товаров и услуг при экспертизе заявок на государственную регистрацию товарных знаков и знаков обслуживания, утв. приказом Роспатента от 31 декабря 2009 г. № 198 ; Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство, утв. приказом Роспатента от 31 декабря 2009 г. № 197 // СПС «КонсультантПлюс».

закона «О защите конкуренции» было возбуждено дело против ООО «Симбат»[253] по вопросу плагиата «Букваря» Надежды Жуковой, одной из самых продаваемых учебных книг: совокупный тираж «Букваря» в 2022 г. составил 201 400 экземпляров, что вплотную подходит к общему тиражу книг одной из самых издаваемых детских писательниц Агнии Барто (294 тыс. экземпляров в том же году). На рынке данных услуг имеются две серии разных издательств: Надежды Жуковой и Марии Жуковой. Такие действия являются недобросовестными.

Запрещается недобросовестная конкуренция, связанная с созданием продукции, похожей на оригинал до степени смешения; под этим подразумеваются копирование или имитация внешнего вида товара, упаковки, наименования, цветовой гаммы и фирменного стиля в целом. Для подтверждения сходства букварей и логопедических пособий двух серий провели социологический опрос, участие в котором приняли полторы тысячи совершеннолетних потребителей книг. По общему впечатлению сходство двух книг отметили 77% респондентов; 60% сочли, что обложка нарушителя копирует фирменный стиль обложки «Букваря» от «Эксмо».

Основные направления для установления наличия сходства до степени смешения приведены также в материалах судебной практики; суды должны анализировать четыре группы критериев: 1) различительную способность (силу) обозначения правообладателя; 2) сходство обозначения истца и ответчика до степени смешения; 3) однородность товаров, в отношении которых зарегистрированы конкурирующие товарные знаки; 4) более ранний приоритет[254].

Одно обозначение считается сходным до степени смешения с другим[255], если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия, когда создается целостное впечатление в сознании потребителя. Мнение же

---

[253] Издательство «Эксмо» пожаловалось на кражу «Букваря» [Электронный ресурс] // Российская газета. 19.09.2023. URL: https://rg.ru/2023/09/19/izdatelstvo-eksmo-pozhalovalos-na-krazhu-bukvaria.html (дата обращения: 28.11.2025).

[254] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.07.2006 № 2979/06 // СПС «КонсультантПлюс».

[255] Методические рекомендации по определению однородности товаров и услуг при экспертизе заявок на государственную регистрацию товарных знаков и знаков обслуживания ; Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство.

потребителей можно узнать только посредством опросов, проводимых специалистами. Отметим, что такие критерии не применяются в иных видах гражданских правоотношений, что отражает специфику интеллектуальной собственности.

Таким образом, казалось бы, на законодательном уровне осуществлена полная регламентация по пресечению действий недобросовестных конкурентов. Однако на практике, как указано выше, таких действий становится больше, и, как следствие, увеличивается количество правообладателей товарных знаков, обращающихся за защитой как в суды, так и в антимонопольные органы.

Еще раз акцентируем внимание на том, что в отношении товарных знаков существует достаточное количество примеров недобросовестной регистрации, влияющей на конкурентные отношения. К их числу относятся случаи регистрации с целью паразитирования на репутации популярного бренда, регистрации обозначения, широко используемого, но ранее не зарегистрированного конкурентами, аккумулирования товарных знаков для последующего предъявления исков о нарушении исключительных прав с целью взыскания компенсации и др. Таким образом, на практике возникает проблема оценивания регистрации как злоупотребления правом или недобросовестной конкуренции. Чаще всего истцы предъявляют и то, и другое требование, но не всегда суды принимают их оба.

Между тем анализ пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ приводит некоторых исследователей к выводу о том, что в данном случае возникают два самостоятельных нарушения, возможных на этапе регистрации товарного знака, — недобросовестная конкуренция и злоупотребление правом, хотя на практике данные понятия часто смешивают[256]. Л. А. Новоселова отмечает, что установить соотношение этих понятий достаточно сложно[257].

---

[256] Ворожевич А. С., Козлова Н. В. Недобросовестная конкуренция или злоупотребление правом при регистрации товарного знака: проблемы квалификации и способы защиты // Lex Russica. 2017. № 5 (26). С. 70–82.

[257] Протокол № 1 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 3. С. 4–27.

В научной литературе есть мнения о нецелесообразности применения к действиям по регистрации товарного знака института недобросовестной конкуренции, так как «недобросовестная регистрация товарных знаков далеко не всегда влияет на конкуренцию»[258]. Позволим себе не согласиться с данной позицией: влияние имеется всегда — просто оно может проявляться в большей или меньшей степени.

СИП в обоснование своих решений одновременно указывает и на злоупотребление правом, и на недобросовестную конкуренцию, рекомендуя судам при рассмотрении споров в отношении товарных знаков по собственной инициативе применять п. 1 и 2 ст. 10 ГК РФ (злоупотребление правом) и (или) ст. 10bis (недобросовестная конкуренция) Парижской конвенции по охране промышленной собственности[259].

Федеральный закон «О защите конкуренции» требует установления не только факта недобросовестной регистрации, но и факта недобросовестного использования, хотя для участников правоотношений, использующих обозначение, сам факт регистрации спорного товарного знака уже составляет проблему, ведь они должны совершить действия по прекращению использования этого обозначения без согласия правообладателя.

Соответственно, разрешая споры по регистрации товарного знака, определяя добросовестность / недобросовестность действий лица, осуществляющего регистрацию, устанавливая наличие злоупотребления правом либо недобросовестную конкуренцию, с нашей точки зрения, необходимо учитывать такие критерии, как цель регистрации, умысел лица, его поведение на всех этапах разбирательства, всю совокупность обстоятельств в каждом конкретном деле.

В контексте нашего исследования обратим внимание на Систему внесудебного урегулирования доменных споров ВОИС (1999), принятую Международной корпорацией по распределению адресного пространства сети

---

[258] Ворожевич А. С., Козлова Н. В. Указ. соч. С. 70.

[259] Справка по вопросам недобросовестного поведения, в том числе конкуренции, по приобретению и использованию средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

«Интернет» (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (ICANN))[260]. Она основывается на Единой политике рассмотрения споров о доменных именах (Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy (UDRP)) и Правилах для Единой политики рассмотрения споров о доменных именах.

На практике это механизм разрешения споров в случаях регистрации доменов с заведомо недобросовестными намерениями, когда сформированные под эгидой специальных арбитражных центров комиссии выносят решение по спору владельца товарного знака и обладателя сходного доменного имени. Легитимность данных решений основывается на стандартной оговорке в договоре о регистрации доменного имени о согласии его владельца на подобное рассмотрение[261].

Данные нормативные акты презюмируют, что, подавая заявление на регистрацию доменного имени или заявления на продление или возобновление его регистрации заявитель (администратор домена) показывает, что:

— все, что он указано в договоре о регистрации доменного имени, является полной и достоверной информацией;

— у него нет сведений, что регистрация его доменного имени может нарушить или иным образом ограничить права третьих лиц;

— он не преследует при регистрации незаконную цель;

— доменное имя не будет использовано в нарушение каких-либо законов и правил.

Данная процедура административного рассмотрения не запрещает любой из сторон перенести спор в суд соответствующей юрисдикции для вынесения самостоятельного решения до или после административного процесса; предусматрены и стадии обжалования. Таким образом можно быстро и эффективно разрешать споры о недобросовестной регистрации.

Можно говорить о наличии некоторых элементов этого механизма и в российской системе: к их числу относятся доказывание совокупности элементов,

---

[260] Единая политика разрешения доменных споров (UDRP) // Российская газета. 07.02.2012.

[261] Серго А. Г. UDRP: Процедура рассмотрения доменных споров («Единая Политика Рассмотрения Споров о Доменных Именах» или «Единообразная политика по разрешению споров в связи с доменными именами», утв. ICANN) [Электронный ресурс] // URL: https://internet-law.ru/intlaw/udrp/about.htm (дата обращения: 28.11.2025).

основания для признания недобросовестности. Однако в России отсутствует такая процедура, предусматривающая формирование специальных комиссий с предоставлением им соответствующих полномочий.

Таким образом, в результате анализа, проведенного в данном и предыдущих параграфах, мы приходим к выводу, что к числу наиболее часто совершаемых правонарушений относится недобросовестное использование исключительного права на товарный знак, что обусловлено коммерческой ценностью данного средства индивидуализации.

Соответственно, нарушениями принципа добросовестности при реализации исключительного права на товарный знак следует признать:

— поведение правообладателя, зарегистрировавшего товарный знак без цели его использования, исключительно для взыскания компенсации за его использование третьими лицами;

— обращение в суд лиц, заинтересованных в досрочном прекращении правовой охраны товарных знаков, исключительно для взыскания компенсации за их использование третьими лицами;

— действия Роспатента по государственной регистрации прав на товарный знак в нарушение прямых указаний на соблюдение норм морали и нравственности.

Заключение

Результаты проведенного исследования оказали, что принципами гражданского права выступают основные идеи, цементирующие фундамент любой отрасли права. Они содержатся в ст. 1 ГК РФ и в качестве основных начал гражданского законодательства создают базис для каждой из его норм, предопределяют содержание всех гражданско-правовых институтов. В процессе применения и толкования норм гражданского права необходимо исходить из принципов гражданского права.

Гражданско-правовые принципы подлежат применению ввиду отсутствия нормы права. В ситуации, когда имеются пробелы гражданско-правового регулирования, отношения, непосредственно не регламентированные законом, условиями договора либо обычаем, появляется потребность в применении аналогии закона, т.е. положений, регулирующих сходные отношения. В случае, когда не представляется возможным использование аналогии закона по причине отсутствия сходных правоотношений, подлежит применению лишь аналогия права, т.е. вопрос решается исходя из общих начал гражданского законодательства (гражданско-правовых принципов).

Важность гражданско-правовых принципов состоит и в том, что они демонстрируют социально-экономические особенности урегулированных с их помощью общественных отношений, государственной экономической политики, осуществляемой применительно к данным отношениям с помощью норм гражданского права. Такое функциональное предназначение показывает и объясняет их динамику, трансформацию с развитием общественных отношений.

В любой исторический период одним из самых значимых гражданско-правовых принципов является принцип добросовестности. Хотя данное диссертационное исследование выявило многоаспектность данного принципа и применение его в разных отраслях права. Значимость добросовестности связана с тем, что в процессе применения норм права возникает потребность в превенции недобросовестного поведения субъектов гражданских правоотношений, а также

необходимости защиты от совершения недобросовестных действий, причиняющих ущерб контрагентам. Именно поэтому внесенные Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ дополнения в ст. 1 ГК РФ предусмотрели, что в процессе установления, осуществления и защиты гражданских прав, а также исполнения возложенных на них обязанностей субъекты гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 ГК РФ), никто не имеет права извлекать преимущество из своего незаконного либо недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Слово «добросовестность» берет свое начало от слов «добрая» и «совесть» и, бесспорно, сущностно коррелирует с нравственно-этическими категориями, значение которых возрастает в современном гражданском законодательстве. В то же время6 «близость категории добросовестности к морально-нравственным нормам не означает ее идентичности последним», так как она «снабжена… вполне конкретным прагматичным содержанием»[262]. Ведь суть добросовестности в гражданском обороте отражается в стремлении субъекта гражданско-правовых отношений исключить саму возможность нарушения субъективных гражданских прав и законных интересов иных лиц своим поведением, реализовывать принадлежащие ему права согласно их содержанию и назначению.

В российской правовой системе реализуется принцип добросовестности, который наиболее полно раскрыт в части первой ГК РФ. Тем не менее его осуществление в праве интеллектуальной собственности имеет специфику, которая определяется прежде всего особенностями данной подотрасли и теми функциями, которые выполняет рассматриваемый принцип.

Так, с одной стороны, право интеллектуальной собственности является подотраслью гражданского права, поэтому все общие нормы правового регулирования договорных отношений, проанализированные ранее, применяются и к правоотношениям в сфере интеллектуальной собственности.

---

[262] Коновалов А. В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 6.

В тоже время в праве интеллектуальной собственности, как подотрасли гражданского права, принцип добросовестности имеет свои специфические особенности. Особенности осуществления прав и обязанностей в праве интеллектуальной собственности предопределяются нематериальным характером объектов интеллектуальной собственности, спецификой их правовой природы, наличием особых прав у авторов (правообладателей), а именно исключительных прав. Недобросовестное осуществление прав приводит к нарушению как интеллектуальных прав в целом, так и отдельных норм, устанавливающих сроки правовой охраны, объем предоставленных прав, способы использования и распоряжения объектом интеллектуальной собственности, применение особого способа защиты исключительного права — компенсации.

Специфика реализации принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности определяется теми функциями, которые этот принцип выполняет при осуществлении прав и исполнении обязанностей субъектами правоотношений. В результате принцип добросовестности выполняет конкретизирующую, дополняющую, ограничительную и корректирующую функции и, таким образом, оценивается добросовестность поведения.

Использование объектов интеллектуальной собственности также является дифференцирующим признаком. Особенностью можно считать существование различных способов использования объектов интеллектуальной собственности, которые отличаются в разных институтах права интеллектуальной собственности и могут выступать как самостоятельные нарушения принципа добросовестности. Понятие «использование» очень важно и, ввиду особой специфики объектов интеллектуальной собственности, носит иной характер, чем использование материальных объектов.

Отличие проявляется и в особом порядке распоряжения исключительным правом: это заключение договоров об отчуждении исключительного права, лицензионных договоров, которые опосредуют оборот этих прав в отличие от договоров купли-продажи, аренды, подряда.

Осуществление принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности связано с таким исходным, руководящим началом, как согласие автора или правообладателя на использование результата своего творческого труда, ведь получение такого согласия уже свидетельствует о добросовестном поведении контрагента. В этом состоит ограничительная функция принципа добросовестности. Правомерное, а значит, добросовестное, использование требует необходимого разрешения правообладателя (п. 1 ст. 1229 ГК РФ); при его отсутствии использование будет признано незаконным, что приведет к наступлению ответственности, причем молчание согласием не является.

Проведенный анализ показал, что в настоящее время следует уделять совершенствованию правового регулирования защиты интеллектуальных прав в информационно-коммуникационном пространстве целях соблюдения принципа добросовестности. Так, следует усовершенствовать системы правового регулирования применения ИИ включая вопросы информирования о том, что в том или ином случае использовались технологии, задействующие ИИ.

Также в целях предотвращения нарушения авторских прав в информационном пространстве предлагается конкретизировать форму согласия автора (правообладателя) на использование объектов интеллектуальной собственности.

Соблюдение принципа добросовестности необходимо и в целях обеспечения прав детей. Поэтому предлагается включать в договоры с пользователями / приобретателями исключительных прав на аудиовизуальные произведения (видеоролики) условия о перечислении части средств на специальные, недоступные родителям, усыновителям и опекунам номинальные счета детей. Дети получают доступ к номинальному счету по достижении совершеннолетия. Порядок открытия номинального счета, зачисления и выплаты вознаграждения урегулирован статьей 1243.1 ГК РФ.

Кроме того, осуществление родителями, усыновителями и опекунами несовершеннолетних детей исключительных прав должно быть добросовестным и не причиняющим вреда жизни, здоровью, чести и достоинству детей. В связи с

этим следует признать недобросовестным поведение родителей, усыновителей и опекунов, которые создают и распространяют аудиовизуальные произведения (видеоролики) и иные произведения, предназначенные для просмотра в сети Интернет, содержание которых может порочить честь и достоинство ребенка, и возложить на недобросовестного родителя обязанность денежной компенсации в соответствии со ст. 151 ГК РФ.

Специфика права интеллектуальной собственности проявляется и в наличии изъятий из общего правила относительно необходимости согласия правообладателя: это введение на основании закона определенных исключений и ограничений (способов использования данных результатов без согласия правообладателя, с выплатой ему вознаграждения либо без таковой). Таким образом, гражданским законодательством устанавливается безусловный приоритет согласия автора (правообладателя), но с учетом установленных ограничений и исключений, которые определены в отношении прав на объекты авторского права и смежных прав, объекты патентного права, товарные знаки при выполнении ряда условий, предусмотренных пунктом 5 ст. 1229 ГК РФ.

Таким образом, принцип добросовестности проявляется в возможности использования без выраженного согласия автора (правообладателя) результатов интеллектуальной деятельности третьими лицами в определенных случаях и на определенных условиях. Это свободное использование результатов интеллектуальной деятельности с выплатой вознаграждения или без таковой, но с обязательным условием соблюдения личных неимущественных прав автора.

В российской судебной практике значительное количество дел содержат положения об определении добросовестного использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, причем львиная доля споров связана с товарными знаками.

Соответственно, нарушениями принципа добросовестности при реализации исключительного права на товарный знак следует признать:

— поведение правообладателя, зарегистрировавшего товарный знак без цели его использования, исключительно для взыскания компенсации за его использование третьими лицами;

— обращение в суд лиц, заинтересованных в досрочном прекращении правовой охраны товарных знаков, исключительно для взыскания компенсации за их использование третьими лицами;

— действия Роспатента по государственной регистрации прав на товарный знак в нарушение прямых указаний на соблюдение норм морали и нравственности.

Практическая значимость данного диссертационного исследования может заключаться в возможности использования выводов и предложений, изложенных в работе, при модернизации законодательства в сфере права интеллектуальной собственности, для совершенствования правоприменительной практики.

Представленные результаты и возможности их практического использования не исчерпывают все необходимые исследования вопросов, связанных с реализацией принципа добросовестности в праве интеллектуальной собственности.

Список использованных источников

1. Нормативные источники

1.1. Нормативные правовое акты Российской Федерации и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru. 06.10.2022.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. // СЗ РФ. — 2006. — № 52 (ч. I). — Ст. 5496.

4. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3434.

5. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2012. — № 53 (ч. I). — Ст. 7627.

6. Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2013. — № 23. — Ст. 2866.

7. Федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской

Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2014. — № 11. — Ст. 1100.

8. Федеральный закон от 28 марта 2017 г. № 43-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2017. — №14. — Ст. 2002.

9. Федеральный закон от 07 июля 2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ.2025. № 28. Ст. 3854.

10. Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 311 «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 8 марта 2022 года № 100» // СЗ РФ. — 2022. — №11. — Ст. 1703.

11. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СЗ РФ. — 2022. — № 14. — Ст. 2286.

12. Постановление Правительства РФ от 25 мая 2022 г. № 947 «Об использовании изобретения для производства на территории Российской Федерации лекарственного средства в целях его экспорта без согласия патентообладателя» // СЗ РФ. — 2022. — № 23. — Ст. 3777.

13. Приказ Министерства экономического развития РФ от 30 сентября 2015 г. № 695 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации промышленных образцов, и их форм, Требований к документам заявки на выдачу патента на промышленный образец, Состава сведений о выдаче патента на промышленный образец, публикуемых в официальном бюллетене Федеральной службы по интеллектуальной собственности, Состава сведений, указываемых в форме патента на промышленный образец, формы патента на промышленный образец»

(зарегистрировано в Минюсте России 25 декабря 2015 г. № 40242) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Рекомендации по вопросам экспертизы заявок на промышленные образцы, утвержденные приказом Роспатента от 31 марта 2009 г. № 48 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www1.fips.ru/to-applicants/industrial-designs/rec_po.pdf.

15. Методические рекомендации по определению однородности товаров и услуг при экспертизе заявок на государственную регистрацию товарных знаков и знаков обслуживания, утвержденные приказом Роспатента от 31 декабря 2009 г. № 198 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство, утвержденные приказом Роспатента от 31 декабря 2009 г. № 197 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Законопроект № 1138405-8 «О внесении изменений в статьи 1281 и 1318 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» в целях обеспечения реализации действия исключительного права авторов и (или) исполнителей гражданами, исполняющими свой воинский долг по защите Родины и их правопреемниками». В данном виде документ опубликован не был.

18. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2018 год [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/685806.

19. Заключение Роспатента от 29 января 2025 г. по товарному знаку № 949497 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www1.fips.ru/pps/29_01_25/2023B03075.pdf.

20. Заключение Роспатента 2025B00953 от 10 июня 2025 г. по государственной регистрации товарного знака № 1034117, принятое по результатам рассмотрения на заседании Экспертной комиссии 5 июня 2025 г. возражения от 7 апреля 2025 г., поданного Общество с ограниченной ответственностью «Казанские подарки» против предоставления правовой охраны товарному знака «Шурале» в связи с признанием действий правообладателя, связанных с государственной регистрацией товарного знака, недобросовестной

конкуренцией [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2025/11.06.2025/2025B00953.pdf.

21. Решение Роспатента 2025B00953 от 10 июня 2025 г. по государственной регистрации товарного знака № 1034117, принятое по результатам рассмотрения на заседании Экспертной комиссии 5 июня 2025 г. возражения от 7 апреля 2025 г., поданного Общество с ограниченной ответственностью «Казанские подарки» против предоставления правовой охраны товарному знака «Шурале» в связи с признанием действий правообладателя, связанных с государственной регистрацией товарного знака, недобросовестной конкуренцией.

22. Гражданский кодекс РСФСР // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904 (утратил силу).

1.2. Международные договоры, нормативные правовое акты иностранных государств, Европейского Союза

22. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

23. Договор ВОИС по авторскому праву (вместе с «Согласованными заявлениями в отношении Договора ВОИС по авторскому праву») (подписан 20 декабря 1996 г.). Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

24. Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам от 20 декабря 1996 г. (подлинный текст) (вместе с «Согласованными заявлениями в отношении Договора ВОИС по авторскому праву») (подписан 20 декабря 1996 г.) [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности : официальный сайт. — Режим доступа: http://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=295578.

25. Марракешский договор об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать

печатную информацию к опубликованным произведениям от 27 июня 2013 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.wipo.int/treaties/ru/ip/marrakesh/.

26. Ниццкое соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков от 15 июня 1957 г. (с изм. от 28.09.1979) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://rupto.ru/ru/documents/nicckoe-soglashenie-o-mktu.

27. Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1968. — № 40.

28. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.) (с изм. от 06.12.2005) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://rospatent.gov.ru/ru/docs/interdocs/trips.

29. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2019/790 «Об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке и внесении изменений в директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС», одобрена Европейским парламентом 17 апреля 2019 г. и вступила в силу 7 июня 2019 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://jursite.garant.ru/images/articles/motovilova/1.pdf.

30. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 16 декабря 2015 г. № 2015/2436 «О сближении права государств — членов Европейского Союза в отношении товарных знаков» [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://base.garant.ru/71498294/.

31. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 22 мая 2001 г. № 2001/29/ЕС «О гармонизации определенных аспектов авторского и смежных прав в информационном обществе». [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://base.garant.ru/2568231/.

32. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and

(EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA relevance) // OJ L. — 2024. — P. 1–144.

33. AI Act [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai.

34. United States Copyright Act of 1976 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=5405.

35. Folsom v. Marsh, 9. F.Cas. 342 (C.C.D. Mass. 1841).

36. Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (Urheberrechtsgesetz) vom 09.09.1965, zuletzt geändert am 20.12.2016. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/urhg.

37. Richtlinie 2001/29/EG des Europäischen Parlaments und des Rates vom 22.05.2001 zur Harmonisierung bestimmter Aspekte des Urheberrechts und der verwandten Schutzrechte in der Informationsgesellschaft. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=celex:32001L0029.

38. Richtlinie 2015/2436 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 16.12.2015 zur Angleichung der Rechtsvorschriften der Mitgliedstaaten über die Marken, URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX%3A32015L2436.

39. 17 U.S. Code § 107 — Limitations on exclusive rights: Fair use [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/107.

2. Научная, учебная и справочная литература

2.1. Диссертации и авторефераты диссертаций

40. Аверьянова, М. В. Защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Аверьянова Мария Валерьевна. — М., 2001. — 14 с.

41. Айрапетов, Н. А. Принцип добросовестности при осуществлении и защите интеллектуальных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / Айрапетов Никита Андреевич. — М., 2025. — 199 с.

42. Асланян, Н. П. Основные начала российского частного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Асланян Наталья Павловна. — М., 2001. — 365 с.

43. Бармина, О. Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Бармина Ольга Николаевна. — Москва, 2015. — 195 с.

44. Беребёня, Н. В. Теоретические основы системы принципов гражданского права России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Беребёня Наталья Владимировна. — М., 2008. — 31 с.

45. Богданова, Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.03 / Богданова Елена Евгеньевна. — М., 2010. — 63 с.

46. Волков, А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.03 / Волков Александр Викторович. — М., 2010. — 53 с.

47. Дроздова, Т. А. Добросовестность в российском гражданском праве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Дроздова Татьяна Юрьевна. — Иркутск, 2004. — 25 с.

48. Демьянова, М. В. Принцип добросовестности в корпоративном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Демьянова Мария Владиславовна. — М., 2022. — 27 с.

49. Комиссарова, Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства : автореф. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Комиссарова Елена Генриховна. — Екатеринбург, 2002. — 46 с.

50. Мазур, О. В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Мазур Ольга Вадимовна. — СПб., 2012. — 23 с.

51. Нам, К. В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Нам Кирилл Вадимович. — М., 2021. — 472 с.

52. Наумов, А. Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Наумов Александр Евгеньевич. — М., 2010. — 25 с.

53. Новикова, Т. В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Новикова Татьяна Васильевна. — Краснодар, 2008. — 192 с.

54. Лукьянов, Р. Л. Компенсация как мера гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / Лукьянов Роман Львович. М., 2024. — 23 с.

55. Попова, А. В. Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран — членов Европейского Союза : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Попова Антонина Васильевна. — М., 2005. — 195 с.

56. Серегин, Д. И. Недобросовестная конкуренция как правовая категория : дис. …канд. юрид. наук : 12.00.03 / Серегин Дмитрий Игоревич. М., 2002. — 159 с.

57. Сорокина, Е. А. Категория добросовестности в западной традиции права: историко-теоретический аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сорокина Елена Александровна. — М., 2009. — 22 с.

58. Татарников, А. В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Татарников Алексей Валентинович. — М., 2010. — 30 с.

2.2. Монографии, книги, комментарии, учебники и учебные пособия

59. Агарков, М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М. М. Агарков // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. — Т. 2. — М., 2002. — 451 с.

60. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. — М. : Проспект, 2008. — 565 с.

61. Алексеев, С. С. Проблемы теории права : курс лекций: в 2 т. / С. С. Алексеев. — Т. 1. — Свердловск, 1972. — 401 с.

62. Бармина, О. Н. Злоупотребление правом / О. Н. Бармина. — М., 2015. — 132 с.

63. Белых, В. С. К вопросу о принципах предпринимательского права / В. С. Белых // Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности : монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2016. — 339 с.

64. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений. Комментарий К. Мазуйе / перевод с англ. С. П. Гришаева и Г. А. Матвеева // Международные конвенции об авторском праве. Комментарий / под ред. Э. П. Гаврилова. — М. : Прогресс, 1982. — 126 с.

65. Вавилин, Е. В. Осуществление и защита гражданских прав / Е. В. Вавилин. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2016. — 416 с.

66. Вольфсон, В. Л. Недобросовестность как диагноз злоупотребления субъективным гражданским правом / В. Л. Вольфсон. — М. : Проспект, 2021. — 80 с.

67. Гаврилов, Д. А. Правовая защита от недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав на средства индивидуализации и иные объекты промышленной собственности : монография / Д. А. Гаврилов. — М. : Норма, Инфра-М, 2014.

68. Гражданский кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / под ред. П. В. Крашенинникова. — М. : Статут. 2013. — 335 с.

69. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав // Классика российской цивилистики / В. П. Грибанов. — М. : Статут, 2000. — 410 с.

70. Громов, А. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. Самые значимые поправки / А. Громов, А. Егоров. — М., 2014. — 176 с.

71. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2002. — 583 с.

72. Емельянов, В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами / В. И. Емельянов. — М., 2002. — 159 с.

73. Жгулев, А. А. Добросовестность при исполнении обязательства / А. А. Жгулев. — М. : Инфотропик Медиа, 2011. — 103 с.

74. Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Г. Карапетова. — М. : М-Логос. 2022. — 1492 с.

75. Краткая российская энциклопедия : в 3 т. — Т. 3. — М., 2003.

76. Кригер, Г. А., Кузнецова Н.Ф., Ткачевский Ю.М. Советское уголовное право / Г. А. Кригер, Н. Ф. Кузнецова, Ю. М. Ткачевский. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. — 367 с.

77. Кузнецова, О. А. Нормы-принципы российского гражданского права / О. А. Кузнецова. — М., 2006. — 267 с.

78. Курбатов, А. Я. Злоупотребление правом: теория и правоприменительная практика / А. Я. Курбатов. — СПС «КонсультантПлюс», 2009.

79. Лазарев, В. В. Пробелы в праве и пути их устранения / В. В. Лазарев. — М. : Юрид. лит., 1974. — 184 с.

80. Липцик, Д. Авторское право и смежные права / Д. Липцик ; пер. с фр. ; предисл. М. А. Федотова. — М. : Ладомир ; Издательство ЮНЕСКО, 2002. — 788 с.

81. Лукьяненко, М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / М. Ф. Лукьяненко. — М. : Статут, 2010. — 421 с.

82. Мирошникова, Н. И. Механизм осуществления субъективных гражданских прав / Н. И. Мирошникова. — Ярославль, 1989. — 83 с.

83. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики [Электронное издание] / К. В. Нам. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : М-Логос, 2023. — 388 с.

84. Николаева, М. С. Реформирование норм о принципах добросовестности и запрета злоупотребления правом как общих принципах гражданского права / М. С. Николаева. — М., 2018. — 16 с.

85. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1997. — 944 с.

86. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. — М. : М-Логос, 2020.

87. Петражицкий, Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права / Л. И. Петражицкий. — М., 2002. — 425 с.

88. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права [Электронный ресурс] / К. П. Победоносцев // URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/15/page_99.html.

89. Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, ИНФРА-М, 2017. — 1008 с.

90. Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности : монография / МГУ имени М.В. Ломоносова, РАНХиГС при Президенте РФ ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2016. — 340 с.

91. Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / Д. Р. Алимова, С. А. Афанасьева, Л. Т. Бакулина [и др.] ; под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. — М. : Инфотропик Медиа, 2022. — 472 с.

92. Радченко, С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России / С. Д. Радченко. — М. : Волтерс Клувер, 2010. — 216 с.

93. Российское гражданское право : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2011. — 1208 с.

94. Свердлык, Г. А. Принципы советского гражданского права / Г. А. Свердлык. — Красноярск, 1985. — 199 с.

95. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве. — М., 2010. — 893 с.

96. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньева. — 4-е изд. — Т. 1. — М. : Русский язык, 1999. — 702 с.

97. Снытникова, Н. В. Гражданско-правовое регулирование изменения и расторжения договора с учетом принципа добросовестности // Актуальные проблемы эффективности частного права : монография / К. А. Абдуллаев, Э. Б. Абдуряхимова, С. В. Алборов [и др.] ; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. — М. : Юстицинформ, 2022. — 464 с.

98. Советское гражданское право : учебное пособие / Под ред. О. А. Красавчикова. — Свердловск, 1976. — Вып. 1. — 175 с.

99. Современный словарь иностранных слов. — М., 1993. — 740 с.

100. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — М., 2001.

101. Теория государства и права : учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт ; под ред. д.ю.н., проф. А. А. Клишаса. — М. : Статут, 2019. — 512 с.

102. Толстой, Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита прав собственности в СССР / Ю. К. Толстой. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1955. — 220 с.

103. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Хропанюк. — М. : Интерстиль ; Омега-Л, 2008. — 384 с.

104. Частное право: проблемы теории и практики / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. — М. : Проспект, 2016. — 142 с.

105. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права : учебник / А. Ф. Черданцев. — М., 2000. — 429 с.

106. Шереметьева, Н. В. Недобросовестность в вещном праве : монография / Н. В. Шереметьева. — М. : Проспект, 2023. — 136 с.

107. J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen : 100 J. BGB — 100 J. Staudinger : Beitr. zum Symp. vom 18.-20. Juni 1998 in München / Red. Michael Martinek, Patrick L. Sellier. — Berlin : Sellier : de Gruyter, Cop. 1999. — XXV, 255 c.

108. Principles of European contract law and Italian law / ed. by L. Antoniolli, A. Veneziano. — The Hague : Kluwer law International, cop. 2005. — 518 p.

2.3. Научные статьи

109. Аветисян, С. Практика взыскания компенсации за нарушение исключительных прав / С. Аветисян // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2017. — № 3. — С. 39–50.

110. Агарков, М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М. М. Агарков // Известия АН СССР. — 1946. — № 6. — С. 424–436.

111. Амфитеатров, Г. Н. Вопросы виндикации в советском праве / Г. Н. Амфитеатров // Советское государство и право. — 1941. — № 2. — С. 38–47.

112. Байтин, М. И. О принципах и функциях права: новые моменты / М. И. Байтин // Правоведение. 2000. № 3. С. 4–16.

113. Белов, А. П. Злоупотребление правом во внешнеэкономической деятельности / А. П. Белов // Право и экономика. — 2000. — № 3. — С. 55–56.

114. Богданов, Е. Категория «добросовестности» в гражданском праве / Е. Богданов // Российская юстиция. — 1999. — № 9. — С. 12–14.

115. Богданова, Е. Е. Многоотраслевая природа принципа добросовестности / Е. Е. Богданова // Lex Russica. — 2023. — Т. 76. — № 10. — С. 23–35.

116. Богданова, Е. Е. Принцип добросовестности в договорных отношениях в российском и зарубежном праве / Е. Е. Богданова // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 7 (44). — С. 1363–1369.

117. Бондаренко, Н. Л. Современный методологический подход к исследованию принципов гражданского права / Н. Л. Бондаренко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2013. — № 4 (22). — С. 305–309.

118. Бородин, С. С. Система принципов авторского права / С. С. Бородин // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2013. — № 1 (34). — С. 116–123.

119. Бузова, Н. В. Ограничения авторского права и смежных прав: проблемы цитирования / Н. В. Бузова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2019. — № 23. — С. 46–55.

120. Буклова, А. В. Особенности рассмотрения судом по интеллектуальным правам дел о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования / А. В. Буклова // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 17. — С. 629–635.

121. Близнец, И. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ в постановлении от 16 июня 2022 г. № 25-П / И. А. Близнец, В. С. Витко // ИС. Авторское право и смежные права. — 2022. — № 7. — С. 5–30.

122. Бутакова, Н. А. О понятии принципов права / Н. А. Бутакова // История государства и права. — 2007. — № 16. — С. 2–3.

123. Братусь, С. Н. Принципы советского гражданского права / С. Н. Братусь // Правоведение. — 1960. — № 1. — С. 47–52.

124. Вавилин, Е. В. Некоторые проблемы добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей: материальный и процессуальный аспекты / Е. В. Вавилин, А. В. Чекмарева // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 451. — С. 196–202.

125. Вавилин, Е. В. Осуществление и защита гражданских прав в условиях цифровой трансформации отношений / Е. В. Вавилин // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2024. — № 53. — С. 110–121.

126. Ванин, В. В. Злоупотребление правом в частноправовых и публично-правовых отношениях / В. В. Ванин, С. В. Мирошник // Гражданское право. — 2020. — № 5. — С. 11–14.

127. Волков, А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом / А. В. Волков // Юрист. — 2013. — № 8. — С. 3–7.

128. Волков, А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве / А. В. Волков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». — 2013. — № 3 (20). — С. 44–50.

129. Волос, А. А. Современные тенденции развития представлений о принципах гражданского права / А. А. Волос // Гражданское право. — 2016. — № 2. — С. 20–23.

130. Ворожевич, А. С. Недобросовестная конкуренция или злоупотребление правом при регистрации товарного знака: проблемы квалификации и способы защиты / А. С. Ворожевич, Н. В. Козлова // Lex Russica. — 2017. — № 5 (26). — С. 70–82.

131. Гаврилов, Э. П. Изменения, внесенные в ГК РФ Федеральным законом от 1 июля 2017 года № 147-ФЗ / Э. П. Гаврилов // Хозяйство и право. — 2018. — № 2. — С. 21–29.

132. Гаврилов Э. П. Принцип добросовестности и нормы права, основанные на этом принципе / Э. П. Гаврилов // Хозяйство и право. — 2020. — № 11 (526). — С. 59–61.

133. Грачева, С. А. Критерий добросовестности в координатах судебного экономического дискурса / С. А. Грачева // Российская юстиция. — 2021. — № 10. — С. 20–28.

134. Голубцов, В. Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения / В. Г. Голубцов // Российский юридический журнал. — 2020. — № 2. — С. 142–150.

135. Гонгало, Б. М. Комментарии к избранным судебным актам Суда по интеллектуальным правам / Б. М. Гонгало, Д. А. Братусь // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2023. — Вып. 2 (40). — Июнь. — С. 8–48.

136. Дерюгина, Т. В. Принципы осуществления гражданских прав в системе принципов гражданского права / Т. В. Дерюгина // Гражданское право. — 2016. — № 2. — С. 17–19.

137. Двалишвили, Л. З. О правовой природе принципа добросовестности / Л. З. Двалишвили // Мировой судья. — 2023. — № 4. — С. 33–37.

138. Егоров, А. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы / А. Егоров // Legal Insight. — 2013. — № 2. — С. 4–10.

139. Елисеев, Н. Г. Добросовестность и разумность в правовом регулировании / Н. Г. Елисеев // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2010. — № 9. — С. 10–15.

140. Емельянов, В. Понятие злоупотребления гражданскими правами / В. Емельянов // Законность. — 2000. — № 11. — С. 33–39.

141. Зайцева, Н. В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей / Н. В. Зайцева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — № 49. — С. 476–501.

142. Иоффе, О. С. Пределы осуществления субъективных гражданских прав / О. С. Иоффе, В. П. Грибанов // Советское государство и право. — 1964. — № 7. — С. 76–85.

143. Кабанова, И. Е. Некоторые аспекты реализации принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в правоотношениях с участием органов публичной власти и их должностных лиц / И. Е. Кабанова // Гражданское право. — 2014. — № 5. — С. 23–26.

144. Кириллов, Н. Г. Современные способы защиты товарных знаков: системный подход / Н. Г. Кириллов, Н. Н. Кириллов // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2021. — № 3. — С. 37–47.

145. Кольздорф, М. А. Проблемы разграничения правомерного и неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности и

средств индивидуализации / М. А. Кольздорф // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2017. — № 15. — С. 65–71.

146. Курбанов, К. Некоторые вопросы определения критерия добросовестности / К. Курбанов // Университетские научные записки. — 2009. — № 1. — С. 119–121.

147. Леонов, М. Р. Соотношение принципа добросовестности и принципа эстоппель / М. Р. Леонов // Закон и право. — 2023. — № 9. — С. 130–134.

148. Лукашева, Е. А. Принципы социалистического права / Е. А. Лукашева // Советское государство и право. — 1970. — № 6. — С. 22–23.

149. Матвеев, А. Г. Российская модель права на неприкосновенность произведения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2011. – № 4(14). – С. 91-99.

150. Михайлова, И. А. Категория «добросовестность» в гражданском праве / И. А. Михайлова // Цивилист. — 2013. — № 2. — С. 7–9.

151. Михайлов, С. В. Значение категории добросовестности для обязательственных отношений и последствий недействительности договоров цессии / С. В. Михайлов // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2006. — С. 174–193.

152. Нам, К. В. Принцип добросовестности как правовой принцип / К. В. Нам // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 2. — С. 88–103.

153. Новицкий, И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И. Б. Новицкий // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1. — С. 124–181.

154. Новоселова, Л. А. О механизме компенсации за нарушение исключительных прав / Л. А. Новоселова // Хозяйство и право. — 2017. — № 3 (482). — С. 3–17.

155. Новоселова, Л. А. Принципы государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации / Л. А. Новоселова, Е. С. Гринь // Lex russica. — 2019. — № 7 (152). — С. 9–19.

156. Компенсация как мера ответственности за нарушение исключительных прав. Часть 1 / Е. А. Павлова, В. О. Калятин, В. А. Корнеев [и др.] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2022. — № 2 (36). — С. 152–190.

157. Оленичев, И. П. Пресечение недобросовестных действий правообладателя при досрочном прекращении правовой охраны его товарного знака / И. П. Оленичев // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика : сборник статей X Международной научно-практической конференции, Пенза, 17–18 ноября 2022 года / под науч. ред. Н. Б. Барановой, А. В. Яшина, А. А. Грачева. — Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2022. — С. 325–328.

158. Поляков, М. А. Общеправовой принцип добросовестности в современном российском праве / М. А. Поляков // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2011. — № 1 (14). — С. 385–388.

159. Пономаренко, Е. В. Современная наука теории права: цель, принципы, задачи и функции / Е. В. Пономаренко // Современное право. — 2015. — № 9. — С. 11–15.

160. Попов, А. А. Роль и место понятия «злоупотребление правом» в российской правовой действительности / А. А. Попов // История государства и права. — 2007. — № 8. — С. 7–10.

161. Протокол № 1 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2014. — № 3. — С. 4–27.

162. Рассказова, Н. Ю. Панельная сессия VII Международного Петербургского экономического форума 22 мая 2017 г. / Н. Ю. Рассказова // СПС «КонсультантПлюс».

163. Сайфутдинова, В. М. Досрочное прекращение правовой охраны товарного знака: практика действий сторон / В. М. Сайфутдинова //

Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2023. — № 6. — С. 16-23.

164. Сайфутдинова, В. М. О компенсации за нарушение исключительного права как мере гражданско-правовой ответственности / В. М. Сайфутдинова // I Венедиктовские чтения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 02 декабря 2023 года. – Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства. — 2024. — С. 236-241.

165. Сайфутдинова, В. М. Применение искусственного интеллекта: защита интеллектуальных прав и развитие общества / В. М. Сайфутдинова // Экономика. Право. Общество. — 2025. — Т. 10 № 2(42). — С. 107-115.

166. Сергеев, А. П. Уменьшение размера компенсации за нарушение исключительного права / А. П. Сергеев // Интеллектуальные права: вызовы XXI века : сборник докладов II Международной конференции, Томск, 10–14 ноября 2020 года / под ред. Э. П. Гаврилова, С. В. Бутенко. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2020. — С. 12–21.

167. Сергеев, А. П. Возмещение убытков, причиненных незаконными решениями Роспатента / А. П. Сергеев // Закон. — 2023. — № 5. — С. 26–36.

168. Скловский, К. И. О применении норм о злоупотреблении правом в судебной практике / К. И. Скловский // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2001. — № 2. — С. 45–49.

169. Скловский, К. И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России / К. И. Скловский // Хозяйство и право. — 2002. — № 9. — С. 79–94.

170. Смирнова, М. Г. Принципы права как выражение социальных притязаний / М. Г. Смирнова // Ленинградский юридический журнал. — 2017. — № 3 (49). — С. 20–27.

171. Усольцев, Е. Ю. Проблема определения и соотношения понятий «недобросовестность», «злоупотребление правом» и «шикана» / Е. Ю. Усольцев // Современный юрист. — 2022. — № 1. — С. 49–58.

172. Фабричный, С. Ю. Коммерциализация интеллектуальной собственности: проблемы регулирования / С. Ю. Фабричный, О. А. Рузакова // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2017. — № 7. — С. 41–47.

173. Федин, И. Г. Многоаспектность категории «добросовестность» в российском праве / И. Г. Федин // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III Международной научной конференции (г. Казань, май 2015 г.). — Казань : Бук, 2015. — С. 7–10.

174. Хесселинк, М. В. Принцип добросовестности / М. В. Хесселинк // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 8. — С. 157–187.

175. Шебанова, Н. А. К вопросу о защите авторских прав в современной практике арбитражных судов Российской Федерации / Н. А. Шебанова // Интеллектуальная собственность в России и ЕС: правовые проблемы : сборник статей / под ред. М. М. Богуславского и А. Г. Светланова. — М., 2008.

176. Штурцев, Ю. Ю. Принципы права: уточнение понятия / Ю. Ю. Штурцев // История государства и права. — 2015. — № 5. — С. 38–41.

177. Шухарева, А. В. Значение добросовестности как принципа и презумпции в гражданском праве: проблемы теории и практики / А. В. Шухарева // Российская юстиция. — 2020. — № 9. — С. 9–11.

178. Щенникова, Л. В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве (несколько вопросов теории и практики) / Л. В. Щенникова // Государство и право. — 1997. — № 6. — С. 119–121.

179. Щербак, Н. В. Пределы авторского права и смежных прав / Н. В. Щербак // Законодательство. — 2011. — № 8. — С. 21–29.

180. Яценко, Т. С. Действия в обход закона: трудности квалификации и пресечения мерами гражданского права / Н. С. Яценко // Нотариус. — 2015. — № 8. — С. 15–19.

181. Яценко, Т. С. Понятие добросовестного поведения в зарубежном гражданском праве / Н. С. Яценко // Нотариус. — 2013. — № 8. — С. 36–38.

182. Якубчик, М. М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребления правом / М. М. Якубчик // Журнал российского права. — 2012. — № 10. — С. 107–115.

3. Правоприменительная практика

183. Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2015 г. № 1539-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверки конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ “О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

184. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // СПС «КонсультантПлюс».

185. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “ПАГ”» // СПС «КонсультантПлюс».

186. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // СПС «КонсультантПлюс».

187. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2022 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского

кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Е. Мамичева» // СПС «КонсультантПлюс».

188. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2023 г. № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам» // СПС «КонсультантПлюс».

189. Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 октября 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

190. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утв. Верховным Судом РФ от 23 сентября 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс».

191. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

192. Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

193. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г. // СПС «КонсультантПлюс».

194. Определение Верховного Суда РФ от 28 августа 2017 г. № 218-ПЭК // СПС «КонсультантПлюс».

195. Определение Верховного Суда РФ от 03.07.2018 № 305-КГ18-2488 по делу № А40-210165/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

196. Определение Верховного Суда РФ от 27 ноября 2018 г. № 80-КГ18-12 // СПС «КонсультантПлюс».

197. Определение Верховного Суда РФ от 13 декабря 2018 г. № 308-ЭС18-10982 по делу № А32-34267/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

198. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 апреля 2022 г. № 305-ЭС21-23755 по делу А41-13514/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

199. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

200. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // СПС «КонсультантПлюс».

201. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

202. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

203. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 апреля 2004 г. № 14685/03 // СПС «КонсультантПлюс».

204. Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными, утв. информационным письмом Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 165 // СПС «КонсультантПлюс».

205. Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 ГК РФ, утв. информационным письмом Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2009. — № 2.

206. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 2009 г. № 15314/09 // СПС «КонсультантПлюс».

207. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 11 «О некоторых вопросах применения особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

208. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона “О рекламе”» // СПС «КонсультантПлюс».

209. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2014 г. № 51 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении споров с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами» // СПС «КонсультантПлюс».

210. Постановление Президиума Высшего Арбитражного РФ от 18 июля 2006 г. № 2979/06 // СПС «КонсультантПлюс».

211. Информационная справка, подготовленная по результатам обобщения судебной практики Суда по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции с учетом практики Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации по некоторых вопросам, возникающим при взыскании компенсации за нарушение авторских и смежных прав, утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 5 апреля 2017 г. № СП-23/10 по результатам обсуждения с участием членов Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // СПС «КонсультантПлюс».

212. Обзор практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам использования товарного знака для целей, не связанных с индивидуализацией товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24 октября 2022 г. № СП-21/24 // СПС «КонсультантПлюс».

213. Справка о соотношении статьи 8.1 Гражданского кодекса Российской Федерации с положениями раздела VII Гражданского кодекса Российской Федерации «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22 августа 2014 г. № СП-21/10 // СПС «КонсультантПлюс».

214. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 10 апреля 2017 г. по делу № СИП-350/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

215. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 30 сентября 2022 г. № С01-1490/2022 по делу № СИП-1370/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

216. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 20 января 2020 г. по делу № СИП-310/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

217. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 23 марта 2015 г. по делу № СИП-546/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

218. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 3 апреля 2015 г. по делу № СИП-547/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

219. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 3 апреля 2015 г. по делу № СИП-548/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

220. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 1 февраля 2016 г. по делу № СИП-383/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

221. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24 марта 2016 г. по делу № СИП-311/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

222. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 16 февраля 2017 г. по делу № СИП-415/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

223. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 3 ноября 2017 г. по делу № СИП-69/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

224. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 19 марта 2018 г. по делу № СИП-384/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

225. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 23 июля 2018 г. по делу № СИП-627/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

226. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 сентября 2019 г. по делу № А40-266746/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

227. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 29 ноября 2023 г. № С01-1424/2023 по делу № СИП-446/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

228. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 13 июня 2019 г. № С01-468/2019 по делу № А40-90010/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

229. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 июня 2019 г. № С01-463/2019 по делу № А12-24960/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

230. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31 августа 2022 г. № С01-1519/2022 по делу № А41-47401/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

231. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 января 2021 г. по делу № А40-12367/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

232. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 января 2021 г. по делу № А47 4258/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

233. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 ноября 2023 г. № С01-1740/2023 по делу № А40-31387/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

234. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 8 декабря 2023 г. № С01-2277/2023 по делу № А40-91224/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

235. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 7 декабря 2023 г. № С01-2264/2023 по делу № А65-8467/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

236. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 апреля 2016 г. по делу № А40-142309/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

237. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12 января 2018 г. по делу № А35-8325/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

238. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10 февраля 2020 г. по делу № А40-64050/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

239. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 июля 2016 г. по делу № А40-137964/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

240. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 января 2021 г. по делу № А76-40169/2018// СПС «КонсультантПлюс».

241. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 1 февраля 2021 г. по делу № А40-70157/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

242. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 апреля 2021 г. по делу № А40-19944/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

243. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 мая 2023 г. по делу № А66-5107/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

244. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 июня 2022 г. по делу № А40-156894/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

245. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12 июля 2021 г. по делу № А43-29843/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

246. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 4 мая 2023 г. по делу № А60-51330/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

247. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21 июля 2023 г. по делу № А19-6248/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

248. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31 мая 2023 г. по делу № А63-10133/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

249. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 мая 2023 г. по делу № А73-11658/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

250. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11 августа 2023 г. по делу № А40-192022/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

251. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31 мая 2023 г. по делу № А63-10133/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

252. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11 октября 2023 г. по делу № А25-2990/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

253. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21 июля 2023 г. по делу № А19-6248/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

254. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 июля 2023 г. по делу № А56-89706/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

255. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23 марта 2023 г. по делу № А75-154/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

256. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 мая 2023 г. по делу № А40-141765/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

257. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12 июля 2021 г. по делу № А43-29843/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

258. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 июня 2023 г. по делу № А71-12305/2022, // СПС «КонсультантПлюс».

259. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 декабря 2022 г. по делу № А42-1062/2022, // СПС «КонсультантПлюс».

260. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 августа 2022 г. по делу № А32-1560/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

261. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 сентября 2023 г. по делу № А40-276635/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

262. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 июня 2023 г. по делу № А83-6174/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

263. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 сентября 2022 г. по делу № А40-246220/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

264. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 мая 2021 г. С01-451/2021 по делу № А41-105281/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

265. Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-131/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

266. Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-501/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

267. Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-522/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

268. Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-754/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

269. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20 января 2026 г. по делу № СИП А56-82450/2024// СПС «КонсультантПлюс».

270. Рекомендации Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при установлении одной экономической цели и единства намерений правонарушителя (пункты 56 и 65 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»), утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 15 февраля 2023 г. № СП-22 // СПС «КонсультантПлюс».

271. Решение Суда по интеллектуальным правам от 26 января 2015 г. по делу № СИП-626/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

272. Решение Суда по интеллектуальным правам от 8 июня 2017 г. по делу № СИП-686/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

273. Решение Суда по интеллектуальным правам от 13 июля 2017 г. по делу № СИП-98/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

274. Решение Суда по интеллектуальным правам от 26 декабря 2019 г. по делу № СИП-475/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

275. Решение Суда по интеллектуальным правам по делу от 25 декабря 2023 г. № СИП-633/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

276. Решение Суда по интеллектуальным правам от 28 мая 2024 г. по делу № СИП-1300/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

277. Решение Суда по интеллектуальным правам от 30 октября 2024 г. по делу № СИП-334/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

278. Справка о соотношении статьи 8.1 Гражданского кодекса Российской Федерации с положениями раздела VII Гражданского кодекса Российской Федерации «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», утв. Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22 августа 2014 г. № СП-21/10 // СПС «КонсультантПлюс».

279. Справка по вопросу расчета компенсации в двукратном размере стоимости услуг при неправомерном использовании знака обслуживания, зарегистрированного в отношении услуги «реализация товаров», в названии или на вывеске магазина, утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 13 октября 2022 г. № СП-21/22 // СПС «КонсультантПлюс».

280. Справка по вопросам недобросовестного поведения, в том числе конкуренции, по приобретению и использованию средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 21 марта 2014 г. № СП-21/2 // СПС «КонсультантПлюс».

281. BGH, Urteil vom 17.11.2014 (Az. I ZR 177/13) (решение от 17 ноября 2014 г. по делу № I ZR 177/13) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&sid=33d4c87a62504be5939f55505b5a7911&nr=71060&pos=0&anz=1.

4. Иные источники

282. Во Франции детей-блогеров приравняют к детям-моделям и актерам [Электронный ресурс] // Российская газета. — 07.10.2020. — Режим доступа: https://rg.ru/2020/10/07/vo-francii-detej-blogerov-priravniaiut-k-detiam-modeliam-i-akteram.html.

283. Единая политика разрешения доменных споров (UDRP) // Российская газета. — 07.02.2012.

284. Издательство «Эксмо» пожаловалось на кражу «Букваря» [Электронный ресурс] // Российская газета. — 19.0.2023. — Режим доступа: https://rg.ru/2023/09/19/izdatelstvo-eksmo-pozhalovalos-na-krazhu-bukvaria.html.

285. Интернет-архив был вынужден удалить 500 000 книг после победы издателей в суде [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://arstechnica.com/tech-policy/2024/06/internet-archive-forced-to-remove-500000-books-after-publishers-court-win/.

286. Серго, А. Г. UDRP: Процедура рассмотрения доменных споров («Единая Политика Рассмотрения Споров о Доменных Именах» или «Единообразная политика по разрешению споров в связи с доменными именами», утв. ICANN) [Электронный ресурс] / А. Г. Серго // Режим доступа: https://internet-law.ru/intlaw/udrp/about.htm.

287. Скворцова А. «Восьмая заповедь»– фототроллинг 95lvl в сфере авторского права? [Электронный ресурс] / А. Скворцова // Режим доступа:

https://zakon.ru/blog/2023/03/22/vosmaya_zapoved__fototrolling_95lvl_v_sfere_avtorskogo_prava.

288. Режим доступа: URL: https://yandex.ru/video/preview/10185438323025843238.

289. Режим доступа: national-expertise.ru.

290. Суно защищает обучение ИИ с помощью музыки, защищенной авторским правом, в рамках иска RIAA [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.binance.com/ru/square/post/11620650768794.

Приложение

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТУЮ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(проект)

Статья 1

Внести в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2006, № 52, ст. 5496) следующие изменения:

1) пункт 3 статьи 1229 «Исключительное право» дополнить абзацами пятым и шестым следующего содержания:

«Доходы от совместного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо от совместного распоряжения исключительным правом на такой результат или на такое средство, созданные в соавторстве, где одной стороной являются родители (усыновители, опекуны, попечители), а другой стороной являются дети (подопечные), не достигшие возраста восемнадцати лет, распределяются в равных долях, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

Родители (усыновители, опекуны, попечители) обязаны средства, полагающиеся ребенку (подопечному) от полученных доходов от совместного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации либо от совместного распоряжения исключительным правом на такой результат или на такое средство, созданные в соавторстве, в тех случаях, где одной стороной являются родители (усыновители, опекуны, попечители), а другой

стороной являются данные лица — дети (подопечные), не достигшие возраста восемнадцати лет, перечислять на банковский счет ребенка (подопечного). Распоряжение таким счетом возможно ребенком (подопечным) по достижении совершеннолетия. Порядок открытия номинального счета, зачисления и выплаты вознаграждения урегулирован статьей 1243.1 ГК РФ».